63.4
С-75

Средневековая
культура
Азии

Д-р – Конради

63.4
С-75
Николай Степановичъ
ГУЛЯЕВЪ
Иркутской Государственной Библиотеки
в инвентарную книгу
Под № 1919 2612
8/IV 1937

Средневѣковая культура Азіи

Д-ра **Конради** (Перев. С. М. Филипповой).

I.

Общій обзоръ.

Средневѣковая исторія Азіи, населенной многочисленнымъ и многообразнымъ населеніемъ, со всѣми сложными культурными и политическими отношеніями, не можетъ быть изложена въ строго-хронологическомъ порядкѣ, притомъ такъ, чтобы сохранить ясность и точность изложенія, въ краткомъ очеркѣ, которымъ здѣсь придется ограничиться.

Что же касается того, чтобы разложить разнообразныя и сложныя культуры на ихъ составныя части, — объ этомъ и думать нечего. Поэтому весьма полезно будетъ сдѣлать сначала краткій обзоръ основныхъ теченій и дѣйствующихъ силъ и затѣмъ перейти къ ихъ результату, а именно къ культурамъ отдѣльныхъ народовъ, и разсмотрѣть каждую особо.

Конечно такое описаніе будетъ только слабымъ эскизомъ.

Средніе вѣка въ Азіи характеризуются тѣмъ, что они созданы и приводятся въ движеніе двумя основными идеями. Первая выражается въ стремленіи объединить разнообразныя народности, населяющія Азію, въ одну *азіатскую культурную единицу*. Вторая—въ стремленіи соединить азіатскую культуру съ культурой Средиземнаго моря въ *европейско-азіатскую культурную единицу*.

Оба эти движенія, идущія подъ-часъ рука объ руку, возникли въ предшествующій историческій періодъ, но лишь въ эпоху среднихъ вѣковъ достигли полнаго своего развитія.

Носителемъ первой идеи былъ *буддизмъ*. Еще до начала среднихъ вѣковъ онъ сталъ сближать два великихъ культурныхъ центра Азіи, Индію и Китай, и сообщился какъ имъ, такъ и варварскимъ племенамъ, индусо-греко-бактрійскимъ и индоскиѳскимъ, образовавъ культурныя начала. Внѣ Индіи онъ привился только съ 4 вѣка по Р. Хр., а въ 6 и 7 вв. совершивъ свои величайшія завоеванія (Японія, Тибетъ, Индокитай) которыя обнимаютъ весь періодъ среднихъ вѣковъ.

Въ это же время буддизмъ почти изчезъ изъ своего отечества. Новоиндуизмъ, сходный съ буддизмомъ въ главныхъ своихъ чертахъ, находился подъ столь сильнымъ его вліяніемъ, что новобраманскую Индію можно съ такимъ же правомъ причислить къ азіатской культурной еди-

Библиотека
1259

ницѣ, съ какимъ католическую и протестанскую культуру причисляют къ европейской единицѣ.

Въ это же время начали свою дѣятельность провозвѣстники второ идеи: христіанство и исламъ. Въ IV в. христіанство было занесено в арало-каспійскую низменность, въ Мервъ; въ VI—на Цейлонъ, а въ V (638)—въ сердце Азіи, въ южный Китай, проникъ исламъ, который в сѣверо-западномъ Китаѣ появляется только сто лѣтъ спустя (742).

Но единеніе Запада и Востока, какъ уже сказано выше, началос гораздо раньше. Путь, которымъ слѣдовали христіанское и магометанск вѣроученія былъ подготовленъ и проложенъ третьимъ факторомъ—этим предтечей всѣхъ миссій, этимъ піонеромъ культуры—культуртрегером перваго ранга—торговлей. Какъ сухопутная, такъ и морская торговля ра вилась и достигла цвѣтущаго состоянія въ Восточной Азіи во время го подства западной Римской Имперіи. Возникновеніе торговли относится к еще болѣе раннему періоду. Уже въ VII в. до Р. Хр., по одной изъ дре нѣйшихъ международныхъ дорогъ, Таримской, караваны заходили в Китай; по всей вѣроятности это были скиѳскіе караваны. Морская то говля получила болѣе широкое развитіе послѣ завоеванія римлянами Египт Малакку обогнули въ первый разъ въ I вѣкѣ по Р. Хр.

Возобновленіе и болѣе широкое развитіе торговли между Западомъ Востокомъ началось въ эпоху среднихъ вѣковъ. Это обстоятельство на столько важно, что мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Теперь, какъ ранѣе, на развитіе сухопутной торговли имѣло вліяніе политическое поло женіе Китая. Главнымъ предметомъ ея былъ шелкъ. Когда Китай осла бѣвалъ и терялъ свое вліяніе на Таримскій басейнъ съ его торговыми путями сухопутная торговля становилась не безопасной, не вѣрной и потому при ходила въ упадокъ. Въ противномъ случаѣ она подымалась до значител ныхъ размѣровъ, въ особенности когда на западѣ возникли могущественны государства, что обѣщало выгодный сбытъ шелка. Вышеупомянутый цвѣ тущій періодъ былъ вызванъ именно такимъ совпаденіемъ: Китай и Рим впродолженіи нѣкотораго времени были почти пограничными государствами

Въ началѣ среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемся съ такими же условіями съ одной стороны Китай подъ властью династій Суй и Тхангъ (589—906)—на высотѣ своего могущества и въ расцвѣтѣ своей силы, съ дру гой—могущественное государство халифовъ; результатомъ былъ оживлен ный обмѣнъ втеченіи нѣсколькихъ столѣтій.

Мы видимъ, что уже вскорѣ послѣ этого Персія овладѣла Тарим скимъ басейномъ (568) и всѣми странами вплоть до Каспійскаго моря, пытается завязать торговыя сношенія съ Восточной Римской Имперіей.

Въ третій разъ наступаетъ разцвѣтъ сухопутной торговли послѣ за воеваній монголовъ и объединенія различныхъ странъ, вызванныхъ этим завоеваніемъ.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ въ исторіи морской торговли такж наступаетъ новый періодъ. Она значительно расширяется, укрѣпляется становится регулярнѣе, въ особенности когда Арабское государство рас ширяется насчетъ Персіи. Отъ V до VIII вв. индусскіе и персидкіе суд правильно посѣщали гавани Ефрата. Можно въ точности указать как ихъ путь, такъ и гавани, въ которыя они заѣзжали. Предполагаютъ т

перь (*), что несторіанская миссія проникла въ Китай именно этимъ путемъ, а не сухимъ. Въ VIII, IX вв. индусская и китайская торговля уступила мѣсто арабо-персидской, которая распространялось до восточныхъ береговъ Китая. Затѣмъ она заглохла, хотя не вполнѣ прекратилась и возобновилась снова во время господства монголовъ, такъ что въ царствованіе династіи Сунгъ—(960—1278) китайскіе корабли ходили въ Аравію повидимому правильно.

Эта средневѣковая торговля служитъ не только для развитія европейско-азіатскихъ отношеній: она вліяла также на отношенія внутри Азіи. Вслѣдъ за несторіанской миссіей къ китайскому двору проникъ буддизмъ, занесенный буддистскими монахами, потянулись послы индусскихъ князей; персидскія транспортныя судца, по словамъ китайскаго буддиста У-цзинга, отвозили китайскихъ пилигримовъ изъ Кантона въ Яву и на Цейлонъ и обратно. Извѣстныя европейцамъ торговыя дороги кажется были не единственными извѣстными въ восточной Азіи. По всей вѣроятности существовалъ водный путь между Индустаномъ и Индокитаемъ и архипелагомъ, а можетъ быть и сухопутная дорога изъ Индіи въ Китай черезъ Тибетъ. Такимъ образомъ торговля является предшественницей и сотрудницей другихъ культурныхъ вліяній; хотя періоды ея процвѣтанія прерывались—но и другіе факторы не дѣйствовали непрерывно, и она работала вмѣстѣ съ ними ввиду двухъ выше названныхъ цѣлей.

Это — активные культуртрегеры, которыхъ дѣятельность скрещивается, смѣшивается, наслояется одна на другую, образуя со старыми культурами сущность средневѣковой исторіи Азіи и налагая на нее характерный отпечатокъ. Но не слѣдуетъ забывать пассивнаго фактора, который именно вызвалъ и укрѣпилъ союзъ европейской и азіатской культуры. Дѣятельность этихъ народовъ, казалось бы, должна была быть разрушительна. Мы говоримъ о уралоалтайскихъ народахъ. Тѣмъ не менѣе они являются только орудіемъ въ рукахъ культуры, и какъ для насъ, такъ и для Азіи, имѣютъ почти одинаковое значеніе. Наши средніе вѣка, съ ихъ культурнымъ прогрессомъ, который возникъ изъ перемѣщенія и смѣшенія европейскихъ народовъ, *были подготовлены въ турецкихъ степяхъ* восточной Азіи, откуда вышло могущественное азіатско-европейское движеніе, носящее названіе переселенія народовъ. Турецкіе народы были призваны замѣнить, въ Азіи и въ Европѣ, ставшій къ тому времени малочисленнымъ и слабонервнымъ арабскій элементъ —болѣе грубымъ и болѣе сильнымъ тюркскимъ. Культурно-историческою задачею огромного монгольскаго государства было—открыть европейцамъ доступъ въ Азію, особенно въ Китай и вызвать обмѣнъ между этими двумя культурными центрами болѣе дѣятельный, чѣмъ тотъ, который существовалъ до сихъ поръ. Обмѣнъ этотъ, плодотворный для обѣихъ сторонъ, долженъ окончится объединеніемъ этихъ двухъ культурныхъ центровъ. Эти народы, которые до извѣстной степени возвратились изъ Европы въ Азію—не всегда самостоятельно—были главными распространителями ислама въ Азіи, они же создали большую, быть можетъ даже главную, часть исторіи Азіи этого періода, что мы и постараемся прослѣдить.

За ними поэтому остается право открыть обзоръ отдѣльныхъ культуръ.

Уралоалтайскія племена.

Великая уралоалтайская семья монгольскаго племени распадается на двѣ вѣтви, уральскую и алтайскую. Къ уральской принадлежатъ самоѣды и финны: къ алтайской—тюркскія племена, тунгузы и собственно монголы [1]). Народы эти распространены отъ устьевъ Амура до Лапландіи, въ Венгріи и въ Турціи. Мадьяры и болгары хотя и принимали участіе въ исторіи среднихъ вѣковъ, но благодаря своему географическому положенію входятъ въ кругъ исторически-культурнаго движенія европейскихъ народовъ. Поэтому мы займемся монголами, роль которыхъ, а именно собственно-монголовъ и тюркскихъ племенъ, чрезвычайно важна.

По недостатку мѣста, нѣтъ возможности долго останавливаться на исторіи алтайскихъ народовъ древнѣйшаго періода: ограничимся здѣсь немногимъ. Колыбелью ихъ была центральная Азія въ восточной своей части. Кажется, коренныя племена, отъ которыхъ произошли турки, жили на Орхонѣ и Селенгѣ; монголы жили къ сѣверо-востоку между Байкаломъ и Уссури (Ліао), а начиная отсюда, вплоть до Японскаго моря, жили тунгузы. Таково было положеніе этихъ народовъ за 2 в. до Р. Хр. Мракъ, окружавшій исторію этихъ народовъ, мало-по-малу начинаетъ разсѣеваться, благодаря извѣстіямъ китайскихъ историковъ, хотя свѣдѣнія эти все же очень скудны; извѣстно только, что тюркскія племена занимали восточную Монголію, и что одна вѣтвь ихъ, уйгуры, часть которыхъ еще осталась на Селенгѣ при Хами и Баркулѣ, образовала государство среди чуждыхъ ей племенъ. Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ эти народы находились въ сильномъ броженіи, движеніе ихъ направлялось преимущественно къ западу по Таримскому басейну, оттуда на аралокаспійскую низменность и отчасти къ плодоносному востоку Китая. Древняя исторія Китая переполнена описаніями войнъ съ вторгающимися «сѣверными варварами». Съ IV вѣка До Р. Хр. они выступаютъ подъ именемъ Хіунгъ-ну и многіе склонны считать ихъ народомъ тюркскаго племени. Постройка каменной стѣны (212 до Р. Хр.), закрыла имъ доступъ къ юго-востоку, сдѣлала возможной централизацію Китая, отвела движеніе «варваровъ» къ западу и была такимъ образомъ причиною того, что народная война разлилась вдоль великой римской стѣны «Лимеса» и перешла за нее. Одно за другимъ племена эти проникли въ Таримскій басейнъ, появились въ Дзунгаріи, оставляя востокъ, укрѣплялись здѣсь и господствовали, чтобы въ свою очередь быть вытѣсненными племенами, идущими въ слѣдъ за ними; они подвигались все далѣе къ западу и, наконецъ, совсѣмъ оставляли центральную Азію, проходя на туркестанскую низменность и дальше. Такъ Хіунгъ-ну (въ 157 до Р. Хр.), а позже Юе-чи (по старо-китайски Гетъ-ди)

---

[1]) Пытаются доказать, что корейцы и японцы также принадлежатъ къ алтайцамъ, но не говоря уже о томъ, что это еще не доказано, они представляютъ такія особенности въ своемъ развитіи, что ихъ мы не причислимъ сюда.

геты или индоскиѳы, происхожденіе которыхъ темно, были оттѣснены дзунгарами на Оксусъ, гдѣ и основали могущественное государство; позже, наслѣдуя греко-бактрійскимъ царямъ, они проникли въ Индію. Хіунгъ-ну, побѣжденные китайцами (119 до Р. Хр.), распались на кланы, уступили мѣсто пришедшимъ съ востока сіенъ-пи и могущественной ихъ вѣтви юанъ-юанъ, которая много вѣковъ занимала все пространство отъ Кара-Шара до Кореи.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ (въ V в. до Р. Хр.) тюркскія племена вытѣснили ихъ и господствовали здѣсь около 50 лѣтъ, причемъ господство переходило отъ одного племени къ другому. Могущественное тюркское государство Ту-Кіуе распространилось въ 6 в. до Каспійскаго моря и стало жертвою одной отрасли уйгуровъ. Не только господство переходитъ отъ однихъ народовъ къ другимъ, но и самые народы смѣняются одни съ другими.

По всей вѣроятности всѣ эти народы, особенно тѣ, которые послѣ начала нашего лѣтосчисленіи достигли извѣстной степени цивилизаціи, стали могущественны еще до того какъ пришли въ соприкосновеніе съ китайской культурой. Торговыя сношенія, направленныя по Таримской дорогѣ, со всѣми вытекающими изъ этого послѣдствіями, не могли остаться безъ вліянія на ихъ развитіе. И въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству китайскаго буддиста Фа-гіена, который въ 400 г. по Р. Хр. путешествовалъ черезъ Таримскій бесейнъ въ Индію, мы узнаемъ, что уже въ то время здѣсь были многія буддистскія государства съ значительнымъ числомъ монаховъ. По всей вѣроятности, уже въ раннюю эпоху, культура уйгуровъ находилась на высокой степени развитія. Письменность была извѣстна имъ съ давнихъ поръ (санскритъ), у нихъ существовала и литература; въ 5 вѣкѣ они дѣлали переводы съ китайскаго, позднѣе они переняли отъ несторіанскихъ миссіонеровъ сирійскія письмена, изъ которыхъ образовались также письмена монгольскія, калмыцкія и манжурскія. На ряду съ буддизмомъ и китайской цивилизаціей, проникло къ нимъ ученіе Зороастра, манихеизмъ и несторіанское христіанство, а позднѣе—исламъ.

Подобную же картину мы наблюдаемъ въ исторіи развитія культуры у Ту-кіуе. По китайскимъ извѣстіямъ, культура ихъ еще въ XI в. была относительно очень первобытна, хотя къ этому времени у нихъ была уже своя письменность. Это подтверждается также и греческими источниками, изъ которыхъ видно, что царь Тіу-кіуе (Τοῦρκοι) Дизабулъ, заключилъ союзъ съ Восточн. Римск. Имперіей, въ 568 г. и что договоръ этотъ былъ написанъ скиѳскими письменами. Въ 1888 г. въ области были найдены старинныя надписи на камняхъ, которыя очевидно писаны этой старинной тюркской азбукой. Въ 1893 г. эти письмена были разобраны Томсеномъ. Они даютъ прекрасную картину тюркской культуры 733-го года [1]).

Государственное устройство было военнобюрократическое. Глава (каганъ позднѣе кхаганъ, кханъ)—выбранный народомъ чиновникъ, военачальникъ, который обязанъ заботиться какъ о продовольствіи, такъ и о военной славѣ своего народа, что̀ очень характерно. Ему подчинено ограниченное

---

[1]) Прекрасное изображеніе ихъ можно найти у L. Cohnn'a, въ Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols. Pasis. 1896 s. 73 ff.

число военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Жреческаго сословія нѣт
а религія состоитъ въ обоготвореніи неба; можно сказать, что военная орга
низація была здѣсь религіей. Народъ дѣлился на два сословія, бегов
(begs)—это бароны, высшее сословіе, чиновная аристократія, дворяне,
будуновъ—свободное низкое сословіе. Женщина высокочтима.

Описаніе совершенно сходной культуры встрѣчается у Кудатку-бі
лика, (на 300 л. ранѣе) въ сочиненіи его «Искусство править», написа
номъ на уйгурскомъ языкѣ. Здѣсь мы видимъ (13-ая страница) болѣ
рѣзко выразившееся дѣленіе на сословія; основныя же черты, характеризую
щія это дѣленіе, тѣ-же. Этимъ объясняется то, что тюрки и ихъ потомк
турки массами примкнули къ движенію на западъ, начавшемуся въ XI в
это выясняетъ и широкое распространеніе турецкаго господства. Врожденно
имъ стремленіе къ войнѣ и военной, славѣ жадной жизни и страсть к
полученію чиновъ и и отличій съ другой, гнали тюрковъ впередъ. Страст
эта развилась въ нихъ, благодаря долгой ихъ связи съ Китаемъ. Из
за военной славы они нанимались въ качествѣ кондотьеровъ и наемниковъ
изъ за должностей—продавали свою свободу.

Страсти этой они могли удовлетворить, когда господство ихъ ра
пространилось на Туранскую низменность до персидской границы и зав
зались сношенія съ Восточной римской имперіей. Уже въ 589 г. м
встрѣчаемъ многія тысячи турокъ среди Сассанидскихъ войскъ. Когда
вмѣсто персидскаго государства, появилось государство калифовъ, то, чтоб
выдвинуться на служебномъ поприщѣ, неизбѣжно стало принятіе ислам
Туркамъ не трудно было мириться съ этимъ требованьемъ, такъ как
они, подобно всѣмъ монголамъ, не имѣли склонности не только къ фана
тизму, но и къ религіозности. По словамъ Кахуна они были весьма ра
положены къ буддизму. Мы видимъ такимъ образомъ, что тюркскія племен
сѣвернаго Таримскаго басейна исповѣдывали то несторіанское христіанств
то магометанство. Южныя же были христанами, манихеями, будди
стами. Случаи фанатическаго увлеченія магометанствомъ у турокъ рѣдки

Если среди нихъ и являлось расположеніе къ исламу, то принявш
исламъ турецкіе рабы и дезертиры [1]), начиная дѣятельность въ качеств
наемниковъ и придворныхъ, становятся феодалами, затѣмъ самостоятел
ными князьями, и могущество ихъ начинаетъ грозить опасностью гос
дарству. Династію Ередовъ основалъ одинъ турокъ въ Хорассанѣ
для калифата послѣдствіемъ этого была потеря восточныхъ областей—
Тулуниды и Ихшиды въ Турціи и Египтѣ были также турки; турецк
кондотьери были основателями газневидскаго государства, которое пр
стиралось на персидскій Иракъ, Дилемъ, Курдистанъ, Табаристанъ, Гр
зію, Хорасанъ, Сеистанъ, Ховарезмъ, Фергану и Индію—исламъ утве
дился здѣсь на продолжительное время. Основатель династіи Сельджуков
родоначальникъ нынѣ царствующихъ Османли, также былъ турокъ; он
основалъ обширное государство, которое тянулось отъ границъ Китая
Индіи до Кавказскихъ горъ, почти до самаго Константинополя, Іерусалим
и Счастливой Аравіи.

Книга Сіассетъ-наме, т. е. «Разсужденіе объ управленіи, написанное

[1]) Vgl. T. W. Arnold. The preaching of Islam. Westminster 1896, S. 183.

царствованіе Малекъ-Шаха, второго государя изъ династіи Сельджуковъ, даетъ намъ поучительныя свѣдѣнія о культурномъ состояніи турокъ въ западномъ Туркестанѣ. Всѣ тюркскія племена, несмотря на принятіе ислама, въ общемъ сохранили нравы своихъ предковъ: эти послѣдніе совершенно ошли въ ту культурную среду, которую создало смѣшеніе арабскихъ дей съ старо-иранской цивилизаціей. Религія стала играть важную роль, женщина отошла на задній планъ. Старыя, простыя отношенія уступили мѣсто государственной необходимости; разстояніе между высокимъ положеніемъ монарха и его подданными увеличилось. Могущество Сельджуковъ, достигшее своего зенита въ царствованіе Малекъ-Шаха, продолжалось не долго. Этотъ государь раздарилъ своимъ любимцамъ нѣсколько большихъ провинцій, равныхъ по величинѣ маленькимъ государствамъ, удержавъ за собою право суверенитета. Такимъ образомъ Ховарезмъ (нынѣ—ханство Хива) былъ леннымъ владѣніемъ ханскаго намѣстника или тиштъ-дара и 1037 г. находился въ рукахъ Магомета-Кутбъ-удъ-дина. Уже пріемникъ его Апизисъ достигъ независимости, боролся за нее съ сельджуками и уйгурами и основалъ династію ховаразмировъ, могущество которой возрастало по мѣрѣ того, какъ падала династія Сельджуковъ; вскорѣ весь Туркестанъ, Самаркандъ и Бухара были соединены подъ скипетромъ Ховарезмовъ.

Тунгузскіе народы также стали шевелиться и двигаться. Одинъ изъ нихъ, Китанъ или Ліао (названный такъ по имени рѣки его родины Манжуріи—Ліао-хо) основалъ въ 872 г. въ сѣверномъ Китанѣ государство того же имени и ревностно воспринялъ китайскую культуру: вскорѣ, однако, долженъ былъ уступить мѣсто государству Кинъ. Народъ, основавшій это государство, былъ родственъ манджу, и назывался цу-дзенъ; до сихъ поръ онъ былъ подчиненъ Китану. Одинъ изъ его князей, Агута, возсталъ противъ нихъ, побѣдилъ ихъ во многихъ сраженіяхъ и въ 1123 г. основалъ «Золотую монархію» (Кимъ); монголы называли главу этой династіи Алтынъ-ханами—золотыми царями. Съ китайской династіей Сунгъ, Кимы заключили пограничный договоръ, по которому они удерживали за собою право на владѣніе Пе-чи-ли, Шангъ-тунгомъ, Хо-наномъ, Шань-си съ сѣверной частью Шэнь-си. Главнымъ городомъ этого государства былъ Пекинъ, который съ того времени (1153) получилъ названіе Чингъ-ту, «резиденція центра». На сѣверѣ ихъ государство распространилось до Орхона, Тула, Керулуна и Амура. Подобно всѣмъ монгольскимъ пришельцамъ, они подпали подъ вліяніе китайской культуры; ихъ письменность происходитъ отъ китайской; она недавно была дешифрирована Э. Грубе. Въ 1234 г. монархія ихъ была уничтожена монголами.

Сѣверное государство, Кара-Китанъ (Кара-Китай) или черный Китанъ, было основано китанскимъ княземъ. Когда царство Ліао было разрушено, Туши-тальгунъ, (по китайски Іе-ліу-та-ши) военачальникъ и родственникъ послѣдняго китайскаго царя, по повелѣнію его, ворвался (въ 1124 года) съ небольшимъ отрядомъ въ западную часть Шенъ-си постепенно прошелъ въ Кашгаръ, Яркандъ, Хотанъ до Сыръ-Дарьи, т. е. въ Туркестанъ. Это знаменитый архіепископъ Іоаннъ, о которомъ въ средніе вѣка было извѣстно, какъ о могущественнѣйшемъ христіанскомъ государѣ на Востокѣ. Однако до сихъ поръ неизвѣстно, былъ-ли Іе-ліу-ши

несторіанскаго исповѣданія и имѣлъ ли право на санъ архіепископа и н
титулъ царя. Жена его была христіанка. Царство его простиралось от
Оксуса (Аму-Дарьи) до пустыни Шамо, отъ Гиндукуша до малаго Алтая
но оно уцѣлѣло лишь до третьяго поколѣнія: внукъ основателя утратил
(1117 г.) корону въ борьбѣ съ монголами.

Въ это время среди монголовъ явился герой, задавшійся цѣлью из
мѣнить карту Азіи; это былъ Темучинъ, извѣстный подъ именем
Чингисъ-Хана, т. е. могущественнаго, сильнаго. Орды его и его сынове
смели долой Ховарезмовъ, остатки государства Сельджуковъ и госу
дарства сѣвернаго Китая. Господство монголовъ распространилось быстр
на всю Азію, и грозило затопить Европу. Быстрое возникновеніе этог
громаднаго государства было возможно, конечно, только благодаря рѣд
кости населенія этихъ странъ; только въ такихъ рѣдко населенных
странахъ сравнительно небольшая, воодушевленная толпа могла покорит
себѣ разсѣянное слабое населеніе, какъ это видно изъ предыдущаго очерка
тѣмъ болѣе, что оно не было осѣдло, не имѣло ни домовъ, ни дворовъ
которые оно стало бы защищать настойчиво.

Этому способствовали обширныя пустыни и равнины. Мы видимъ
какъ монгольскіе номады, соединенные Темучиномъ въ одинъ народъ, по
добно неудержимому потоку устремились на тюркскія племена такихъ же
номадовъ; въ Европѣ волна ихъ разлилась по обширнымъ равнинамъ Рос
сіи. Ихъ ужасное вторженіе задержалось у подножія европейскихъ гор
ныхъ странъ и тамъ, гдѣ болѣе плотное населеніе было уже осѣдло, там
это вторженіе получило отпоръ. Въ населенномъ Китаѣ, гдѣ сынъ Те
мучина и его пріемникъ Кублай-Ханъ основалъ династію Юенъ, мон
голы не могли продержаться и одного столѣтія. Подобныя эфемерны
государства исчезаютъ такъ же быстро, какъ и возникаютъ. Вскорѣ посл
смерти Темучина, государство, основанное имъ и никогда не терявше
своего кочеваго характера, распалось.

Изъ Ханабальска (нынѣ Пекинъ) великіе ханы перенесли свою сто
лицу въ Каракорумъ. Руины этой резиденціи, недавно разысканныя, за
ставляютъ думать, что несмотря на найденную въ нихъ золотую цар
скую палатку, это былъ бѣдный городокъ, быть можетъ просто большо
лагерь. Монгольскіе властелины отличались религіознымъ индифферентиз
момъ и заставляли молиться о себѣ какъ несторіанцевъ, такъ и магоме
танъ. Въ Китаѣ они буддисты, въ Персіи переходятъ въ исламъ, в
Кипчакѣ—христіане, и благодаря этому вскорѣ завязался дѣятельный об
мѣнъ посольствами между западомъ и резиденціями хановъ. При их
дворѣ европейскіе путешественники въ первый разъ увидѣли китайцевъ
уроженцевъ Ономъ-Керуле, т. е. даурцевъ. Здѣсь же въ первый раз
появились, прибывшіе съ крайняго сѣвера, ловко бѣгающіе на лыжахъ
уріангъ-хай, тунгузскіе салоны съ Амура, и даже данники ихъ манчьжуры
съ острововъ Охотскаго моря, посѣщаемыхъ монгольскими охотни
ками зимой, когда замерзнетъ море. Монголы покровительствовали тор
говлѣ, и въ 14 столѣтіи началась организованная внѣшняя торговля
достигавшая въ Китаѣ Ханабальска. Въ 14 в. тюркскій элементъ ещ
разъ подымается. Тимуръ-Бекъ (родившійся въ Канѣ) въ 1333, во глав
большого тюркскаго войска, опираясь на массу тюркскихъ племенъ въ Туркестан

изъ рода Берловъ, извѣстный на западѣ подъ именемъ Тамерлана, Та-
ерленка) объединилъ, на короткое правда время, всю центральную Азію
ъ одно огромное Средне-Азіатское государство. Съ паденіемъ его дома
Тимуридовъ) заканчивается періодъ средне-вѣковой исторіи Туркестана.
Послѣ того, какъ Тимурское государство неудержимо стало разрушаться;
юркскія племена вновь начинаютъ господствовать; надъ обломками Сельд-
укскаго государства поднялись Османли, которые въ срединѣ 14 в., рас-
остраняя ужасъ и страхъ, проникли въ Европу и раззорили всѣ страны
тъ Босфора до Гемуса. Послѣдній изъ Тимуридовъ, султанъ Баберъ, дол-
женъ былъ отступить предъ Шембани-Мехмедъ-Ханомъ изъ фамиліи
Чингиза и предоставилъ ему господствовать въ Самаркандѣ. Самъ же
онъ основалъ въ Индіи, въ Дели, государство Великаго Могола.

Средневѣковая Индія.

Исторія Индіи въ началѣ среднихъ вѣковъ темна. Вотъ все, что можно
извлечь изъ скудныхъ свѣдѣній, имѣющахся объ этомъ предметѣ. На-
слѣдники Асоки занимали престолъ Магадовъ. Съ 2-го вѣка до Р. Хр. до 6-й
инастіи Сунга, Канва, и вышедшіе изъ Декана—Андрга и Гупта—сое-
инились въ значительное государство, господствовавшее надъ всей арій-
кой Индіей. На дѣлѣ господство это распространялось только на цен-
тральную Индію. На востокѣ, на западѣ и на югѣ существовали болѣе
или менѣе могущественныя государства, какъ-то въ Бенгаліи, въ Ориссѣ
и въ Гуджаратѣ и только изрѣдка удавалось Магадамъ занять преж-
нее главенствующее положеніе среди нихъ. Главной причиной этого
были условія существованія въ западной Индіи. Со времени похода Алек-
сандра Македонскаго, она стала доступна чуждому вліянію, такъ что время
отъ времени на нее распространялась власть греко-бактрійскихъ царей,
напр. въ царствованье знаменитаго Менандра,—Мелинды по правописа-
нію южно-буддистскихъ писателей. Въ 150 г. пр. Р. Хр. оно распростра-
нялось на Пенджабъ и сѣверо-западныя провинціи, и преемники ихъ,
Юе-чи, въ царствованье ихъ царя Канишки (78 по Р. Хр.), владѣли силь-
нымъ государствомъ. По смерти его оно распалось; борьба съ индоскиѳами
и ефталитами—бѣлыми гуннами, нахлынувшими слѣдомъ за ними, длилась
все время вплоть до 6-го в. Изъ нихъ образовалось, наконецъ, блестящее
государство Гупта; когда оно пало (вѣроятно вслѣдствіе вторженія ефта-
литовъ)—возникло еще болѣе блестящее и могущественное государство,
государи которыхъ, Викрамадитья и его родъ, изгнали изъ Индіи ски-
ѳовъ, послѣ чего наступила для Индіи эпоха блестящаго разцвѣта.
Но послѣ этого цвѣтущаго періода наступилъ мрачный, длившійся съ на-
чала 8 в. почти до средины 10-го. Мы знаемъ о политической, религіоз-
ной и культурной исторіи Индіи этой эпохи такъ не много, что это
почти что ничего. Мы можемъ только предполагать, что это была
эпоха дикихъ внутреннихъ войнъ. Когда завѣса вновь открывается, могу-
щественное государство является распавшимся на мелкія княжества (Дели,
Канауджи, Адшмиръ, Мальва и т. д.) престолы которыхъ занялъ новый
родъ Раджпутовъ. Кажется, они появились къ началу среднихъ вѣковъ,

такъ какъ ужъ съ 5 вѣка мы находимъ могущественную фамил
Раджпутовъ, Чалукья, въ Деканѣ, гдѣ господство ихъ длилось до
вѣка, причемъ они раздѣлились на двѣ вѣтви, восточную и западну
преемниками ихъ были Беллала изъ Мейзюра и Какати, изъ Вара
гала—также изъ рода Раджпутовъ. Кажется къ этому же роду принадл
жали Кесари изъ Ориссы (476 — 1132), а также Пала и Сена и
Бенгаліи (отъ 9 до 12-го вѣка. Между тѣмъ какъ сѣверная и це
тральная Индіи были до магометанскаго завоеванія въ рукахъ этихъ н
выхъ государей, что длится отчасти и до настоящаго времени, южна
Индія оставалась подъ властью своихъ прежнихъ государей, Чола, Панды
Чера и Керàла; гроза пощадила этихъ властителей, которые пользовали
своей старой, возникшей быть можетъ еще въ до-арійскія времена, ку
турой, оживлявшейся и обновлявшейся ревностнымъ торговымъ обмѣномъ
западомъ.

Въ 647, а позже отъ 711, Индія пришла въ соприкосновеніе
магометанскимъ западомъ, когда магометанскій правитель Бассоры о
правился съ войскомъ въ Индію, чтобы вынудить выдачу захваче
наго въ Индійскомъ морѣ арабскаго судна; и все же, покой Индіи не н
рушался, пока одинъ тюркскій предводитель разбойничей шайки, Севюкт
кинъ (976) въ Газнѣ въ Кабулѣ, у подножья Гиндукуша, не основалъ с
мостоятельное государство, которое вскорѣ стало расширяться по всѣ
направленіямъ. Великій сынъ его, Махмудъ, вдохновенный мусульманин
одинъ изъ немногихъ фанатиковъ среди тюрковъ, покорилъ себѣ государст
Саманидовъ въ Персіи, побѣдилъ безчисленныя полчища уйгуровъ, по
властью Илекъ-Хана, при Балкѣ, вытѣснивъ ихъ изъ Средней Азіи и расшири
границы своего государства до Ганга. Онъ подчинилъ себѣ раджей въ Лагор
въ Мультанѣ, въ Дели, разрушилъ индусскія пагоды на отрогахъ Гималаев
чтобы водворить здѣсь исламъ, разграбилъ богатства храма Магадевы
Сомнатѣ и вывезъ отсюда громадную добычу. Въ этомъ блестящемъ гос
дарствѣ Газневидовъ процвѣтала торговля и промышленность, наука
и поэзія, а дворъ Магомета украшали своимъ присутствіемъ знаменитѣ
шіе поэты и ученые Востока. Центръ тяжести этого государства нах
дился все-таки не въ Индіи, а въ Персіи. Хотя Газневиды были предан
исламу, но утвердили свою власть на признаніи національнаго чувства. О
были терпимы къ поклонникамъ огня и свѣта; и во время ихъ госпо
ства языкъ и поэзія Персіи вновь возродились. Махмудъ былъ личным
другомъ Фирдуси, который писалъ, живя при дворѣ его, свою знамен
тую поэму Шахъ-Наме. Султанъ Масудъ III первый перенесъ столи
изъ Газны въ Лагоръ, т. е., за предѣлы Индіи. Однако государство Газн
видовъ стало вскорѣ жертвою Сельджуковъ. Тогда возвысился домъ Гар
довъ въ Лагорѣ, покорившій себѣ всѣ страны къ сѣверу отъ Нербудды,
Бенгалію, Синда и Гузератъ. Бенаресъ, главное мѣстопребываніе брама
ской науки, былъ при этомъ раззоренъ (1194 г.).

По смерти Магомета Гаура, въ 1205 г., огромное государство е
было раздѣлено; Персія досталась Йильдизу, Индія—Кутбъ-удъ-Дину, основ
телю Патанской или Афганской династіи на Индустанѣ. Онъ перене
столицу свою изъ Лагора въ Дели. Подъ управленіемъ этой династіи в
сѣверная Индія соединилась вскорѣ въ одно государство, хотя обширн

но съ хорошимъ внутреннимъ устройствомъ. Только Деканъ, почти равный по величинѣ тому пространству, какимъ владѣли Патаны на Индустанѣ, не входилъ въ составъ этого государства, и несмотря на неоднократныя попытки, избѣгъ завоеванія. Въ царствованіе этой династіи повторялись все болѣе и болѣе частые набѣги монголовъ на Пенджабъ, а въ 1244 г. они дошли до Бенгаліи. Эти потрясенія придали духу многимъ данникамъ возстать противъ султана въ Дели. Возстанія этихъ князей, ведуясь съ набѣгами монголовъ, утвердившихся въ Пенджабѣ, ослабляли все болѣе и болѣе это государство. Такимъ образомъ во время Тимура оно было значительно меньшихъ размѣровъ. Опустошительное нашествіе монгольскихъ завоевателей почти не измѣнило политическаго устройства Индіи, такъ какъ Тимуръ ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ своимъ данникомъ Делійскаго султана. Но когда (въ 1413) угасла Патанская династія, положеніе Индустана стало безнадежнымъ. Сначала поколебались тугланаки (1330—1412), затѣмъ—сеиды (1413—1450) затѣмъ вся Индія распалась на множество мелкихъ государствъ или намѣстничествъ (субабіи). Еще разъ афганскій домъ, Лоди, завладѣлъ Делійскимъ престоломъ, но въ началѣ 16 вѣка государство вновь очутилось въ затруднительномъ положеніи и благодаря этому, султанъ Баберъ вновь завоевалъ Индію.

Такова, въ главныхъ чертахъ, судьба Индіи той эпохи, которая соотвѣтствуетъ среднимъ вѣкамъ въ Европѣ. Для Индіи въ то время начинается также новая эра; хотя здѣсь она вызвана совершенно иными причинами. Въ Индіи, какъ и въ Европѣ, на старую культуру нахлынули полудикія орды; но здѣсь имъ не удалось сломить ее: напротивъ, побѣдоносная борьба съ ними укрѣпила національное чувство индусовъ или, лучше сказать, развила его.

Причиною же новообразованій было вторженіе новой культуры, а именно греческой, которая, смѣшавшись съ иранскими элементами, втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ проникала сюда, оживляя и оплодотворяя старую культурную Индію. Живой обмѣнъ съ внѣиндусскимъ міромъ, вызванный этими обстоятельствами, долженъ былъ расширить кругозоръ индусовъ. Такимъ образомъ уже въ началѣ этого періода въ Индіи произошли существенныя измѣненія. Науки и искусства достигаютъ пышнаго расцвѣта и носятъ отчасти греческій отпечатокъ; на ряду съ благороднымъ санскритомъ начинаютъ развиваться народныя нарѣчія, и въ то время, какъ буддизмъ исчезаетъ, старый браманизмъ, претерпѣвая существенныя измѣненія, обращается въ индуизмъ.

Въ эпоху Викрамидовъ (500—750) расцвѣтъ наукъ и искусствъ, еще не наступилъ, только строительное искусство начинаетъ развиваться ранѣе другихъ. Въ самомъ дѣлѣ это «августіанская» эпоха въ Индіи, какъ называетъ ее Дуттъ [1]). Вслѣдъ за строительнымъ искусствомъ поэзія распустила свои прелестнѣйшіе цвѣты; драма достигла высокаго развитія. Эта поэтическая форма, по всей вѣроятности, заимствована изъ Греціи. Произведенія Калидасы и Бгавабгути не только лучше всего, что написано на санскритскомъ языкѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ

[1]) Romesh Chunder Dutt, A history of civilisation in ancient India. Calcutta 1889—90, 3 тома.

напримѣръ Сакунтала,—поистинѣ безсмертны. Калидаса пожиналъ лав
не только въ качествѣ эпическаго и лирическаго писателя. Написанн
прозою сборникъ Панчатантра, на которомъ отразилось вліяніе буддi
скихъ воззрѣній, этотъ замѣчательный животный эпосъ (басни и сказ
даетъ намъ понятіе объ индусскомъ міросозерцаніи того времени. Уже
6 вѣкѣ онъ былъ занесенъ на западъ, гдѣ далъ матеріалъ для произ
деній европейской литературы. Тогда же возникъ и романъ, аналогичн
съ греческимъ, и создавшійся здѣсь очевидно также подъ греческимъ вл
ніемъ. Необыкновенныя приключенія и сказочный характеръ его служа
отраженіемъ тѣхъ туманныхъ, неясныхъ представленій о внѣшнемъ мі
которыя были послѣдствіемъ дѣятельныхъ сношеній съ западомъ. И
наукъ возродились здѣсь медицина, астрономія и математика, так
достигшія высокой степени развитія. Астрономія и математика сильно
двинулись впередъ благодаря греческому вліянію, и въ VI-мъ вѣкѣ матем
тика получила свое собственное научное обоснованіе, благодаря Арьябга
и опередила своихъ учителей, такъ что въ XII столѣтіи—Бгаскарачар
разрѣшалъ такія задачи, рѣшеніе которыхъ въ Европѣ стало извѣст
только въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Вслѣдъ за этимъ подъемомъ духа послѣдовалъ мрачный періо
длившійся отъ VIII до X вв., безплодный какъ для наукъ, такъ и д
искусствъ. Послѣ этого онѣ уже не поправлялись вполнѣ, хотя и поя
ляются такія произведенія какъ Гитагиванда Ядевы, одно изъ мелоди
нѣйшихъ поэтическихъ произведеній санскрита, написанныхъ въ 12 вѣк
можно сказать, что Индія вышла изъ гражданскихъ войнъ надломленно
апатичной. Только въ одной отрасли искусствъ она проявляетъ свою дѣ
тельность—это въ архитектурѣ.

Пластическое искусство [1]) въ Индіи обязано своимъ развитіемъ бу
дизму, который первый далъ вѣрующимъ пластическій предметъ обожанi
Будду, а зданія, въ которыхъ сохранялись реликвіи буддизма, послужи
проектами архитектурныхъ произведеній.

Два стиля отчетливо выдѣляются въ архитектурѣ этого вѣка: пер
сидско-индусскій, представляющій смѣсь стиля, господствовавшаго въ гос
дарствѣ Ахеменидовъ и проникшаго въ Индію во время вліянія этого гос
дарства на нее,—съ древне-индусскимъ стилемъ (рѣзьба на деревѣ), нап
минающимъ сѣверный; и стиль школы Гандгара, который ошибочно назы
ваютъ также греко-буддійскимъ; стиль этотъ возникъ въ сѣверо-западно
Индіи, въ Кабулѣ, подъ вліяніемъ античнаго, и отчасти древне-христіа
скаго искусства, у котораго онъ заимствовалъ форму, но не содержанi
Хотя этотъ стиль значительно повліялъ на стиль персидско-индусскій, он
все же представляетъ въ Индіи, благодаря политическимъ и географиче
скимъ условіямъ, явленіе не постоянное, (напримѣръ въ Амаравати). З
то онъ сталъ принадлежностью сѣверной буддистской школы, и повсюду, гдѣ по
являлся буддизмъ, стиль этотъ также укрѣплялся: въ Тибетѣ, въ Китаѣ
въ Японіи, а быть можетъ и на Явѣ. Персидско-индусскій стиль, напро
тивъ того, сдѣлался національнымъ. Памятники, сохранившіеся въ собствен

---

[1]) Предметъ этотъ великолѣпно обработанъ у A. Grünwedel'я, Buddistisch
Kunst in Indien. Berlin 1893.

ной Индіи, пещерные храмы, монастыри и храмы,—построены въ этомъ стилѣ и понынѣ вызываютъ въ насъ удивленіе. Высшей точки своего развитія онъ достигаетъ въ I вѣкѣ по Р. Хр. Съ V по VI вѣкъ, съ паденіемъ буддизма, падаетъ также и этотъ стиль, и когда онъ вновь появляется въ индусскихъ храмахъ слѣдующихъ столѣтій,—то замѣчается стремленіе замѣстить недостатокъ красоты и искусснаго выполненія массивностью и громадностью размѣровъ. Каменныя рѣзныя украшенія, которыми сверху до низу украшены эти постройки, поражаютъ своей утонченностью и тщательнымъ наблюденіемъ природы; на нихъ ясно отразилось вліяніе стиля, въ какомъ преобладаетъ деревянная рѣзьба. Этотъ стиль встрѣчается внѣ Индіи въ тѣхъ мѣстахъ, куда проникли южно-буддистскіе миссіонеры, т. е. въ Индо-Китаѣ, на Цейлонѣ, а также въ Непалѣ и въ Тибетѣ, и отчасти въ Китаѣ и Японіи.

Существенныя измѣненія произошли въ это же время и въ религіи. Уже въ началѣ этого періода, въ VII в., буддизмъ начинаетъ колебаться въ Индіи и на ряду съ этимъ получаетъ болѣе широкое распространеніе въ другихъ странахъ. Когда черезъ 200 лѣтъ онъ вновь начинаетъ играть роль въ исторіи Индіи, здѣсь онъ уже почти повсемѣстно исчезаетъ и уступаетъ мѣсто индуизму. Вновь пробудившееся національное сознаніе, которое отвергало буддизмъ, т. е. вѣроученіе враговъ страны, индоскиѳовъ, не могло быть единственной причиной этого исчезновенія, такъ какъ въ VI и VII вѣкахъ здѣсь господствовала еще полнѣйшая вѣротерпимость. Но, конечно, причиной этому были тѣ преслѣдованія огнемъ и мечемъ, которымъ подвергался онъ въ VIII вѣкѣ. Преслѣдователями этими были кажется Раджпуты. Фанатизмъ ихъ объясняется лучше всего, если признать вмѣстѣ съ Дуттомъ [1]), что онъ былъ для нихъ новъ.

Буддизмъ исчезъ однако изъ Индіи не безслѣдно. Слѣды его находятся у враждебнаго ему его преемника, индуизма, на который онъ оказалъ такое же вліяніе [2]), какое на буддистовъ оказалъ браманизмъ. Вліяніе это сказывается какъ разъ въ тѣхъ двухъ главныхъ пунктахъ, въ которыхъ новоиндуизмъ расходится съ браманизмомъ, въ ученіи о тройственности и въ идолослуженіи. Ведійская религія была обоготвореніемъ силъ природы, которымъ все еще приносились жертвы, несмотря на то, что вѣра въ высшее существо уже возникла. Индуизмъ (какъ и буддизмъ) предоставлялъ этимъ древнимъ богамъ первое мѣсто, возвышая надъ ними Троицу (Тримурти): Браму (Творца), Вишну (Вседержителя) и Сиву (Разрушителя). Вишну и Сива—древніе народные боги, которые введены въ систему изъ уваженія къ народнымъ вѣрованьямъ. Такимъ образомъ они являются объектами культа, причемъ предпочтеніе отдается то одному, то другому. И, однако, это, по всей вѣроятности, связано съ буддистскимъ понятіемъ о троичности. Еще вѣроятнѣе, что идолослуженіе было наслѣдіемъ буддизма. Ведійской религіи оно было совершенно чуждо, пластика совершенно отсутствовала въ ней, буддизмъ же, напротивъ того, уже въ началѣ нашей эры выродился въ идолопоклонство. Есть и еще черты, показывающія, какъ вліялъ буддизмъ на характеръ новоиндуизма: таковъ, напримѣръ, взглядъ нѣкоторыхъ

---

[1]) Тамъ-же, I, 30 и 5.
[2]) Dutt, тамъ-же III, 270.

вишнуитскихъ сектъ на кастовое дѣленіе, на состраданіе по всему жив
щему. И въ самомъ дѣлѣ было бы странно, если бы религія, почитаем
въ теченіе столькихъ вѣковъ, исчезла безслѣдно; точно также было
странно, если бы основатели новой религіи, жрецы, были такъ неблагор
зумны, что не старались бы отыскать въ ней точку опоры. Но дост
точно и этихъ указаній. О дальнѣйшемъ развитіи религіозныхъ системъ
индусовъ, о томъ, напримѣръ, что каждому богу, (даже лицамъ троиц
приписывалась супруга, такъ что всѣхъ боговъ насчитывалось до 3
милліоновъ—вдвое больше чѣмъ вѣрующихъ—нечего и говорить.

Таково было положеніе Индіи, когда она подверглась магометанском
завоеванію. Причина быстраго паденія сѣвернаго государства, которое ста
жертвою горсти враговъ, заключается не только въ разъединеніи и сопе
ничества индусскихъ князей, она также независима отъ лучшаго качест
магометанскихъ войскъ,—индусы были храбры—она коренилась въ нед
статкѣ національнаго чувства у индусовъ. Это произошло во врем
междуусобныхъ войнъ, въ VII и IX вѣкахъ, и индусы съ такою же гото
ностью подчинялись магометанскому князю, съ какою раньше они подч
нялись Раджпутамъ. Благодаря этому, утрата самостоятельности почти
прерывала дальнѣйшаго развитія культуры въ Индіи. Если и былъ пер
рывъ, то во всякомъ случаѣ онъ былъ менѣе продолжителенъ, чѣмъ тот
который являлся послѣдствіемъ междуусобныхъ войнъ

Во всякомъ случаѣ взгляды завоевателей оказали на это свое вліяні
такъ какъ они держались здѣсь того же принципа, который руководил
ими и ранѣе; когда остыло то раздраженіе, которое было внесено «св
щенною войною», когда первая жажда добычи была утолена, они дал
свободу новымъ своимъ подданнымъ, какъ по отношенію къ вѣроисповѣ
данію, такъ и во всемъ, касавшемся существующихъ нравовъ и обычаевъ
исламъ распространился въ Индіи гораздо болѣе мирнымъ путемъ, чѣм
оружіемъ [1]). По словамъ Лассена, внося такъ называемую «Кирая»—
подать поземельную и подушную, жители удерживали за собою сво
земли, не обязываясь при этомъ къ принятію ислама, они получал
кромѣ того право пользоваться защитой своихъ новыхъ господъ,
здѣсь сложились тѣ-же отношенія между завоевателями и завоеван
ными, какія были въ Персіи. Индусскіе князья оставались правите
лями своихъ владѣній, подъ условіемъ — признавать верховную власт
своихъ побѣдителей, платить имъ подати, и поставлять, въ случаѣ на
добности, войска. Когда чужеземное господство пустило болѣе глубок
корни, подати стали распредѣляться правильно мусульманскими правит
лями. Они воспользовались староиндуской системой управленія: *пат*
т. е. «господа» (управляющіе) назначались надъ 1, 10, 20, 100, 100
деревень и городовъ. Высшіе чиновники этого рода носили названіе *дес*
садхикариновъ, по персидски зимендаръ, или «землевладѣльцы». Му
сульмане удержали этихъ чиновниковъ и поручили имъ полицейскій над
зоръ и взысканіе податей въ деревняхъ и городахъ, такъ же какъ и над
зоръ за земледѣльцами, которые также находились въ ихъ вѣдѣніи. Управ

[1]) Прекрасное описаніе этого находимъ въ извѣстномъ сочиненіи T. W
Arnold'a The preaching of Islam.

[2]) Indische Altertumskunde, Leipz. 1857—77, III, 1153 ff. Vyl. и у Arnold'a

ленiе военнымъ дѣломъ удержали за собою знатные мусульмане, къ которымъ была причислена часть войска. Оба основныхъ положенiя индускаго государства, касты и сельское устройство съ наслѣдственными чиновниками и ремесленниками, пережили господство магометанъ и существуютъ до сихъ поръ въ тѣхъ частяхъ Индiи, гдѣ они вводились сравнительно позднѣе, или же тамъ, гдѣ оставалось незначительное число мусульманъ, или тамъ наконецъ, гдѣ коренное населенiе обратилось въ исламъ. Сохраняя частью староиндусское устройство, магометанскiе монархи не могли помѣшать и другимъ его частямъ долго удержаться. Само собою разумѣется, что они назначали на высшiя должности только магометанъ, и что отъ слугъ государства требовалось признанiе ислама: это способствовало его распространенiю лучше, чѣмъ всякiя принудительныя мѣры; въ судебныхъ учрежденiяхъ мусульманскiе законы имѣли рѣшающее значенiе. Ни обычаи, ни религiя магометанъ не могли повлiять на измѣненiе системы вѣрованiй у народа, который, подобно индусамъ, твердо держался своихъ вѣрованiй, обычаевъ и нравовъ. Напротивъ того, оставшiеся въ Индiи магометане усвоили себѣ индусскiе обычаи. Религiозныя вѣрованiя мусульманъ обращаютъ на себя вниманiе нѣкоторыхъ сектъ только только позднѣе, въ 1500 г. Секта сикховъ (Sikhs—ученикъ) главнымъ образомъ интересуется исламомъ. Исламъ получаетъ широкое распространенiе, отчасти по тѣмъ же причинамъ, которыя содѣйствовали распространенiю буддизма: онъ давалъ возможность людямъ низшихъ классовъ искать путь къ спасенiю, облегчалъ ихъ участь, дѣлая ихъ существованiе соотвѣтствующимъ человѣческому достоинству.

Что касается положенiя искусствъ этого мирнаго перiода, то изъ нихъ только архитектура совершенно заглохла во время мусульманскаго вторженiя—причиной этому былъ, быть можетъ, недостатокъ средствъ. Только дравидскiй стиль, какъ пришедшiй въ соприкосновенiе съ мусульманами гораздо позже, сохранился впродолженiи еще ста лѣтъ. Даже сложился за это время особый стиль, возникшiй, впрочемъ, изъ стараго нацiональнаго стиля. Поэзiи не коснулись политическiя перемѣны, она продолжала процвѣтать, но въ иной формѣ: ей служилъ теперь народный языкъ. Выше мы обратили вниманiе на то, что новая эпоха, среднiе вѣка, создали новую форму языка. Это же явленiе—не ограничивавшееся одной Индiей—встрѣчалось тамъ неоднократно; такимъ образомъ съ возникновенiемъ государства Магада и съ слѣдующимъ затѣмъ появленiемъ Будды—появляется *пали*, остающiйся священнымъ языкомъ южныхъ буддистовъ. Возвышенiе индуизма въ царствованiе новой династiи, Викрамидовъ, выдвигаетъ *пракритскiй* языкъ, *Вароруци*: въ царствованье *Викрамадитьи* составлена первая грамматика этого языка. Въ драмахъ, въ которыхъ различныя касты говорятъ на разныхъ дiалектахъ, языкъ этотъ былъ нарѣчiемъ низшихъ кастъ. Теперь дiалекты созрѣли, не избѣгнувъ магометанскаго влiянiя (*урду*, лагерный языкъ, который и теперь еще служитъ въ качествѣ lingua franca въ сѣверной Индiи) и заявляли свои права на извѣстную роль въ литературѣ. Ранѣе другихъ выступилъ *инди*, приходный языкъ высшихъ кастъ въ с. Индiи; на этомъ языкѣ воспѣто паденiе послѣдняго Делiйскаго царя, приблизительно въ 1200 г. въ произведенiи: «*Притирасбражу*», *Канды-Бордая*. Остальные дiалекты

БИБЛИОТЕКА 1259

только позже создаюъ свою литературу, такъ, напримѣръ, *маратѳ* въ 13 в., бенгальскій и гуджара въ XV в. Мусульмане также прин участіе въ этомъ мирномъ состязаніи въ XIII и XIV вв.; но только 18 вѣкѣ появились у нихъ поэты, достойные вниманія—Сауда, Мир другіе.

Распространеніе буддизма.

Ни одно вѣроученіе не возбуждаетъ такого живого интереса христіанахъ, какъ буддизмъ. Это ученіе, несмотря на свое сущест ное различіе съ христіанствомъ, имѣетъ съ нимъ многія точки сопри новенія. Какъ поэтому, такъ и потому, что оно играетъ столь важ роль среди многочисленныхъ народовъ, которые оно покорило себѣ нымъ путемъ, необходимо внимательно прослѣдить дальнѣйшій его развитія. Буддизмъ представляетъ собою систему неизмѣримо вел ственную; онъ охватываетъ всѣ отрасли знанія, которымъ приписыва народами запада извѣстное воспитательное значеніе. Въ буддизмѣ во тились странныя и величавыя воззрѣнія физическія,—какъ раффинир ныя, такъ и грубыя теоріи; абстрактная метафизика, фантастич мистицизмъ, выработанная и многосторонняя система практической мо наконецъ церковная организація, разработанная въ принципіальномъ шеніи до такихъ тонкостей, до такихъ детальныхъ подробностей, ни одна въ цѣломъ свѣтѣ. Достойна вниманія особенность, вложенна буддизмъ мастерской рукой его творца—духъ свободомыслія и абсо ной терпимости, характеризующіе какъ появленіе, такъ и распрост ніе буддизма и дающіе ему возможность воспринимать цѣнныя идеи в вѣроученій, съ какими онъ приходитъ въ соприкосновеніе, и входит компромиссы съ какими угодно народными вѣрованіями; основанныя церкви держутся тысячелѣтія, никогда не преслѣдуя ни одного диссид

Въ первые сто лѣтъ послѣ смерти Будды [1]) (477 до Р. Х восьмидесятилѣтней жизни котораго сложились безчисленныя и р образныя саги, ученіе его не проникло, кажется, за черту странъ, л щихъ по Гангу. Это произошло во время Чандрагупты [2]) изъ Ма (Сандракотъ по гречески), который расширилъ свое государство на за до натуральныхъ границъ Индіи и былъ преданъ ученію Будды; в его Асока—величайшій правитель, какого когда либо имѣла Индія, ститель почти всего полуострова также былъ буддистъ. Онъ стре распространить буддизмъ по всему извѣстному ему свѣту. Въ этом величіе. Онъ могущественнѣйшій послѣдователь идеи объединенія въ союзъ человѣчества, на которую въ буддизмѣ мы встрѣчаемъ т намекъ. «Причиной того, что эта идея пробудилась и начала дѣйств какъ разъ въ это время, или, лучше сказать, видоизмѣнилась та образомъ, было столкновеніе ея съ идей всемірнаго государства, вопл

---

[1]) Настоящее его имя было Сиддартха, монашеское имя было Га „Будда“ значитъ просвѣтленный.

[2]) Пишется латин. букв. Candragupta; по С. въ индуск. им. выгов. ка

ой въ не менѣе великомъ государѣ, Александрѣ Македонскомъ, чрезъ посредство котораго она проникло въ Индію. Проникновеніе этой идеи въ Индію, имѣло еще и другія послѣдствія. Оно отчасти сообщило ей то направленіе, которое Александръ Македонскій далъ грекамъ и персамъ и изъ котораго возникъ эллинизмъ, — направленіе, цѣлью котораго было разбить границы національнаго и сплавивъ особенности, ранѣе разъединявшія народы—кровь, нравы, религію, искусства и науки, привести ихъ къ высшему единству, къ союзу человѣчества, возвышая ихъ до идеи гуманизма. Это направленіе, встрѣтивъ въ Индіи молодой, недавно возникшій буддизмъ, захватило его и было имъ захвачено». [1]) Поэтому уже въ царствованіе Асоки отправлялись буддистскіе проповѣдники въ Переднюю Азію, въ Бактрію и на Цейлонъ, и обратили въ буддизмъ государей этихъ странъ. Въ Китай (217 до Р. Хр.) хотя и проникли буддійскіе миссіонеры, но буддизмъ распространился здѣсь только 300 л. спустя. Разумѣется Асока распространилъ это ученіе по всей своей странѣ, чему свидѣтельствомъ служатъ его многочисленные указы, и здѣсь, несмотря на нѣкоторую враждебность, встрѣченную этимъ ученіемъ оно продержалось, какъ мы видѣли, до начала среднихъ вѣковъ. Извѣстія Фа-Гіена и Гіенъ-Дзанга не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ процвѣталъ здѣсь въ 5 и 7 в.в. Отъ нихъ мы узнаемъ также о татарскихъ буддистскихъ государствахъ Средней Азіи. Буддизмъ проникъ туда, по всей вѣроятности, до начала нашей эры, вслѣдъ за торговыми сношеніями, такъ какъ въ это время торговля находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Какъ вообще всѣ монгольскія племена, Юэ-чжи, кажется, имѣли къ нему особую склонность. Канишка, великій царь (въ Кашемирѣ) былъ такимъ же горячимъ и преданнымъ послѣдователемъ буддизма, какъ и Асока. Въ царствованіе его въ Кашемирѣ былъ послѣдній соборъ и на немъ былъ пересмотрѣнъ канонъ; соборъ этотъ однако не былъ признанъ Цейлонскою церковью. Такимъ образомъ произошелъ церковный расколъ, въ I в. до Р. Хр., подобный происшедшему на западѣ, когда раздѣлились римская и греческая церкви. Съ этого времени сталъ различаться сѣверный буддизмъ отъ южнаго. Южный сохранился въ болѣе чистой формѣ, такъ какъ на замкнутомъ Цейлонѣ онъ не могъ подвергнуться большимъ измѣненіямъ. Сѣверный же буддизмъ, приходившій въ постоянное соприкосновеніе съ браманизмомъ, съ народными культами (сиваизмомъ) и съ грубыми воззрѣніями полуварварскихъ племенъ, уже въ раннюю эпоху превратился въ каррикатуру на первоначальное ученіе. Измѣненный такимъ образомъ, онъ тѣмъ легче принимался шаманскими монгольскими народами, въ которымъ принадлежатъ въ массѣ и китайцы. Вотъ почему онъ получилъ такое широкое распространеніе.

Въ 65 г. по Р. Хр. этотъ сѣверный буддизмъ сталъ оффиціальной религіей въ Китаѣ. Онъ шелъ въ разрѣзъ со старой китайской культурой и утвердился здѣсь только черезъ многіе вѣка, да и то не вполнѣ сроднившись съ старой культурой, и если принять во вниманіе, что онъ шелъ въ разрѣзъ со сложившимися здѣсь ранѣе воззрѣніями, то медленное его укорененіе не покажется страннымъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ,—и

[1]) C. F. Köppen, Die Religion des Buddha. Berlin. 1857 г. I, 159 г.

это скорѣе можно считать чудомъ,—онъ, благодаря безпримѣрной спос
ности своей къ ассимиляціи, такъ слился съ китайскими міровоззрѣнія
что весь почти китайскій народъ былъ увлеченъ до извѣстной степе
буддистскими идеями. Китайцы сами говорятъ: «три ученія» конфуц
низмъ, таоизмъ [1]) и буддизмъ—одно ученіе.

Буддизмъ (372 г. по Р. Хр.) проникъ изъ Китая въ Корею,
оттуда въ Японію (552). Въ Кореѣ у него не было особенно многи
послѣдователей, въ Японіи онъ сталъ оффиціальной религіей, но смѣша
съ мѣстнымъ героическимъ культомъ (ками), такъ что здѣсь за ни
сохраняется только имя.

Но величайшую побѣду одержалъ онъ въ Тибетѣ. Въ эту замкнут
страну онъ проникъ (въ 407 г. по Р. Хр.), но не могъ тогда пусти
здѣсь глубокихъ корней. Когда царь, Сронгъ-бдзанъ-сгамъ-по, ввелъ
въ началѣ 7 в.—успѣхъ его былъ не великъ.

Онъ ввелъ письменность (тогдашнюю сѣверо-индускую) и нача
обширный сборникъ переводовъ съ санскрита, извѣстныхъ подъ имене
канджуръ и танджуръ. Но только въ царствованіе Кхри-сронгъ-лъ
бдзана (740 — 86) буддизмъ былъ повсемѣстно признанъ и хотя
царствованіе сына этого царя, Глянгъ-даръ-ма (въ 9 вѣкѣ) онъ подвер
жестокимъ гоненіямъ, онъ продолжалъ существовать и получилъ іера
хическое, подобное устройству римско-католической церкви, устройст
которое мы называемъ ламаизмомъ. Ламаизмъ представляетъ полный
ставъ церковной іерархіи, съ ея папою — ламой (бла ма — высшій)
епископами, монахами и монахинями, съ ритуаломъ, напоминающи
католическій. Это пытались объяснить тѣмъ, что онъ воспринялъ христі
скія идеи, занесенныя сюда несторіанскими миссіонерами. И, однако,
еще не достовѣрно и нѣтъ никакой необходимости объяснять так
образомъ. Совершенно ясно, что ламаизмъ вытекалъ прямо изъ буддиз
Ни одинъ изъ его догматовъ не чуждъ сѣверному буддизму. Его в
рожденіе въ XIV ст., создавшее настоящій ламаизмъ, подобный папству, о
ралось на старобуддистскіе догматы (о безбрачіи, покаяніи, постѣ). Ламаи
въ существенныхъ чертахъ, это—сиваизмъ въ соединеніи съ ламаизмо
(такъ называемая религія бонъ) и съ буддизмомъ. Онъ получилъ с
іерархическое устройство, благодаря тому, что высшіе священники б
знатнаго происхожденія и отчасти принадлежали къ царскимъ родам
послѣ паденія стараго царскаго режима, эти духовные князья пріобр
власть сувереновъ. Они были признаны и укрѣплены Кублай-ханомъ, к
рый, такимъ образомъ, игралъ роль Карла Великаго въ Тибетѣ. Ламаи
проникъ, благодаря ему, въ Монголію и въ Китай, такъ что будди
является здѣсь въ двухъ формахъ.

Почти въ каждой странѣ утверждается раньше другихъ та рели
которая распространяетъ знанія, и Тибетъ не былъ исключеніемъ
этого правила. Почти все цѣнное въ тибетской литературѣ проникло с
изъ Индіи; она, главнымъ образомъ, состоитъ изъ буддистскихъ сочинені
изъ переводовъ. Это очень важно въ исторіи культуры Тибета. Въ

---

[1]) Ученіе Лаоцзы, предшественника Конфуція (и Будды), назван
имени написанной имъ книги Tao-te-king (Путь къ истинѣ).

ремя, какъ Барма и Сіамъ сдѣлали *пали* своимъ религіознымъ языкомъ, олѣе суровый Тибетъ пренебрегъ языкомъ сѣверной Индіи, санскритскимъ, ъ пользу своего національнаго языка, сдѣлавъ въ немъ такія радикаль- ыя заимствованія, что даже санскритскія имена перевелъ на свой языкъ. лагодаря близкимъ сношеніямъ съ Китаемъ, во всемъ Тибетѣ распро- транено (табличное, а не буквенное) книгопечатаніе, которое способство- ало быстрому распространенію вѣрованій, благодаря чему оно сравнительно ень рано укрѣпилось въ народѣ. Тибетъ обязанъ благодарностью Китаю а то вліяніе, которое оказалъ этотъ способъ печатанія на развитіе ъ немъ искусства книгопечанія. Это искусство повело къ тому, что ивилизовало его и возвысило надъ другими народами. Основательный атокъ этой страны, Годгстонъ (теперь покойный), говоритъ, что ниги тамъ какъ дешевы и такъ любимы, что ихъ можно найти у ѣднѣйшихъ жителей этой страны, живущихъ въ грязи и страшной ужде.

Изъ Тибета, какъ уже сказано, буддизмъ распространился на Мон- олію. Монголы, вторгнувшись въ культурныя страны центральной Азіи, онечно, пришли въ соприкосновеніе съ буддизмомъ: мы знаемъ также, то Темучинъ относился къ нему доброжелательно, такъ же какъ и къ сламу и въ христіанству. Ввелъ среди нихъ это ученіе великій Кублай- анъ (1259—90). Марко-Поло говоритъ объ этомъ ученіи, какъ о недавно ринятомъ; раньше монголы были преданы шаманству, грубой вѣрѣ въ уховъ и въ чудеса, которая свойственна народамъ монгольскаго племени, почти даже не заслуживаетъ названія религіи. Съ изгнаніемъ мон- оловъ изъ Китая (1368), они вновь предались этимъ суевѣріямъ; ерезъ 200 лѣтъ (1577 г.) началось вновь обращеніе ихъ въ буддизмъ, оторое исходило изъ Тибета. Они исповѣдывали ламаизмъ, нашедшій у ихъ самую благодарную почву. Теперь они снова находились въ духов- ой зависимости отъ Тибета. Священныя ихъ книги написаны на тибет- комъ языкѣ и ламы ихъ обязаны путешествовать въ Лха-ссу, чтобы амъ получать посвященіе. Точно также западные и сѣверные собратья ихъ, алмыки и буряты, приняли ламаизмъ въ XVIII в.: первые (только нѣкото- ые), вторые—въ серединѣ прошлаго вѣка.

Уже очень давно буддизмъ овладѣлъ Непаломъ,—если вѣрить тому, о его древнѣйшіе обитатели были обращены въ буддизмъ, что, впро- мъ, еще не доказано. Это немногочисленные народцы, родственные ти- тцамъ, изъ которыхъ извѣстные подъ именемъ невароѣ, по числу и ультурѣ, занимаютъ первое мѣсто. Они и теперь еще буддисты, и куль- ура ихъ довольно развита; у нихъ собственная письменность, происходя- ая отъ индуской и богатая содержательностью литература, написанная частіи на санскритскомъ, отчасти на наварскомъ языкѣ. Одинаково ин- ересны всѣ четыре философскія системы непальскихъ буддистовъ: свабъ- вика, ауйварика, іатника и кармика. Ученія эти исходной точкой бе- тъ противупоставленіе между правритти — дѣятельностью, и нирвритти окоемъ). Непалъ находится подъ властью индусскихъ князей, прицед- ихъ вѣроятно изъ Бенгаліи, и этимъ объясняется то, что языкъ ихъ и атки древней литературы носятъ на себѣ бенгальскій отпечатокъ.

Здѣсь, въ краткомъ очеркѣ, мы старались обрисовать распространеніе

сѣвернаго буддизма. Подобное же, если не столь продолжительное стр
ствованіе, выпало на его долю на югѣ. Цейлонъ былъ главнымъ центра
нымъ пунктомъ южнаго буддизма. Отсюда буддизмъ распространился, с
дуя за браманизмомъ, который задолго до того вліялъ цивилизующи
образомъ на эти восточныя страны, и, по всей вѣроятности, воспольз
вавшись связями, которыя создала или возобновила широко развившая
въ то время торговля, существовавшая въ первомъ вѣкѣ между Ин
Китаемъ и Валайскимъ архипелагомъ. Въ Индо-Китай онъ былъ занесе
должно быть, во время правленія сингалезскаго царя Маганамы (410—
по Р. Х.) знаменитымъ миссіонеромъ Буддагошей,—вѣроятно раньше въ А
канъ, откуда уже распространился на Барму (Бирму) и Сіамъ. Достовѣрно
извѣстно ни время, когда укоренился буддизмъ, ни мѣсто, гдѣ онъ уко
нился раньше, по крайней мѣрѣ—послѣднее; кажется, что буддизмъ п
шелъ черезъ Пегу въ Барму и черезъ Камбоджу въ Сіамъ. Оба эти го
дарства и раньше играли роль культуртрегеровъ браманизма, котор
былъ занесенъ ими въ Сіамъ и Барму; браманизмъ проникъ съ сѣве
по старымъ торговымъ дорогамъ, въ сѣверныя государства Индо-Китая,
утвердился здѣсь въ раннія эпохи. Этимъ же путемъ проникъ въ Бар
неизвѣстно въ какое время, сѣверный буддизмъ, какъ доказывалъ это
давно барманскій ученый Тау-Сеинъ-Ко. Все это, однако, не достовѣр
во всякомъ случаѣ введеніе или возобновленіе буддизма относится прибл
зительно къ 638 г. Такъ какъ это годъ, съ котораго всѣ индокитайс
государства начинаютъ свое лѣтосчисленіе, буддистская миссія каже
именно въ это время была особенно дѣятельна, такъ какъ въ 656
встрѣчаемъ буддизмъ на Суматрѣ и Явѣ—въ полномъ расцвѣтѣ; въ
время какъ Фа-Гіенъ (424) упоминаетъ о браманахъ на Явѣ, будди
онъ находитъ «не стоющимъ вниманія». Онъ долго еще держался
этомъ островѣ и въ 1344 г. здѣсь былъ знаменитый буддійскій хра
построенный Боро Будуромъ—но все же здѣсь господствовалъ шиваиз
На Суматрѣ буддизмъ процвѣталъ въ началѣ 11 столѣтія. Когда будди
былъ пересаженъ на Борнео, гдѣ, среди даяковъ, и до сихъ поръ вст
чаются слѣды его,—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ это было прибли
тельно до начала 14 вѣка. То же самое можно сказать о его распрост
неніи на островѣ Тернатѣ, куда онъ перешелъ на маленькій остр
Тоби (или островъ лорда Норта), который находится южнѣе микроне
скаго архипелага — самая крайняя точка въ этомъ направленіи,
торой достигла эта религія, распространяющая среди этихъ грубыхъ
родовъ болѣе высокое развитіе [4]). Для полноты слѣдуетъ еще прибав
что буддизмъ появился въ Аннамѣ гораздо позже, въ 1540 г., гдѣ,
нако, и раньше господствовало китайское вліяніе.

Культурная роль буддизма.

Прежде, чѣмъ приступить къ бѣглому обзору буддистскаго
въ Азіи, необходимо произвести моральную и догматическую оц

[1]) Lassen, ibid 10, 712.

того вѣроученія, служащаго основнымъ элементомъ своеобразной цивилизаціи.

Долго думали, а многіе думаютъ и до сихъ поръ, что буддизмъ діаметрально противуположенъ браманизму, и что онъ возникъ, какъ естественная реакція противъ соціальныхъ и религіозныхъ формъ, возросшихъ на почвѣ послѣдняго. Думаютъ, что такъ какъ ко времени возникновенія буддизма условія существованія въ Индіи были невыносимы, то въ силу естественной необходимости они привели къ новымъ вѣрованіямъ, т. е. къ буддизму. Но ничего не можетъ быть ошибочнѣе того мнѣнія, что буддизмъ представляетъ во всемъ полную противуположность браманизму. Нѣтъ сомнѣнія, что буддизмъ является послѣдствіемъ реакціи, которая была вызвана не столько невыносимыми условіями жизни (обыкновенно ихъ изображаютъ слишкомъ мрачными красками), какъ тѣмъ различіемъ, которое существовало между несовершеннымъ браманизмомъ восточной Индіи и центральной Индіи—главнаго мѣстопребыванія браманизма. Реакція, такимъ образомъ, началась гораздо раньше и выразилась въ той философской системѣ, которая предшествуетъ буддизму и извѣстна подъ именемъ ученья Самкхья. Ученье это не браманское по своимъ основамъ: браманизмъ, однако, ввелъ его въ свою систему, признавъ его ортодоксальнымъ, такъ какъ исходная его точка въ самомъ дѣлѣ совпадала съ исходной точкой браманизма. Такимъ образомъ буддизмъ опирается на ортодоксальную почву.

Всѣмъ философскимъ системамъ Индіи свойственны слѣдующія воззрѣнія [1]). Основнымъ положеніемъ и исходной точкой служитъ слѣдующее положеніе, или аксіома,—это аксіома о *самсарѣ*, переселеніи душъ, вѣчномъ круговоротѣ перевоплощеній, и вѣра въ то, что это составляетъ страданіе. Причина этихъ постоянныхъ перевоплощеній—*Карманъ*—дѣяніе (собственно дурныя дѣла), должна быть искуплена этими перевоплощеніями: это законъ нравственнаго возмездія. Причина дѣяній—есть *желаніе*, страстное стремленіе къ удовлетворенію, неустанно возобновляющаяся жажда (*Кама*),—воля къ существованію жажда жизни. Эта жажда жизни происходитъ изъ *авидіи* — незнанія, непониманія истиннаго существованія, истинной цѣны вещей—по опредѣленію Гарбе. Убѣжденіе, что освобожденіе отъ тягости мірской жизни, вытекающей изъ самсары, возможно и доступно, только по достиженіи освобождающаго знанія—также обще всѣмъ. Сущность же понятія «знаніе» соотвѣтствуетъ сущности понятія о «незнаніи», что у различныхъ школъ различно: у ведантистовъ оно состоитъ въ непризнаніи тождества души и міровой души; у приверженцевъ самкхьи въ непризнаніи абсолютнаго различія духа (души) и первичной матеріи.

Ученіе Будды основывается на такихъ же точно воззрѣніяхъ. Это очевидно уже изъ основныхъ положеній буддизма, изъ «четырехъ священныхъ истинъ», которыя мы находимъ и въ ученіи «самкхья» (ârîya-saccâni). Это положенія о страданіи: 1) *О страданіи*: Всякое существованіе есть страданіе. 2) *О происхожденіи страданія*: всякое страданіе вытекаетъ изъ жажды, изъ стремленія. 3) *Объ уничтоженіи стра-*

---

[1]) R. Garbe. Die Sâmkhya-Philosophie, Leipzig 1894 г. S. 172 ff.

данія: всякое страданіе прекращается уничтоженіемъ желаній, стремлен
4) *О пути къ уничтоженію страданія:* уничтоженіе страданія
уничтоженіе желаній достигается святымъ восьмиричнымъ путемъ, кот
рый есть: правая вѣра, истинная рѣшимость, истинное слово, пра
дѣло, праведная жизнь, правильное стремленіе, правильная мысль, исти
ное самоуглубленіе [1]).

Причиной жажды (желанія) буддизмъ считаетъ также незнаніе, п
тому что оно (ajjiya или avidyâ) составляетъ исходную точку и стои
въ основѣ формулы каузальности (причинной связи), которую Будда выст
вилъ для жажды, а слѣдовательно и существованія, и въ которой закл
чается космологія буддизма. Сюда же входитъ понятіе о кармѣ (карман
Качества тѣла, пріобрѣтаемыя благодаря перевоплощеніямъ, буддиз
ставитъ въ зависимость отъ дѣяній, совершенныхъ во время предшеств
вавшихъ существованій. Вѣрованье это имѣетъ у буддистовъ ино
болѣе серьезное значеніе; такъ какъ въ точности буддизмъ считае
странствующей карму, а не душу [2]), то слѣдуетъ скорѣе говорить
метаморфозѣ, чѣмъ о метемпсихозѣ. Это выясняется изъ другихъ во
зрѣній, развиваемыхъ въ космологіи буддизма. Она не знаетъ перви
наго начала, внѣмірового, до-мірового принципа, творящаго духа, не
вичной матеріи. Идеи бытія въ ней не существуетъ—такъ какъ все н
ходится въ вѣчномъ движеніи, вѣчномъ измѣненіи, постоянномъ обмѣн
возсозидаясь въ этомъ вѣчномъ круговоротѣ безъ конца и безъ начала-
πάντα ῥεῖ, все течетъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ бытія, а только зарожден
тамъ нѣтъ ни души, ни тѣла «какъ сущей въ себѣ самой, утвержда
щейся внутри себя субстанціи» (Ольденбергъ). Такимъ образомъ можно ск
зать, съ нѣкоторымъ правомъ, что буддизмъ отрицаетъ какъ душу, та
и тѣло и въ этомъ его существенное различіе съ философіей самкхья.
онъ идетъ еще дальше.

То, что буддизмъ подразумѣваетъ подъ незнаніемъ, глубочайши
корнемъ зла, ни въ какомъ случаѣ не есть непризнаніе различія меж
матеріей и духомъ или различія между единичной и міровой душою, э
было бы для него совсѣмъ невозможно. Ни въ какомъ случаѣ не ес
это непризнаніе какой-нибудь философской доктрины или не толь
одно оно. Это есть незнаніе «четырехъ священныхъ истинъ» и
въ сущности незнаніе священнаго восьмиричнаго пути, такъ какъ пу
этотъ даетъ спасительное знаніе и если правильно слѣдуютъ ему, то н
ступаетъ избавленіе. Но какъ же это сдѣлать? Его восемь частей веду
къ тремъ послѣдствіямъ: къ достиженію *добродѣтели*, *самоуглублен*
и *мудрости*. *Добродѣтель* (праведность) состоитъ въ пяти полож
ніяхъ: *не убей, не укради, не пожелай жены ближняго твоего, лжесвидѣтельствуй, не пей одуряющихъ напитковъ*. Эти правила у
зываютъ на обязанности къ ближнимъ и представляютъ начальныя ст
пени къ совершенствованію. Чтобы достичь совершенства, необходи
серьезная работа надъ собою, необходимо выработать въ себѣ «внутренн
праведность», которая служитъ промежуточною ступенью между первы

---

[1]) Сравн. *H. Oldenberg, Buddha.* 2 Aufl. Berlin. 1890. S. 227 f.
[2]) Sir Monier-Williams, Buddhism. London, 1890 p. 110.

вторымъ требованіемъ. Неутомимое самовоспитаніе, самоиспытаніе, само-
ищеніе требуется для этого. Очищенный такимъ образомъ, достигаетъ выс-
ей ступени, которая ведетъ къ самоуглубленію, къ мудрости, которыя свя-
ны другъ съ другомъ и ведутъ къ тому блаженному состоянію, когда
хъ больше ни къ чему не стремится—ни къ хорошему, ни къ дурному,
и чемъ унижается всякое желаніе. Разъ это достигнуто, — а это мо-
тъ быть достигнуто при жизни—тогда душа погружается въ *Нирвану*,
это тѣнеподобное существованіе, которое не есть уничтоженіе и не
ь жизнь, не есть *Ничто* и не есть *Бытіе*, но «отстоитъ на кончикъ
ка отъ того и отъ другого» по выраженію Ольденберга.

Если этотъ путь ведетъ, какъ это видно, къ цѣли, не сходной съ
ми, каковыя имѣются въ виду другими системами, то прежде всего по-
му, что онъ содержитъ постулатъ, совершенно чуждый тѣмъ умозри-
ьнымъ системамъ, которыя только въ холодной работѣ разума искали пути
избавленію, а именно: постулатъ *морали*. Если даже эти пять положеній
оицательнаго характера, подобно нѣкоторымъ заповѣдямъ Моисея,—то
же они, благодаря разъясненію, данному Буддою, по большей части
лучаютъ значеніе заповѣдей: питай любовь, доброжелательство, состраданіе.
о существенно отличаетъ ихъ отъ сходныхъ запрещеній другихъ ин-
ескихъ доктринъ, какъ, напримѣръ, находящихся въ ученьи Самкхья,
торое хотя повелѣваетъ: «состраданіе къ существамъ», но съ «эго-
гическимъ требованіемъ, остерегаться проступка, могущаго повлечь
собою страданіе» для совершающаго его и считаетъ добрыя дѣла по-
хою къ достиженію спасительнаго знанія. Ученіе буддистовъ, напро-
въ того, ведетъ къ позитивной, практической нравственности, и упраж-
ніе въ ней считается неизбѣжною ступенью къ достиженію Нирваны.
отъ постулатъ добродѣтели имѣетъ и еще болѣе широкое значеніе. Въ
время, какъ остальныя части священнаго пути доступны только мона-
мъ, этотъ—доступенъ и тѣмъ, кто остается въ мірѣ. Теперь, слѣдова-
ьно, и человѣкъ неученый могъ надѣяться на спасеніе; лишенный
й возможности умозрительной философіей, онъ могъ теперь, исполняя
колько заповѣдей, заслужить спасеніе, если не тотчасъ, то переходя
къ высшимъ и высшимъ возрожденіямъ (совершенствуясь такимъ об-
омъ).

Нельзя, однако, приписывать воззрѣніямъ основателя того, чего въ
къ не было. По его мнѣнію, избраннымъ могъ быть только монахъ,
слитель удалившійся отъ свѣта, ищущій въ эгоистической обособленно-
блаженства. Но, съ другой стороны,—каждый могъ стать такимъ из-
оннымъ, и, положивъ въ основу своего ученія мораль, Будда сдѣлалъ
каждаго возможнымъ избѣгнуть самсары.

Это и дѣлаетъ буддизмъ противоположнымъ браманизму и приводитъ его
положенію ереси: тенденція и практическая ея примѣнимость, а не уклоне-
отъ принциповъ браманизма. Браманизмъ признавалъ всякую систему,
ь бы она ограничивала возможность спасенія средою «дважды рож-
ныхъ» и оставалась, до извѣстной степени, тайною привилегированныхъ
тъ; можно сказать, все могло быть изучаемо, но ничто не проповѣдуемо.
и послѣ продолжительной борьбы браманизмъ заимствовалъ многое изъ
ософіи Самкхья, хотя Самкхья—прямой предшественникъ буддизма и тре-

бовалъ распространенія своего спасительнаго ученія среди всѣхъ классовъ то это могло произойти только потому, что его требованіе осталось тол теоріей: философская отвлеченность этой системы была едва поня судрѣ, а, слѣдовательно, и безполезна ему.

Причина, зависѣвшая отъ введенія въ буддизмъ морали, повела къ то что буддизмъ такъ широко распространился: если браманизмъ былъ закр для толпы, то цѣлый свѣтъ стоялъ открытымъ передъ буддизмовъ. Введ морали дало ему культивирующую силу. Удивительно была приспособл буддистская система морали къ тому, чтобы охранять реллигіозную и ральную жизнь отъ нравственнаго паденія во времена политическихъ анар Но еще лучше она была приспособлена къ тому, чтобы выполнять в нѣйшую культурную работу: цивилизовать дикія племена—задача, кото разрѣшило христіанство по отношенію къ нынѣшнимъ культурнымъ родамъ. Буддистское монашество было радостно встрѣчено всѣми класс и всѣми народами, какъ суррогатъ, замѣнявшій узко-эгоистическое дѣл на касты,—дѣленіе, основанное, впрочемъ, на естественныхъ причинахъ. Т гдѣ онъ не могъ сломить ихъ, какъ напримѣръ на Цейлонѣ, тамъ ослабилъ ихъ тягость, создавъ противовѣсъ имъ. Въ странахъ, гдѣ войны, де тизмъ и феодализмъ создали еще болѣе тяжелыя условія, чѣмъ тѣ, к рыя вытекали изъ кастового дѣленія въ Индіи, буддистское монаше было благодѣтельно, поддерживая утопію равенства національностей и общаго братства. Но ученіе это имѣло и слабыя стороны: такъ, на мѣръ, монашеская жизнь считается высшей ступенью, дающею возможн блаженства. Какъ все индусское, это ученье обладало схоластической подк кой; оно вдавалось въ подробности изложенія правилъ монашеской жи принятіе посвященія, поведенія, способы питанія, занятій; оно даетъ дантическія указанія—какъ сидѣть, какъ стоять; оно создало духов ранги, степени святости, ритуалъ, выработанный до мельчайшихъ дробностей, подробнѣйшій религіозный календарь и т. д. Буддистская раль имѣетъ еще и другіе вытекающіе отсюда недостатки; она вы дается въ систему фатализма, превращается въ подобіе дѣловой бухга ріи, въ которой взвѣшиваются злыя и добрыя дѣла; при этомъ злыя презираются не какъ таковыя, но за тотъ вредъ, который они приносятъ с шающему ихъ. Положеніе женщины также не было улучшено буд момъ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что основное ученіе будд во всей его спокойной чистотѣ, съ проповѣдью любви, охватывающей живущее, свидѣтельствуетъ не только о неизмѣримо огромномъ шагѣ редъ, сдѣланномъ индусскимъ духомъ, но есть одно изъ величайшихъ воеваній человѣческаго духа.

Ни одна религія не остается на долгое время неизмѣнной: христ ство настоящаго времени не осталось и не можетъ стать тѣмъ, оно было восемнадцать вѣковъ тому назадъ; буддизмъ пережилъ еще бо измѣненій, какъ потому, что сначала не имѣлъ письменнаго канона, и передаваемъ устнымъ преданіемъ, такъ и потому, что, соприкасаяс различными системами вѣрованій, или, лучше сказать суевѣрій, по

[1]) Garbe, ibid 138.

ался воздѣйствію разнородныхъ національностей, которыя онъ побѣж-алъ болѣе или менѣе.

Первая фаза его развитія, первая попытка, привести въ система-тическій порядокъ его идеи, — это система *гинаяны* (система «малаго перехода» къ Нирванѣ), исключительно проповѣдывавшая моральный аскетизмъ. Только эта система извѣстна на югѣ. Но какъ только буддизмъ получилъ широкое распространеніе, гинаяна была замѣнена *магаяной*— великій переходъ—система чрезмѣрной трансцендентальной отвлечен-ности, которая приводила къ равнодушному квіетизму или къ абстракт-ному нигилизму. Первая изъ этихъ двухъ школъ имѣла такихъ послѣдо-вателей, которые отказывались отъ всего своего состоянія и шли распро-странять ученіе Будды по всѣмъ направленіямъ восточной Азіи съ непо-бѣдимой энергіей и воодушевленіемъ. Вторая изъ этихъ школъ создала людей совершенно иного пошиба, діалектиковъ и спорщиковъ, да людей, ко-торые могли впродолженіе двѣнадцати лѣтъ смотрѣть на одну точку, не дви-гаясь, не говоря, не думая. Тѣмъ не менѣе она также имѣла своихъ миссіонеровъ. Система *мадьямаяны*—«средній переходъ» представляла попытку найти средній путь между двумя первыми, но подобно всѣмъ среднимъ путямъ ни къ чему не привела и никогда не имѣла значитель-наго числа приверженцевъ.

Могущественнѣе и привлекательнѣе этихъ школъ была *тантра* или богачара, мистическая школа. Отшельники этой секты знали цѣлебныя свой-ства нѣкоторыхъ травъ; монахи изучили мнимыя тайны чернокнижія, и увѣряли, что могутъ остановить наводненіе, голодъ, чуму и всякаго рода болѣзни. Такимъ образомъ они опирались на практическую полезность и народныя суевѣрія, а именно на сиваизмъ, школа Тантра заимство-вала все для себя подходящее отъ магаяны и создала новую систему пра-ктическаго и философскаго мистицизма, отягчившаго ритуалъ буддист-ской церкви фантастическими обрядами и мистическими литургіями. Среди ея духовенства мы видимъ такихъ, которые управляютъ погодой, предсказываютъ будущее и узнаютъ прошедшее,—колдуновъ и астрологовъ, обманываю-щихъ народъ и князей. И теперь въ большей части восточной Азіи они пользуются неограниченной властью. Въ то время, какъ школа тантра пріо-брѣла такое вліяніе среди народныхъ массъ, система магаяны играла важ-ную роль въ исторіи развитія культуры и, съ своей стороны, создала цѣ-лую массу философскихъ школъ, изъ которыхъ извѣстно около восемнад-цати. Даже гинаяна создала нѣсколько сектъ, такъ какъ каждая изъ наз-ванныхъ фазъ развитія характеризуется возникновеніемъ сектъ, школъ и партій, существующихъ и понынѣ въ современномъ буддизмѣ. Чрезъ этотъ запутанный узелъ догматическихъ системъ тянется непрерывною красною нитью ученье о четырехъ священныхъ истинахъ и о священномъ вось-миричномъ пути съ его цивилизаторскимъ содержаніемъ—моралью; группа этихъ основныхъ началъ во всѣ времена, во всѣхъ странахъ, предста-вляетъ неотъемлемую принадлежность буддизма.

Культурные народы Индокитая.

Въ исторіи развитія человѣческой культуры нельзя не дать мѣ народамъ Золотого полуострова. Не очень обширны и не очень то свѣдѣнія, имѣющіяся объ этомъ предметѣ, такъ какъ эти народы ст извѣстны въ сравнительно недавнее время и многое, если не почти подлежитъ болѣе глубокому изслѣдованію. Поэтому намъ придется ог ничиться здѣсь только краткимъ очеркомъ.

Въ Индокитаѣ характернѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, развитіе страны о словлено естественными причинами. Представляя продолженіе централь Азіи и сообщаясь съ нею рѣками, онъ на сѣверо-западѣ открытъ свободнаго сообщенія съ Остъ-Индіей, на сѣверовостокѣ—съ Китаемъ, востокѣ же и на югѣ доступенъ для судовъ и представляетъ народамъ культурному движенію удобно достижимую арену дѣятельности. Его св образная расчлененность указываетъ точно опредѣленный путь направле и развитію этихъ движеній. Продольно-тянущіяся горныя цѣпи раздѣ ютъ его на длинныя долины, орошаемыя, каждая, особой рѣкой. Вслѣдст этого образованіе его государства не только ограничено рѣчными низм ностями и занимаетъ плодоносныя долины четырехъ главныхъ рѣкъ (И вади, Менамъ, Мекгонгъ, Санкхой), въ которыхъ они ведутъ свою жи каждый отдѣльно; судьба ихъ находится въ большей зависимости отъ нада и востока, чѣмъ отъ сѣвера. Благодаря вторженіямъ съ сѣвера с рыя государства все болѣе и болѣе отодвигались къ югу, къ дельта рѣкъ, часть же оттѣснялась пришельцами въ горы, гдѣ снова обращал къ варварскому состоянію. Такъ было съ государствомъ Пегу; уступ шимъ мѣсто Бармѣ, съ Камбоджей—населеніе которой было отчасти в тѣснено сіамцами. Аннамъ, занимающій горную страну на югѣ, благода вторженію китайцевъ, удержалъ только свое имя.

Благодаря своему исключительному положенію, Аннамъ избѣгъ влія индусовъ, котораго не избѣгли другія государства. Оно сказалось въ Ин Китаѣ двоякимъ образомъ: въ формѣ браманизма и въ формѣ буддиз и проникло сюда съ сѣвера сухимъ путемъ, съ юга же и съ запада дою. Уже во время Птолемея у всѣхъ его западныхъ и южныхъ бе говъ были индусскія поселенія. Имена ихъ, напримѣръ, Синда (прибли тельно тамъ, гдѣ теперь Бангкокъ) указываютъ на то, что они прин сюда изъ сѣверо-западной Индіи, такъ же какъ и имя Камбоджа, кото было названіемъ одного тамошняго народа Большая часть переселенц приходится на Верхнюю Барму и состоитъ кажется изъ выходцевъ равнины Ганга. Здѣсь многое еще не достовѣрно: одно только можно с зать навѣрное, это то, что, за исключеніемъ Аннама, Индокитай обяза своей первоначальной культурой браманскимъ поселенцамъ. Раньше в полуостровъ былъ покрытъ слоемъ браманской культуры, которая и сихъ поръ сквозитъ чрезъ буддистское наслоеніе, какъ въ вѣрованьях такъ и въ обычаяхъ населяющихъ его народовъ; четверорукія изображе Вишну, символы почитателей Сивы, находятся среди руинъ Паганы, верхней Бармѣ, на восточныхъ границахъ Камбоджи и на Пегу, впл до центра Лакскихъ княжествъ; множество санскритскихъ словъ уд

калось въ языкахъ всѣхъ этихъ народовъ. По всей вѣроятности браман-
кая культура сообщилась и сіамцамъ не непосредственно, а перенесена
юда кхмерами (жителями Камбоджи). Во всякомъ случаѣ буддизмъ про-
икъ сюда благодаря имъ, также какъ среди браманов онъ распростра-
ился чрезъ посредство *моновъ* (жителей Пегу). Когда Индокитай под-
ергся впервые вліянію браманизма—не извѣстно. Слѣдуетъ думать, что въ
арму онъ проникъ до начала нашего лѣтосчисленія, на югѣ же онъ рас-
остранился въ первомъ вѣкѣ. Буддизмъ же, благодаря передачѣ чрезъ
оновъ и кхмеровъ, занесенъ сюда съ Цейлона; утверждаютъ даже, что
нъ былъ занесенъ сюда апостолами Соной и Уттарой въ 3 вѣкѣ, но это
омнительно. Во всякомъ случаѣ, какъ замѣчено ранѣе, только въ 7 сто-
ѣтіи онъ укрѣпился и обезпечилъ себѣ продолжительное господство. Съ
того времени, начинается для нѣкоторыхъ государствъ Индокитая нѣсколько
олѣе достовѣрная исторія.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому періоду, слѣдуетъ бросить бѣг-
ый взглядъ на этнографію Индокитая. Главная масса его народонаселенія
ринадлежитъ къ обширной семьѣ народовъ индокитайскихъ, названіе ко-
орыхъ зависитъ отъ родства ихъ съ китайцами и вліянія на нихъ
ндусской культуры; кромѣ собственно китайцевъ и большого количества
аленькихъ народцевъ принадлежатъ къ ней тибетцы и здѣсь въ Индо-
итаѣ—барманы и таи, изъ которыхъ послѣдніе распадаются на шановъ,
ао и таи или сіамцевъ. Они происходятъ изъ центральной Азіи, изъ кото-
ой вышли барманы уже въ давнее время: таи вышли отсюда недавно.
роникшіе отсюда на югъ древнѣйшіе жители образуютъ также отдѣльную
емью, которую называютъ по имени ея крайнихъ вѣтвей монъ-аннамцами.
ервоначально они владѣли, какъ видно, всѣмъ полуостровомъ, такъ какъ
роисходящіе отъ нихъ народы встрѣчаются не только въ верхнемъ тече-
іи Мекгонга, но и дальше къ сѣверо-востоку, такъ что ихъ языки
редставляютъ замѣчательное соотношеніе конструкціи съ языками кольскаго
орня въ Передней Индіи. Съ другой стороны наблюдается родство этихъ
зыковъ съ малайскими. Нѣкоторые принадлежатъ къ отрасли, отступив-
ей передъ кхмерами, въ то время какъ кхмеры отступили передъ *таи*
до сихъ поръ находятся на крайномъ югѣ Индо-Китая. *Чампа*—
оторымъ нѣкогда принадлежало большое государство, великіе мореплa-
атели — въ юговосточной Кочинхинѣ; *оранг-утаны* и другія дикія
лемена на Малаккѣ. Эти обстоятельства дозволяютъ намъ вывести
аключеніе относительно древнѣйшаго мѣстопребыванія малайскихъ пле-
енъ.

Исторія долины Иравади заключаетъ въ себѣ исторію моновъ (та-
аинги и пегуенцы) и барманов; съ древнихъ временъ первые занимали
ижнюю часть этой долины, вторые—верхнюю, такъ что граница ихъ
ыла близъ Промы. Въ настоящее время моновъ встрѣчаютъ только на
остокѣ и югѣ дельты Иравади, въ Мартабанѣ и въ Тенасеримѣ; они
изки къ вымиранію. Первыя сколько нибудь достовѣрныя извѣстія о
ихъ относятся къ концу V вѣка послѣ Р. Хр., когда буддистскій миссіо-
еръ Буддагоша появился въ Татонѣ, между рѣками Сальвенъ и Саттангомъ,
распространилъ среди нихъ свое ученіе. Въ тамошней джунглѣ и те-
ерь еще есть руины этого города. Въ VI вѣкѣ они прошли чрезъ Си-

тангъ и образовали городъ и государство Пегу. Вся исторія талаи
переполнена рядомъ войнъ съ браманами, а при случаѣ съ аракана
сіамцами. Упоминается также о морскихъ экспедиціяхъ вдоль бер
Тавои до Читагонга и кажется даже, что между различными фл
происходили морскія сраженія. Послѣ паденія барманскаго государ
Паганъ уничтоженной китайцами (въ 1279) талаинги стали вновь не
симы, и какъ только поднялись маленькія государства барманов, во
шія на развалинахъ стараго, какъ—снова началось соперничество
этими двумя расами.

Государство Пегу было наиболѣе могущественнымъ впродол
всѣхъ среднихъ вѣковъ, и европейскіе путешественники въ XVI и
вѣкахъ описываютъ въ преувеличенныхъ выраженіяхъ богатство и
великаго государя Пегу. Начиная съ середины XVI вѣка, оно вновь
пало господству Бирмы.

Браманы разсказываютъ о трехъ древнихъ династіяхъ, Та
Сарекхеттара (Шриксхетра) при Промѣ и о *Паганѣ*. Сравнительно
вѣрною исторія ихъ становится съ 108 г. п. Р. Х., когда рези
была перенесена въ Паганъ, послѣ того какъ ихъ прежняя рези
Прома, лежащая къ югу, на Иравади, была разрушена въ 94 г. п
На этой рѣкѣ находятся два города, носящіе одно и то же имя и б
оба столицами барманскаго государства. Развалины того изъ них
торый лежалъ ниже по теченію этой рѣки, служатъ краснорѣчивым
дѣтелями древней барманской культуры. Только въ 847—49 гг
былъ вновь отстроенъ, а въ 1279 г. вновь разрушенъ вторгну
китайской арміей. Замѣчательнѣйшіе остатки утонченной культу
берегахъ Иравади еще и теперь приводятъ въ изумленіе путешест
ковъ. Могущество и величіе этого храма, построеннаго приблизите
время нашествія норманновъ на Англію, такъ называемыхъ «пагодъ А
напоминаетъ южно-европейскіе соборы. Готическій куполъ встр
на всѣхъ этихъ памятникахъ, онъ имѣетъ правильную форму пор
по сторонамъ и на верху снабженъ странными рожками и башен
подобными языкамъ пламени. Всѣ эти арки покоятся на пилястра
зисы которыхъ, капители и карнизы такъ похожи своими рисунк
римскіе образцы, что первый взглядъ на нихъ приводитъ
въ недоумѣніе. Барманское искусство, какъ сказано выше, обязан
имъ происхожденіемъ Индустану, и дѣйствительно, какъ формы
ности башенъ, такъ и малѣйшія детали, заимствованы у остъиндскаго
ства. Встрѣчаются даже точныя повторенія зданій, которыя находя
Цейлонѣ или на Явѣ, онѣ браманскаго происхожденія. Арки
своды, которые играютъ такую выдающуюся роль въ постройкахъ
совершенно чужды индусскому искусству [1]).

Дальнѣйшая судьба Бармы, главный городъ которой, Ава, съ
1554, съ конца XIII вѣка подпалъ подъ вліяніе царей изъ рода
не представляетъ дальнѣйшаго культурно-историческаго интереса;

---

[1]) Руины Пагана отлично изображены H. Jule: A narrative of a m
the court of Ava in 1855, with notices of the country, government, and
London 1858, гдѣ приложены прекрасные рисунки.

ъ безконечныхъ войнъ, внутреннихъ и съ сосѣдями. Исторія Аракана, еленнаго барманскимъ племенемъ, въ раннюю пору выдѣлившимся въ ѣльное государство, такъ маловажна, что о ней можно умолчать.

Среднюю часть Индо-Китайскаго полуострова, на сѣверѣ занимаютъ ны и лао, на югѣ тхаи или сіамцы; они вышли изъ китайской про-ціи Юнъ-нанъ, въ которой шаны и до сихъ поръ находятся, здѣсь основали могущественное государство, съ центральнымъ пунктомъ ифу, продержавшееся до XIII вѣка; лао и тхаи—были первыми вы-дшими отсюда южными поселенцами. На индо-китайскую почву они упаютъ въ III-мъ или въ IV-мъ вѣкѣ нашего лѣтоисчисленія. Лао— вная вѣтвь, отъ которой отдѣлились впослѣдствіи сіамцы, никогда не рали никакой роли въ исторіи; культура, какъ видно по ихъ теперешнему положенію, у нихъ также не была развита. До 574 г. элементы манской культуры проникли къ нимъ чрезъ посредство кхмеровъ, госу-рство которыхъ занимало всю равнину Менама и Мекгонга до сѣверныхъ горныхъ хребтовъ. Лао подвигались медленно къ югу вдоль долины кгонга. Кажется они образовали нѣкогда три главныхъ государства: ангъ-хунгъ и Муангъ-лемъ. Эти государства вели продолжительную рьбу съ коренными жителями *Кха*, которыхъ данниками они были лгое время. И все же они постепенно пріобрѣли независимость. Позже границахъ Китая образуется могущественное государство *Лао-Кіангъ-май*, равшее нѣкоторую роль въ исторіи.

Объ исторіи Сіама, несмотря на ея богатую историческую литера-ру, мало можно сказать положительнаго вплоть до начала XIII в. До-овѣрно только то, и то не вполнѣ, что это небольшое государство, ко-рое сосредоточивалось до XIII в. въ Сукготаѣ, было подъ властію кхме-въ до X вѣка. Въ 959 г. оно стало независимо и названіе его Таи змѣнилось въ Тхай, что значитъ—свободный. Въ 1292 г. Тхай, какъ жется, достигли до моря, послѣ долгихъ безплодныхъ попытокъ въ омъ направленіи, и съ 1350 они стали господствовать въ такъ назы-емомъ Сіамѣ. Уже втеченіе многихъ столѣтій они были не чужды куль-уры, которая была занесена къ нимъ благодаря ихъ сношеніямъ съ жите-ми Камбоджи; съ VII в., а можетъ быть и ранѣе, они обладали собствен-ымъ шрифтомъ и были буддистами съ большою примѣсью браманизма. высотѣ и о мѣстѣ рожденія ихъ культуры можно судить по второму авному городу собственнаго Сіама, Аютіи или Аодьи (Ayodhyà—«непо-ѣдимая»), который находится на каналѣ, впадающемъ въ Менамъ. Те-ерь отъ стараго города ничего не осталось, кромѣ многихъ храмовъ, оторые болѣе или менѣе разрушены. Красота сіамскихъ храмовъ за-ючается не столько въ ихъ архитектурѣ, сколько въ массѣ арабесокъ, ко-орыми изукрашены ихъ кирпичныя и оштукатуренныя стѣны, что можно казать и объ индусскихъ постройкахъ. Городъ этотъ вновь отстроенъ въ 350 году царемъ *Пра Тибоди* на мѣстѣ разрушеннаго и брошеннаго орода кхмеровъ, благодаря частымъ войнамъ съ Пегу. Городъ этотъ во ремя Птолемея назывался Даона. Удобство его мѣстоположенія, которое пособствовало развитію торговли съ Китаемъ и Индіей, а также колони-ація его военноплѣнными изъ *Юнъ-нана*, Пегу и Камбоджи въ теченіе емногихъ лѣтъ подняло его на прежнюю высоту; онъ достигъ прежняго

блеска и богатства. Пятнадцать царей изъ династіи Утонга царст
въ Аодьи до появленія португальцевъ. Затѣмъ могущественный цар
съ многочисленнымъ войскомъ напалъ на городъ, который палъ
этой силой послѣ трехмѣсячной осады. «Непобѣдимая» болѣе
существовала, въ XVIII вѣкѣ была построена новая резиденція
кокъ.

Остатки зданій разрушенной Аодьи имѣютъ нѣкоторое сходст
удивительными руинами Камбоджи: это происходитъ оттого, что
перестроены древнія постройки кхмеровъ, но это отчасти, главным
образомъ сходство это зависѣло оттого, что Камбоджа была культур
началомъ для Сіама. Въ VII и VIII вѣкахъ между нимъ и Китаемъ
каютъ политическія отношенія, въ XI в. наступилъ для него, по
мому, цвѣтущій періодъ, въ XIII в. величіе и красота его резиденц
гибаетъ благодаря китайцамъ. Насъ поражаютъ слѣды высокой кул
которые встрѣчаются тамъ на каждомъ шагу. Вся страна покрыта
нами. На сѣверной сторонѣ озера Тулисапа онѣ образуютъ огр
полукругъ, который начинается у истока маленькой рѣки Баттемба
простирается до необитаемыхъ лѣсистыхъ мѣстностей между Тулис
и Меконгомъ; на всемъ этомъ протяженіи путешественникъ на ка
шагу встрѣчаетъ слѣды высокой, нынѣ погибшей цивилизаціи. Разв
городовъ къ югу и къ западу отъ озера всѣ принадлежатъ къ
юной эпохѣ, чѣмъ великолѣпныя руины на сѣверѣ. Здѣсь нахо
Баттембангъ и руины *Ватъ Экъ*, *Фаномъ* и *Фаветъ*, сост
частью изъ кирпича, частію изъ камня. Главнымъ городомъ
раго государства Камбоджи была Ангора или Накгонъ (по санскитск
gara «городъ»): руины этого города не имѣютъ равныхъ себѣ по
чію, даже египетскія не могутъ съ ними сравниться. Одинъ храмъ
примѣръ, по увѣренію французскаго путешественника Анри Муго (Mo
которому мы обязаны первыми точными свѣдѣніями объ этихъ по
кахъ, можетъ выдержать сравненіе съ нашими красивѣйшими
ликами и *превосходитъ* своимъ величественнымъ видомъ все, что
либо было создано греческой и римской архитектурой. Великолѣпныя
ведущія къ старому городу, стѣны, которыми они окружены на
женіи 40 километровъ, башни, воздвигнутыя на нихъ, тріумфальныя
служащія воротами, гигантскія лѣстницы, ведущія въ храмы и сам
храмы, надъ которыми высятся сотни колоколенъ и которыхъ в
части сложены изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, обработанныхъ необ
венно тонко,—все это представляетъ зрѣлище, невольно заставл
думать, что здѣсь работалъ невѣдомый еще Микель Анжело,
рядомъ съ греческимъ существовало не уступающее ему азіатско
кусство.

Высокое развитіе кхмерскаго искусства особенно замѣтно на
шихъ вещицахъ, на барельефахъ, что вновь напоминаетъ характер
дусскаго искусства; таковы, напримѣръ, группа танцовщицъ, или четы
угольный бассейнъ, который окруженъ барельефомъ, содержащимъ
сячи солдатъ; танцовщица; наконецъ колонка, украшенная арабеск
листвой. Фигуры великановъ и слоновъ встрѣчаются во всѣхъ
каріатидахъ, украшающихъ кхмерскія постройки; львы, змѣи и семи

коны встрѣчаются также часто, особенно на балюстрадахъ, которыми имлены улицы. Изображенія фантастическія, сюжеты которыхъ взяты древнихъ преданій (кхмеры, какъ и моны считаютъ себя происшедшими змѣевидной дѣвы), перемѣшаны съ изображеніями боговъ: эти послѣднія ешли сюда вмѣстѣ съ индусскимъ искусствомъ.

О культурѣ древняго государства, Чампы, лежащаго на юго-востокѣ Кохинхины, очень мало извѣстно; въ древности оно было гораздо обрнѣе, и занимало гораздо большее пространство какъ къ сѣверу, такъ къ западу. Въ періодъ среднихъ вѣковъ Чампа была хорошо извѣстна— арабски она называется Санфъ или Чанфъ, быть можетъ это тоже, что аи Птолемея. Такъ какъ здѣсь много хорошихъ гаваней — ее много ѣщали; до XV столѣтія она составляла, повидимому, самостоятельное ударство; какъ всѣ малайцы въ древности, жители ея были хорошими еплавателями и нерѣдко морскими разбойниками. Въ XII в., по свидѣьству Хюенъ-Дзанга, здѣсь на ряду съ таоистами было много буддивъ; позднѣе они приняли исламъ. Такимъ образомъ Чампа представъ переходъ отъ странъ, находящихся подъ вліяніемъ индусской кульы, къ странамъ, на которыя вліяла китайская культура. Скажемъ нѣлько словъ объ этихъ странахъ.

Тонгъ-кингъ (Тонкинъ) и Кохинхина, въ древности были извѣстны подъ имъ именемъ Аннама; они, какъ сказано выше, отличаются отъ всѣхъ китайскихъ государствъ тѣмъ, что получили свое развитіе отъ Китая; дизмъ имѣлъ среди нихъ лишь немногихъ послѣдователей. За триста ъ до начала нашей эры оба государства были населены дикарями, не вшими ни брака, ни закона; но уже и въ древнѣйшія времена между киномъ и Китаемъ были торговыя сношенія. Эти пограничныя госуства начинаютъ яснѣе очерчиваться только съ того времени, какъ китайскій императоръ Ши-Гоангъ-Ти (221—210 до Р. Хр.), построившій кую стѣну, подчинилъ себѣ эти южныя провинціи своего государства велъ въ нихъ высшую культуру, заселивъ ихъ китайцами; тогда нѣйшее существованіе ихъ было утрачено. Заслуги этого императора ъ и остались непризнанными. По смерти Ши-Гоангъ-Ти, Тонкинъ вновь одился въ упадкѣ, и въ царствованіе великаго Ханъ-Ву-Ти (140—86 Р. Хр.) онъ вновь обратился въ китайскую провинцію и былъ разнъ на три округа. Китай только на время утерялъ свое вліяніе на страны (25—50 по Р. Хр.); затѣмъ господство его продолжалось до по Р. Хр., послѣ чего *Ку-ліену*, родомъ кохинхинцу, удалось освободить о родину отъ чужеземнаго господства. Китайское вліяніе довольно о господствовало здѣсь, такъ что китайская культура утвердилась наько, что вся литература, за исключеніемъ нѣкоторыхъ народныхъ пѣ, состоитъ изъ китайскихъ текстовъ. Такимъ образомъ эти страны, е всѣхъ сосѣднихъ съ Китаемъ странъ, сходны съ нимъ нравами, сониемъ и высшей цивилизаціей и могутъ нѣкоторымъ образомъ считься какъ бы продолженіемъ Китая.

Малайскія племена [1]).

Изъ всѣхъ странъ Остиндскаго или Малайскаго архипелага, исторія Явы заслуживаетъ вниманія; вполнѣ достовѣрной она стан только съ 1478 г. послѣ Р. Хр., когда Маджапагитъ, главный горо гущественнѣйшаго изъ внутреннихъ государствъ, былъ разрушенъ м танами. Это происшествіе совпадаетъ почти съ окончаніемъ того п исторіи, который мы здѣсь разрабатываемъ. Это было нѣсколько появленія европейцевъ въ Индокитаѣ; имъ обозначается начало по наго пункта въ исторіи Явы, такъ какъ до этого господствовало индусское вліяніе, и безпрепятственно на ней распространялось. Съ эт времени здѣсь распространился исламъ. О исторіи культуры ранняг ріода можно сказать только слѣдующее.

Объ вѣтви яванцевъ, хотя и отличаются нѣсколько отъ остал народовъ малайскаго племени, составляющими вмѣстѣ съ папуасами н ніе остиндскаго архипелага, принадлежатъ, безъ сомнѣнія, частью къ не численному *зондскому* племени, населяющему западную Яву, и част собственно яванцамъ, малайскаго племени. О древнѣйшей ихъ исто имѣемъ только сказки, и потому можно безошибочно утверждать, что Яв мирнымъ завоеваніемъ индусовъ. Исторія Индіи не знаетъ другого мѣра столь же успѣшной дѣятельности брамановъ, которые были п торами и распространителями индусской культуры въ этой странѣ. Ин отпечатокъ лежитъ какъ на древнихъ религіозныхъ преданіяхъ, т на политическихъ учрежденіяхъ и на характерѣ народныхъ увесел также на языкѣ и на литературѣ. Староиндусская этническая леген ставляетъ часть древнѣйшей исторіи Явы. Письмена и архитектура мовъ чисто индусскаго характера. На Явѣ мы находимъ грандіозны стройки, весьма своеобразныя, которыя могутъ поспорить съ архит ными произведеніями, находящимися въ самой Индіи. Время, когда лась эта индусская колонизація, неизвѣстно. Нѣкоторые относятъ проникновенія въ эту страну брамановъ къ VI вѣку, другіе— Яванская хронологія однако начинается съ 78 г. послѣ Р. Хр. и всякомъ случаѣ вѣрнѣе. Когда Фа-гіенъ посѣтилъ въ 414 г. по островъ, браманизмъ былъ здѣсь въ полномъ разгарѣ. Птолемей этотъ островъ подъ его индускимъ именемъ—Явадіи (Явадвипа, «л ный островъ). О религіи, господствовавшей на этихъ островахъ до р страненія на нихъ браманизма, мы знаемъ только, что она приз добрыхъ духовъ, дѣйствующихъ въ природѣ и покровительству различнаго рода занятіямъ. Встрѣтивъ эту низменную религію на вахъ Индійскаго моря, браманы легко вытѣснили ее, распространив религіозныя вѣрованія. Не подлежитъ сомнѣнію, что первые брама явившіеся на Явѣ, были вишнуисты; позднѣе сюда проникли сива стали господствующей сектой. Впослѣдствіи древняя яванская рели становилась въ томъ смыслѣ, что имена яванскихъ боговъ был

---

[1]) Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы цитируемъ чаще всего 1 преимущ. II. Bd 1059—1087 IV. 460—508 и IV, 541—63.

рены индусской миѳологіи. Это возвращеніе къ идолопоклонству продол-
лось въ теченіе 140 лѣтъ, до 318 года до Р. Хр. Время, когда
ддизмъ началъ распространяться на Явѣ, также трудно опредѣлить, какъ
страну, откуда проникли сюда проповѣдники его. Весьма вѣроятно, что
ь началъ распространяться здѣсь лѣтъ на 300 позже, чѣмъ брамanизмъ,
пользовался не пали, а санскритомъ. Господство его длилось не долгое
емя и, вскорѣ послѣ процвѣтанія (въ VII вѣкѣ), онъ уступилъ мѣсто бра-
низму.

Вліяніе индусскихъ колоній на яванцевъ выразилось тѣмъ, что учe-
ые занимали здѣсь высокое положеніе и поддерживали съ своими уче-
ыми собратіями въ Индіи дѣятельныя сношенія. На Явѣ не сохранилось
лѣдовъ кастоваго дѣленія, но на ближайшемъ островѣ Бали до сихъ поръ
ществуютъ четыре индусскія касты, что заставляетъ думать, что они
ыли заимствованы Явой изъ Индіи. Относительно древнихъ временъ мы
наемъ, что на Явѣ были ювелиры, художники, ваятели, вышивальщики;
месленники выдѣлывали каменныхъ идоловъ, рѣзали изъ дерева фи-
уры животныхъ; на развитіе земледѣлія было обращено большое вниманіе,
отребленіе монетъ было извѣстно торговымъ людямъ. Мы не рискуемъ
ень ошибиться, если развитіе искусствъ и ремеслъ, земледѣлія и тор-
влю припишемъ индусскому вліянію. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ
иду, что несмотря на сильное вліяніе индусовъ на Яву, она сохранила
вои національныя черты.

Первое вполнѣ достовѣрное событіе въ исторіи Явы, это основаніе
ендангъ Камулана въ 603 или въ 599 г. по Р. Хр. индусскимъ выход-
емъ, Бгрувіяя Савелачала, государство котораго продержалось долѣе
сѣхъ. Онъ назвалъ его *Калинга*, по имени своей родной страны: по
райней мѣрѣ, такимъ образомъ, стараются разъяснить названіе Хо-линга,
оторымъ въ VII в. замѣняли названіе Явади или Явада, употребительное
акъ въ предшествующій этому, такъ и въ послѣдующіе періоды [1]). Бра-
аны были переселенцами, ранѣе другихъ попавшими сюда изъ Индіи; за
ими послѣдовали земледѣльцы, ремесленники, купцы; не говоря уже о
оинахъ. Первые индійскіе цари были не особенно могущественны и не
огли оказывать значительнаго вліянія на политическое положеніе Явы.
раманы пользовались вліяніемъ на политическія дѣла только въ исклю-
ительныхъ случаяхъ, такъ, напримѣръ, въ то время, когда одинъ изъ
ихъ достигъ царской власти. Гораздо важнѣе было ихъ вліяніе на ре-
игію, законы и нравы; они занесли сюда индійскія саги и индусское стихо-
ложеніе, и священный ихъ языкъ обрѣлъ здѣсь новую дочь—кави; внѣш-
ость этого языка была яванская, основаніе же и характеръ—индусскіе.
лагодаря основанію большого государства, имѣвшаго большое войско,
тдѣльныя индусскія населенія объединились, централизовались, имѣя те-
ерь надлежащую защиту; власть ихъ распространилось на значи-
ельно обширную область. Сношенія, уже издавна существовавшія между
тими странами и Индіей, благодаря этому стали живѣе и вѣрнѣе, ин-
усская культура получила возможность болѣе широкаго распространенія во

[1]) J. Takakusu, стр. XLVIII.

*

всѣхъ отрасляхъ; особенно по отношенію къ поэзіи и архитектурѣ, цвѣтъ былъ блестящъ [1]).

Господство династіи Мендангъ-Камуланъ продолжалось до 700 г. Р. Хр., затѣмъ она перешла къ Джангала, которая возникла изъ по въ 896 г. по Р. Хр. и въ 1158 г., когда она была замѣнена *Пад жарамъ*. Могущественное государство, управляемое магараджей, госпо котораго распространялось на многія страны, упоминается арабами. В время какъ въ южной и въ восточной части острова смѣнялись по ряди многочисленныя династіи, въ сѣверовосточныя части Явы и н матрѣ образовалось большое государство Менангъ-Карбо или Мен Кабау; монархъ этого государства былъ приверженцемъ буддизма, ничуть не мѣшало браманскому вліянію; здѣсь господствовала полная лигіозная терпимость. Возникновеніе этого государства, которое вскорѣ палось на нѣсколько частей, можно приписать индусскому вліянію на матрѣ. Въ этотъ промежутокъ времени, одинъ изъ членовъ династіи жаджарамъ, основалъ Маджапагитъ, могущественное и послѣднее изъ скихъ государствъ (въ 1299 г. по Р. Хр.). Этотъ государь замѣчат еще тѣмъ, что ввелъ у зондцевъ разведеніе риса. Въ то время как гущество царей Маджапагитъ въ Бэлдѣ распространилось изъ Яв Бали, Баламбангамъ и на государство Зунду, которому принадлежала т и южная часть Суматры, въ 1390 г. занялъ престолъ великій зав тель Анкавіяя; онъ достигъ владычества при помощи своего зятя, п водца Адая Нинграта и Кату-Пенгинга и, побѣдивъ всѣхъ царей на остр Зондскихъ, взялъ большую часть Малакки, южныя бухты Целебеса и ю сточныя—Борнео, всего 36 вассальныхъ государствъ. Характеръ этого шого государства былъ таковъ, что оно должно было вскорѣ распасться. Ва жили въ столь далекомъ отъ центральнаго пункта разстояніи, что рену было очень трудно удерживать ихъ въ повиновеніи. Даже сно между ними были часто затруднительны, такъ какъ они должны бы вершаться морскимъ путемъ. Второй причиной этого паденія была гіозная рознь, существовавшая между царемъ и народомъ, сдѣлавша враждебными другъ другу. Исламъ, пытавшійся проникнуть сюда е XII стол., постепенно овладѣвалъ Паджаджарамомъ и Менангъ-Кабау, XV стол., благодаря торговымъ людямъ и переселенцамъ, а также с ніямъ знаменитыхъ мусульманскихъ учителей, онъ появляется снача Палембангѣ на Суматрѣ, затѣмъ на Явѣ, гдѣ недальновидное правител даже поощряло его распространеніе. Магометанская религія пріобрѣта больше и больше приверженцевъ, и они-то, послѣ кровопролитной в въ 1478 г., овладѣли городомъ Маджапагитомъ. Такъ пала «гор страны» отъ руки враговъ страны, религіи и законодательства. магометанъ, уничтоживъ послѣднія попытки прежнихъ владѣтелей жать за собою хоть тѣнь независимости, сталъ неоспоримымъ вла цемъ всего острова; онъ торжественно велѣлъ воздавать себѣ наив почести. Онъ присвоилъ себѣ титулъ Панамбахамъ Ибрагимъ и былъ возглашенъ побѣдителемъ невѣрныхъ и главою вѣрныхъ. Отсюда нается новая эпоха въ исторіи, какъ Явы, такъ и большей части И

[1]) Lassen, II Bd. S. 1059—1087.

го архипелага, потому что съ этого времени начинается вліяніе мусульманъ на религіозную и политическую жизнь страны въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ.

Изъ предыдущаго мы видѣли, какъ яванцы, благодаря вліянію болѣе значительныхъ государствъ, съ болѣе высокой культурой—индійскихъ, были выведены изъ своего дикаго состоянія и до такой степени цивилизовались, что изъ грубыхъ яванцевъ превратились въ утонченныхъ малайцевъ. Малаецъ воспринялъ все, что необходимо культурному человѣку; у него есть даже богатая литература, но дальше подражанія чужимъ образцамъ онъ не идетъ. Цивилизованный яванецъ служитъ образцомъ того, до чего можетъ достигнуть маленькая раса, когда дѣйствуютъ данныя внѣшнія и внутреннія условія: изученіе его интересно потому, что оно даетъ намъ ясное понятіе о несходствѣ въ способностяхъ различныхъ расъ [1]).

Исторія Суматры извѣстна нѣсколько подробнѣе. Во время появленія здѣсь китайскаго буддиста Іедзина, въ 7 в., образовалось здѣсь цвѣтущее государство Си-ли-фо-си (Срибхая) съ главнымъ городомъ Фо-си (Палембанга), позднѣе носившимъ названіе Палембанга. Въ китайскихъ лѣтописяхъ X и XII стол. также какъ и въ арабскихъ, въ которыхъ его называютъ (въ X в.) Сарбаза (Срибхая) о немъ часто упоминается. Онъ пользовалось тогда большимъ могуществомъ и было обширно; здѣсь были въ то время индійскій шрифтъ и китайскій, который употреблялся при дипломатическихъ переговоровъ съ Китаемъ; съ VII в. они были, какъ кажется, послѣдователями буддизма. Еще въ 1003 г. здѣсь былъ построенъ буддистскій храмъ, для котораго императоръ китайскій купилъ колоколъ. Мы не ошибаемся, кажется, отожествляя его съ государствомъ Менанъ-Камбоджа. Во время Марко-Поло сѣверныя бухты были раздѣлены между восемью государствами.

Необыкновенно широкое распространеніе малайской расы отъ Мадагаскара на западѣ до Зондскихъ острововъ на востокѣ и отъ Сандвичевыхъ острововъ на сѣверѣ до Новозеландіи на югѣ, — безпримѣрно и представляетъ одно изъ болѣе любопытныхъ этнографическихъ явленій, заслуживающихъ краткаго очерка. Нечего и говорить о томъ, что такая разбросанность малайскаго племени могла произойти только благодаря морскимъ путешествіямъ. Первоначальное мѣстопребываніе малайцевъ—юго-восточная Азія. Отсюда они распространились отчасти добровольно, отчасти вынужденные различными обстоятельствами, постепенно подвигаясь съ запада на востокъ противъ вѣтра и противъ теченія, что видно изъ того, какъ видо измѣнялся ихъ языкъ. Тщательное изслѣдованіе показало, что на Сандвичевыхъ и Маркизскихъ островахъ, на Новой Зеландіи, Раіатеѣ, Таити существуютъ преданія, указывающія на то, что сюда они пришли съ Самоа, а также съ группы Тонга. Можно предположить, что малайцы отправлялись изъ какого нибудь опредѣленнаго пункта, откуда распространились по Индійскому архипелагу до Борнео, послѣ до о-вовъ Самоа и Тонга, откуда по островамъ подвигались къ Антарктическому океану. Согласно устному преданію, малайское племя раздѣлилось на двѣ части въ 1000 г. по Р. Хр. Во всякомъ случаѣ это отдѣленіе полинезій-

[1]) Friedrich Müller, Novara Reise, Этнографія, s. 33.

цевъ отъ родственныхъ имъ малайцевъ совершилось раньше 78 г. н
Съ этого года начинаютъ лѣтосчисленіе Сака (Саливана). Онъ
введено на Явѣ выселившимися сюда браманами (индусами). Из
что пальмовое вино, которое добывается изъ надрѣзовъ, сдѣланн
оболочкахъ, облекающихъ цвѣты кокосовой пальмы, называется тод
тадди; оно извѣстно малайцамъ Зондскихъ о-ововъ. Такъ какъ это сло
критскаго корня, то очевидно, что индусы-браманы научили остр
искусству его изготовлять. Кокосовая пальма встрѣчается на всѣх
вахъ Южнаго океана, встрѣчается также и на Коралловыхъ
(атоллахъ) и составляетъ почти единственную пищу, единственно
уроженцевъ этого архипелага, и совершенно невѣроятно, чтобы
зійцы могли забыть способъ изготовленія этого вина, еслибы они
его до своего разселенія по архипелогу. И однакоже, когда ев
стали посѣщать эти острова—изготовленіе тодди было здѣсь неизвѣс

По сообщенію Гаттаневы и коммодора Портера, 88 поколѣн
довали другъ за другомъ съ тѣхъ поръ, какъ полинезійцы достигл
кизскихъ островововъ, такъ что это событіе произошло вѣроятно за
до Р. Хр., или, другими словами, лишь немного позднѣе основанія
гена финикійцами,—въ то время, какъ Сѣверная Европа стояла ещ
ногой въ каменномъ періодѣ, а швейцарскія озера были застроены
ными постройками. Вотъ насколько позже стало развиваться судох
на западѣ, чѣмъ на полинезійскомъ востокѣ!

Это разселеніе малайскихъ племенъ походило на переселенія
менныхъ народовъ, такъ какъ канаки перенесли свою культуру,
какъ и двухъ домашнихъ животныхъ, да и спутниковъ своихъ, кры
острова, на которыхъ, до сихъ, переселенія отсутствовали почти совер
млекопитающіяся животныя, исключая летучихъ мышей. Съ этого в
на восточныхъ островахъ стали появляться каменныя постройки, а
гигантскія каменныя изображенія, о происхожденіи которыхъ
мошніе уроженцы также мало знаютъ, какъ въ Египтѣ феллахи
не знаютъ о построеніи пирамидъ [2]).

Фактическая исторія малайскаго материка, который находится,
нымъ образомъ, на богатомъ оловомъ полуостровѣ, Малаккѣ, изв
весьма мало. Въ 1238 г. по Р. Хр. малайцы путешествовали съ Су
къ бухтѣ, противулежащей континенту, гдѣ они основали свой
городъ, названный ими Сингапуромъ. Благодаря своему удобному
положенію, онъ вскорѣ сталъ однимъ изъ наиболѣе цвѣтущихъ гор
всего побережья; сюда стекались купцы съ запада и съ востока.
буддисты были здѣсь уже въ раннюю эпоху исторіи Малакки, видн
того, что здѣсь найдены буддистскіе храмы и надписи, которые, во
комъ случаѣ, древнѣе, чѣмъ исламъ, насажденный только въ 1380
родъ Малакка (въ 1415) былъ основанъ магометанскимъ княземъ
годаря дѣятельному торговому обмѣну, который онъ велъ, пріо
широкое вліяніе на сосѣднія страны; такъ какъ многіе магомета
(т. е. мавританскіе) купцы принимали участіе въ этой торговлѣ, то

---

[1]) Peschel, Völkerkunde S. 370.
[2]) Bär und Hellwald, Der vorgeschichtliche Mensch, S. 532—534.

остраненіе ислама вновь оживилось. Въ 1511 году португальцы подъ редводительствомъ великаго Аффонсо д'Альбукерка положили конецъ Малайскому государству на Малаккѣ: остальныя малайскія государства не имѣютъ большаго значенія въ исторіи культуры [1]).

Японія и Корея.

Въ кругъ буддистскихъ государствъ входитъ также и Корея, лежащая еще далѣе на востокъ отъ Китая—«Замкнутая страна» «Отшельникъ среди народовъ», какъ ее называютъ. Сюда же относится «государство восходящаго солнца, Японія [2]), развитіе котораго мы постараемся прослѣдить.

Мы помѣщаемъ оба эти государства въ одну главу, руководствуясь просто внѣшней причиной. Корея сама намъ извѣстна въ очень недавнее время (лѣтъ 20 тому назадъ). Поэтому, несмотря на многочисленныя и изслѣдовательныя работы, написанныя объ этомъ предметѣ, мы не можемъ еще изложить ея культурнаго развитія съ такою подробностью, которая требовала бы отдѣльной главы [3]).

Тѣмъ не менѣе, Кореѣ мы посвятимъ отдѣльный очеркъ. Родственность этихъ двухъ странъ не доказана еще и въ настоящее время, а потому мы оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ. Извѣстно только, что Корея имѣла многочисленныя сношенія съ Японіей, быть можетъ болѣе частыя, чѣмъ мы до сихъ поръ думали; во всякомъ случаѣ она служила посредникомъ между Японіей и другими культурами, т. е. была ея цивилизаторомъ.

Исторія Кореи можетъ быть изложена въ нѣсколькихъ словахъ. Эпоха, предшествующая нашему лѣтосчисленію, покрыта мракомъ. Предполагаютъ, что корейцы родственны сіенъ-ни, о которыхъ было уже сказано въ одномъ мѣстѣ; но это еще не доказано. Въ первые вѣка по Р. Хр. государство распалось, на три части: Ко-ку-ріе на сѣверо-западѣ полуострова, которое распространялось, повидимому, и на часть Манчьжуріи,—Пайкъ-ей расположенный южнѣе на восточномъ берегу и на крайнемъ юго-востокѣ—Синъ-ра. Послѣ крупныхъ внутреннихъ войнъ, которыми переполнена вся исторія Кореи, это государство поглотило оба другихъ въ IV в. Въ 1392 оно подпало подъ китайское владычество, затѣмъ были въ сношеніяхъ съ Японіей, смѣнявшіяся мирными сношеніями: завоеваніе Кореи Японіей въ началѣ III вѣка по Р. Хр. подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ относится къ тому періоду, который не имѣетъ исторической достовѣрности.

Въ сѣверо-западномъ государствѣ, которое, благодаря своему положенію было въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ Китаемъ, китайское вліяніе

---

[1]) Lassen, IV. Bd. S. 541—568.

[2]) Слово *Японія*—это видоизмѣненіе китайскаго слова Zi-pŏn-kuo (старояпонское—Nt-pon-kuk. Отсюда—форма Нипонъ, Nipon, Nihon) „Царство-происхожденія солнца"; въ средніе вѣка еще существовала болѣе полная форма Zi-go.

[3]) Весьма цѣнная работа по этому предмету: M. Courant, Bibliographie Coréenne. Paris 1894

ніе началось приблизительно въ концѣ 4 вѣка по Р. Хр. Съ этого
мени начинается здѣсь изученіе китайской науки. Возможно, что
дизмъ сильно повліялъ на это: онъ проникъ въ 372 въ Ко-ку-ріе,
мнѣнію Курана (Courant), буддистскіе миссіонеры ввели кита
шрифтъ въ государствѣ Пайкъ-тіей, что, судя по корейскимъ ист
камъ, произошло между 346—375 годами. Въ государствѣ Синъ-ра,
рое было дальше отъ Китая, китайская цивилизація распростран
только въ VI-мъ вѣкѣ. Если аннамскую культуру можно назвать к
китайской, то корейская можетъ быть названа восточно-китайской.
проникла какъ въ литературу, такъ и въ религіозныя воззрѣнія, въ и
ство, въ ремесло, въ обычаи и въ нравы; она такъ слилась съ
ствованіемъ народа, что даже пѣсни рабочихъ носятъ на себѣ отпеч
китайской мысли, китайской литературы, событій старой китайской
ріи [1]). Корейцы, подобно жителямъ Аннама, вполнѣ подчинились к
скому вліянію. Хотя они и были лишены творчества и оригинальн
зато они обладали яснымъ и острымъ умомъ и способностью разв
далѣе усвоенное. Такъ, напримѣръ, въ X—XII в.в., у корейцевъ вы
талась религіозная система, подобная конфуціанству, основанная на к
скихъ философскихъ системахъ и созданная благодаря чисто логичес
построеніямъ, какой мы не встрѣчаемъ даже въ Китаѣ. Религія эта—
можно такъ назвать систему логической морали—вполнѣ соотвѣтс
характеру умственнаго склада корейцевъ. Поэтому она исповѣдуется
шими классами, тогда какъ буддизмъ исповѣдуютъ народныя массы
домъ съ буддизмомъ мы встрѣчаемъ здѣсь таоизмъ. Нельзя оставить
вниманія то, что корейцы, послѣ многократныхъ попытокъ замѣнит
тайскую письменность индійской, которая стала извѣстна здѣсь благ
буддизму, ввели у себя азбуку замѣчательно простой конструкціи,—
Азіи единственный примѣръ. Если припомнимъ, что китайцы знакам
начаютъ цѣлыя слова, независимо отъ звуковъ, изъ которыхъ сос
слово, то это разложеніе словъ на звуки и изображеніе звуковъ буквам
чего даже индусы не додумались, есть огромный шагъ впередъ. Слѣ
думать, что японцы переняли эту письменность: они называютъ ее
дай-но-зи—божественной азбукой, но почти ее не употребляютъ. Культ
историческое значеніе корейцевъ заключается не столько въ разви
нихъ перенятой отъ китайцевъ культуры, сколько въ перенесеніи пріобр
ныхъ ими знаній и искусствъ на сосѣдей ихъ, японцевъ.

Древнѣйшіе жители Японіи, айно, живутъ теперь въ самой
плодородной части острова Іезо. Айно осуждены на вымираніе, их
перь не болѣе 50,000 и они принадлежатъ къ самымъ наименѣе
турнымъ народамъ на земномъ шарѣ. Тѣмъ не менѣе эти паріи с
востока имѣютъ свою исторію; они съ меланхолической радостью
ются воспоминаніямъ о томъ времени, когда предки ихъ походил
японцевъ, и, быть можетъ, господствовали надъ ними. Въ VI вѣкѣ
шего лѣтосчисленія, айно были неограниченными властелинами не
на о. Іезо, но и въ сѣверной части Нипона; но японцы начали в

---

[1]) Такую пѣсню можно найти у Courant, pp. 244—50.

ть ихъ, сначала по Сангарской дорогѣ, затѣмъ все настойчивѣе напи-
ли на нихъ, отодвигая ихъ къ сѣверу островъ на Іезо. Въ VI вѣкѣ япон-
цъ удалось окончательно побѣдить ихъ.

У айно существуетъ традиція, что предки ихъ пришли съ запада,
е. съ азіатскаго материка. Ихъ религія—весьма древняго происхожденія
еле возвышается надъ фетишизмомъ. Миѳологія ихъ основывается на не-
ыхъ принципахъ и связана съ охотой на звѣрей и съ вѣрой въ чудища
исподней. Но даже это грубое племя не чуждо космогоническихъ тра-
ій; міръ производятъ они изъ воды, первый человѣкъ была женщина,
казанная потерею рая за то, что взяла яблоко познанія у мужчины.

Нынѣ господствующее въ Японіи племя считаетъ себя аборигенами
обитаемыхъ ими островахъ, которые, по ихъ космогоніи, непосредст-
но переходящей въ древнѣйшую ихъ политическую исторію, созданы
ціально для нихъ. Достовѣрно извѣстно, однако, что японцы были вы-
цами съ материка; они встрѣтили на этихъ островахъ жителей, суще-
енно отличавшихся отъ нихъ своимъ сложеніемъ, а именно айно. Ни-
о нѣтъ невозможнаго въ томъ, что племя азіатскихъ папуасовъ [1]),
исутствіе которыхъ на Филиппинскихъ островахъ вполнѣ доказано, рас-
странилось и на Японію. Этими пришельцами были оттѣснены айносы
сѣверную часть острова Іезо, отчасти цивилизовались и отчасти
имилировались съ ними Такимъ образомъ возникло ядро японской на-
; постепенно воспринимало оно и иные этническіе элементы. Покрай-
мѣрѣ, теперь можно раздѣлить ее на три различныхъ типа.

Японцы относятъ начало своей исторіи къ 660 г. до Р. Хр. и раз-
яютъ ее на два періода *Озеи* и *Хазеи*. Первый длится отъ 660 г.
Р. Хр. до 1192 г. христіанской эры и обнимаетъ періодъ владычества
кадо. Это древняя исторія Японіи. Вторая соотвѣтствуетъ развитію
сти шогуновъ или сіогуновъ (шогунъ—полководецъ, котораго европейцы
гое время называли тайкуномъ (одинъ изъ его титуловъ, великій князь).

Этотъ періодъ, начинается съ 1192 г. и кончается въ 1868 г.;
также какъ и въ Европѣ, 1192 г. въ Японіи не ознаменовался ни-
ими политическими перемѣнами. Подобно тому какъ въ Европѣ, въ
оніи средніе вѣка заканчиваются собственно въ 1492 г., съ этого же
мени начинается новая эра. Время этого заканчиваетъ столѣтній пе-
дъ, въ теченіи котораго развивается и укрѣпляется значеніе и власть
гуновъ и къ началу XVI в. шогунская власть становится уже вполнѣ
альнымъ безспорнымъ учрежденіемъ.

Между тѣмъ какъ наслѣдственное царское достоинство приходило въ
докъ, феодальные князья все болѣе и болѣе укрѣпляли свою власть.
то составляли между собою союзы, то вели другъ съ дру-
ъ войны, мстя за дѣйствительныя или мнимыя обиды. Это привело
тому, что микадо рѣшилъ положить конецъ безпрерывнымъ между-
бицамъ. Вождемъ съ неограниченной властью былъ назначенъ
итомо, одинъ изъ наиболѣе ярко выдающихся характеровъ въ исторіи

[1]) Fr. Müller, Probleme der linguistischen Ethnographie, Geogr. Jahrb. Bd.
S. 314. Вивіенъ де С. Мартенъ допускаетъ, наоборотъ, существованіе общир-
бѣлой расы, жившей отъ Формозы до Японіи. Ср. O. Mohnike, Die Japa-
. 1872.

Японіи. Но въ подобныхъ случаяхъ люди, облеченные властью, р
искренне стараются о добросовѣстномъ выполненіи возложеннаго на
порученія. Исторія Іоритомо доказываетъ, что такіе люди умѣютъ сы
съиграть въ руку тѣмъ, противъ кого они посланы, преслѣдуя при э
и свои личные интересы. Послѣ многолѣтнихъ войнъ, микадо стали
гентами по имени, между тѣмъ какъ дѣйствительная власть очутилас
рукахъ Іоритомо. Могущество его возросло настолько, что распростр
лось не только на свѣтскія дѣла въ государствѣ, при жизни микадо; но и п
смерти его Іоритомо былъ опекуномъ его преемника. Власть наслѣдст
наго духовнаго государя понесла смертельный ударъ; послѣ смерти І
томо титулъ его перешелъ къ его сыну.

Къ этому времени относится начало власти шогуновъ
свѣтскихъ властителей, которая стала также наслѣдственною. За
кадо все же признавалось царское достоинство; шогунъ не см
оспаривать правъ суверена. Такъ было до послѣдней половины XVII в
Тогда явились два брата, потомки Іоритомо—они начали борьбу съ ш
номъ. Князья приняли участье въ этой борьбѣ; разгорѣлась междуусоб
во время которой пали оба претендента. Кончилось тѣмъ, что Нобу
князь Овари, могущественнѣйшій изъ князей, захватилъ шогунатъ.

Однимъ изъ значительнѣйшихъ вождей былъ Хидейози (родив
1 января 1537) человѣкъ низкаго происхожденія. Онъ служилъ до
конюхомъ, потомъ былъ солдатомъ, затѣмъ—сталъ главой войскъ и,
конецъ, когда Нобунага погибъ отъ руки убійцы—онъ занялъ прес
шогуновъ. Испуганный микадо утвердилъ его въ этомъ званіи и он
лучилъ титулъ Тайку-Сама. Власть микадо все болѣе падала, сила
Японіи все болѣе и болѣе возрастала. Японцы побѣдили корейцевъ и го
были также поступить съ китайцами, когда смерть постигла Нобуна
68 году его жизни.

При жизни этого великаго шогуна въ Японіи въ первый разъ
явились европейцы, португальцы Франческо Зоимото и Фернанъ Мен
Пинто, соотечественники которыхъ пытались завязать торговыя сно
съ японцами. Въ 1564 г. они высадились въ Нагасаки, на островъ Ки
который находится южнѣе всѣхъ острововъ японскаго архипелага. Вс
послѣ этого прибыли въ Японію и миссіонеры; ихъ привелъ сюда Ф
цискъ Ксаверіусъ. Проповѣдь ихъ быстро распространяла христіа
среди этого народа, бѣднаго идеями. Быстрые и неожиданные ус
этой проповѣди удивляли весь крещеный міръ. Голландцы помѣшали
нѣйшимъ успѣхамъ этой проповѣди; они прибыли въ Японію по слѣ
португальцевъ и испанцевъ. Въ 1596 г. здѣсь вновь началось сил
шее преслѣдованіе христіанъ и португальцы были изгнаны изъ Я
голландцы помогали при этомъ японцамъ, желая отомстить за прес
ванія, которымъ они подверглись со стороны Альбы и инквизиціи.

Когда въ 1639 были окончательно вытѣснены изъ Нагасаки п
гальцы, голландцы утвердились здѣсь,—семь голландцевъ были посе
на островѣ Дезимѣ, устроенномъ искусственно недалеко отъ Нагасаки
они были вынуждены жить чрезвычайно замкнуто. Остальные иностранцы
совершенно изгнаны. Кто безъ разрѣшенія вступалъ въ Японію, по
гался смертной казни; страна стала феодальной въ самомъ строгомъ см

ва. Этимъ она должна была быть благодарна Іеязу (Iyeyasu), Бандор-
му князю, внучка котораго была обручена съ сыномъ Тайку-Сама, когда
были еще дѣтьми. Тайку-Самъ устроилъ этотъ бракъ, чтобы связать
своей династіей могущественнаго вассала. Онъ былъ японскимъ зако-
ателемъ.

Дѣломъ первой необходимости было урегулировать отношенія между
уномъ и микадо, за которымъ оставалась только религіозная власть. Шо-
ь предложилъ микадо резиденцію въ Кіото (Міако)—себѣ же онъ устроилъ
иденцію въ Іеддо. Въ Кіото жилъ императоръ; дворецъ его былъ скро-
ь; онъ стоялъ посреди города, со всѣхъ сторонъ окруженнаго горами,
никнуть въ городъ можно было только по единственной дорогѣ, кото-
проходила среди горъ со стороны моря. Этотъ проходъ охранялся
постью, въ которую былъ назначенъ начальникомъ довѣренный шо-
а, а въ Кіото жилъ делегатъ, носившій названіе губернатора; на обя-
ности его лежалъ строгій полицейскій надзоръ въ городѣ и наблюденіе
всѣми дѣйствіями микадо. Шогунъ стоялъ между государемъ и феода-
и, *дайміо*; онъ запретилъ имъ въѣздъ въ Кіото и всякія сношенія
микадо; микадо не могъ передавать имъ никакихъ повелѣній, отъ ко-
ыхъ не могъ принимать никакихъ даровъ. Шогунъ провѣрялъ всѣ
ходы царскаго двора, короче сказать заботился обо всемъ, за то самъ
ралъ всѣ налоги. Даже церковныя дѣла рѣшались теперь не въ Кіото,
ъ Іеддо, такъ что микадо былъ монархомъ только de jure, шогунъ
сталъ монархомъ de facto. Не бывало еще государя съ болѣе огра-
енною властью, чѣмъ микадо, и если бы японцы не держались такъ
нко своихъ обычаевъ,—санъ его былъ бы давно упраздненъ. Невоз-
но было посягнуть на Микадо, который въ глазахъ японцевъ оста-
ся святымъ, хотя бы потому, что былъ такъ неприступенъ. Даже
ражненія микадо считались священными. Сосудъ, употребленный имъ,
жда, которую онъ носилъ были неприкосновенны и уничтожались,
лѣ того какъ онъ употребилъ ихъ хоть разъ.

Обезпечивъ себѣ безопасность со стороны двора, шогунъ долженъ
ъ позаботиться о томъ, чтобы подчинить себѣ остальные элементы.
жде всего слѣдовало лишить князей возможности быть вредными.
о законовъ» строго требовали, чтобы власть каждаго дайміо
аничивалась только его территоріей. Они не смѣли вступать въ сно-
нія другъ съ другомъ, такъ что если случалось нѣсколькимъ дайміо
яться ко двору одновременно,—шогунъ принималъ ихъ въ разныхъ
натахъ. Ежегодно они должны были являться къ двору въ Іеддо въ
ѣдѣленное время, назначавшееся каждому изъ нихъ отдѣльно. Въ отсут-
іи ихъ, ихъ семьи оставались въ городѣ въ качествѣ заложниковъ. Эти
ошенія напоминаютъ положеніе французскаго дворянства при дворѣ
довиковъ. Если стала невозможной связь между феодальными князьями,
солидарность между членами каждаго клана напротивъ того уважалась.
язанность членовъ клана къ ихъ господамъ были строго опредѣлены.
кимъ образомъ дайміо, авторитетъ которыхъ ранѣе былъ весьма не ве-
къ, становятся все болѣе могущественными. Эти небольшія династіи,
ти совершенно самостоятельныя, получаютъ право взимать налоги,
давать законы, устраивать храмы, чинить судъ; они пользовались admini-

стративною властью. Они требовали покорности и пользовались отъ с
подданныхъ безграничнымъ почтеніемъ, окружали себя настоящимъ дв
и цѣлой арміей приближенныхъ—благоденствіе или бѣдствіе подвласт
имъ земель зависѣло единственно отъ ихъ усмотрѣнія. Исторія знаетъ
мѣры многихъ злодѣяній, совершенныхъ этими феодальными властите
хотя въ общемъ они оказывали на страну культурное вліяніе. Подъ
покровительствомъ искусства развивались здѣсь, какъ это было въ Г
во времена тирановъ.

Подъ властью дайміо жило мелкое, но многочисленное и об
вшее большими привилегіями дворянство, самураи. Они имѣли
носить два меча, были отдѣлены отъ народа цѣлой пропастью, и
право какъ и дайміо, кромѣ законнаго брака, вступать въ незак
(конкубинатъ), вторая жена называлась мекаке.

Ниже этого привилегированнаго сословія стоялъ народъ, дѣлив
на три касты—земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ—подчине
послушное стадо. Законодатель относится къ нему съ теплымъ учас
но требуетъ отъ него полнаго послушанія. Японскій законъ не приз
за народомъ никакихъ правъ. «Повинуйтесь» повелѣваетъ онъ низ
«Приказывайте только хорошее» говоритъ онъ высшимъ. Этимъ п
пываются указанія «ста законовъ» на отношенія между народомъ и
стократіей. Какъ ни великъ въ теоріи деспотизмъ привилегирова
классовъ, онъ умѣрялся мягкостью нравовъ, по крайней мѣрѣ въ
стараго дворянства. Вѣжливое и мягкое обращеніе съ подчиненными
талось одною изъ тѣхъ аристократическихъ добродѣтелей, которыя
ступны выскочкамъ. Оба правила, имѣющія столь высокое соціальное
ченіе, а именно подчиненіе слабыхъ и милосердіе къ нимъ силы
служили основой народнаго обученія, которое и теперь нигдѣ въ А
распространено такъ сильно, какъ въ Японіи.

Но и здѣсь была воздвигнута непроходимая стѣна между патри
и плебеями. Только первые могутъ быть посвящаемы бонзами въ
духовной и свѣтской литературы китайцевъ, такъ что никто не мог
дѣяться перейти изъ одной касты въ другую. Таково въ общихъ че
средневѣковое общество въ Японіи.

Исламъ и арабская культура.

Какъ въ настоящее время, такъ и въ эпоху, соотвѣтствующую на-
у европейскаго средневѣковья, значительная часть арабовъ была кочe-
ъ народомъ, жившимъ вполнѣ патріархальною жизнью, напоминающею
какая намъ извѣстна для евреевъ изъ первыхъ книгъ библіи. Однако,
евыя арабскія племена, въ эпоху, непосредственно предшествующую Ма-
ету, занимали не все пространство Аравіи. Классической страною ко-
ыхъ бедуиновъ была великая Сирійская пустыня, т. е. сѣверная
аина Аравійскаго полуострова, и примыкающее къ ней плоскогоріе
ждъ. По краямъ полуострова еще до Магомета замѣчаются признаки
шей культуры. На сѣверѣ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны — Рима,
другой—новоперсидскаго царства Сассанидовъ, образовались два царства,
ествованіе которыхъ, впрочемъ, оказалось эфемернымъ. Западное изъ
ъ носило названіе Пальмиры. Здѣсь царствовала знаменитая царица
овія, побѣжденная въ 273 г. римскимъ императоромъ Авреліаномъ и
енная имъ плѣнницей въ Римъ. Настоящее имя ея было Батъ-Себина.
да ея мужъ Оденатъ былъ убитъ своимъ племянникомъ, она стала ца-
ей, властовавшей надъ большею частью прежняго римскаго Востока.
приближенные, въ числѣ которыхъ былъ грамматикъ и критикъ Лон-
ъ, поддерживали въ ней честолюбивые планы. Она приняла титулъ Ав-
ты, основала городъ своего имени, разбила войско императора Галліена.
ль мужественный императоръ Авреліанъ поправилъ дѣла Рима, онъ раз-
ъ царицу, которая на верблюдѣ бѣжала къ Евфрату; въ тотъ моментъ,
а она садилась на корабль, она была настигнута римскою конницею
зята въ плѣнъ. Прежніе римляне сгноили бы ее въ тюрьмѣ, но Авре-
ъ оказался болѣе гуманнымъ и подарилъ ей помѣстье въ Тибурѣ, гдѣ
и умерла. Царица эта была одною изъ самыхъ образованнѣйшихъ
щинъ своего времени; она говорила на языкахъ латинскомъ, греческомъ,
йскомъ и египетскомъ. Она со своимъ царствомъ принадлежала элли-
гической, а не арабской культурѣ. Послѣ разрушенія Пальмирскаго
тва, мѣстныя арабскія племена снова подпали,—частью персидской,
тью римской власти.

Мало прочны были также государства Счастливой или Южной Аравіи,
ие Іемена. Правда, еще въ Ветхомъ Завѣтѣ упоминается существо-
шее здѣсь Сабейское или Савское царство, о которомъ мы знаемъ изъ
ріи Саломона. То-же царство упоминается и въ клинообразныхъ над-

писяхъ царя Саргона. Даже до сихъ поръ въ Іеменѣ находятъ прежнихъ монументальныхъ сооруженій. Однако отъ этихъ царс осталось въ началѣ среднихъ вѣковъ и слѣда.

Между плоскогоріемъ Неджд и морскимъ берегомъ находит наз. Хеджасъ, т. е. окраина. Это плоскогорье, служащее самымъ уд путемъ для каравановъ, идущихъ отъ Ю. Аравіи къ Синайскому острову или въ Палестину. Дорога шла изъ Сабы черезъ Мекку—д Макорабу—и Медину—древнюю Ятрибу или Ятриппу. Еще во Магомета сѣверъ Хеджаса былъ населенъ еврейскими поселеніями. признавали даже основателемъ меккскаго святилища Каабы. Евреи сирійскіе поселенцы говорили здѣсь на арабскомъ языкѣ и вообще тельно смѣшались съ арабами. Центромъ пришлыхъ элементовъ бы разъ Мекка со своимъ святилищемъ Каабою. Значеніе Каабы впол нятно. Караванамъ, находившимъ въ Меккѣ мѣсто отдохновенія, высшей степени важно поставить здѣсь свое имущество въ безопас ложеніе, уберечь его отъ окрестныхъ хищныхъ бедуинскихъ племен говый интересъ былъ главною основою священнаго союза племен знававшихъ Мекку своимъ святилищемъ. Первоначально это была, образомъ, вовсе не арабская святыня. Въ окрестностяхъ Мекки б ширныя ярмарки. Бедуины привозили сюда кожи и другіе продук товодства, обмѣнивая ихъ на издѣлія еврейскихъ ремесленниковъ, рогія ткани, привезенныя караванами изъ далекой Сиріи. Втечен тораго времени прекращались разбойничьи набѣги бедуиновъ; Аравіи господствовалъ миръ: это означало, что въ Меккѣ ярмарка шаяся иногда до четырехъ мѣсяцевъ. Приносились торжественныя приношенія; умные купцы умѣли заинтересовать полудикихъ араб своемъ культѣ и многіе изъ кочевниковъ, въ свою очередь, стал тать священный камень, упавшій съ неба—въ сущности, больш теорный камень, дѣйствительно упавшій нѣкогда съ небесныхъ вы

Въ концѣ VI вѣка въ этой самой Меккѣ родился Магометъ, к предстояло стать выразителемъ давно подготовленнаго среди арабов турнаго движенія.

Годъ рожденія Магомета въ точности неизвѣстенъ. Арабскіе и довольно произвольно считаютъ этимъ годомъ тотъ, который соотвѣт 571 году отъ начала нашей эры. Отцомъ пророка былъ небогатый Абдалла, мать звалась Аминой. Отецъ вскорѣ послѣ свадьбы вился съ караваномъ въ Газу и, не дождавшись рожденія сына, Мать осталась въ самомъ печальномъ матеріальномъ положеніи. выставить Магомета человѣкомъ знатнаго происхожденія было, в основою легенды, по которой мать отдала сына на воспитаніе кор Если она дѣйствительно сдѣлала это, то можетъ быть съ тою цѣлью ребенокъ не мѣшалъ ей работать. Въ мусульманскихъ преданіяхъ зываются всевозможныя чудеса о ранней юности Магомета. Меж чимъ, архангелъ Гавріилъ, спеціальный ангелъ Магомета, будто вал изъ груди отрока кусокъ мяса, и, омывъ грудь Магомета вну дою, взятою изъ священнаго колодца, сложилъ его тѣло снова, ист такимъ образомъ изъ Магомета то, что было въ немъ «частью лук

Мать Магомета также вскорѣ умерла, и рабыня Оммъ-Эймат

лица Магомета, передала ребенка его дѣду Абдъ-эль-Муталлибу или Абу-либу, который и воспитывалъ его. Онъ былъ бѣденъ, имѣлъ двухъ женъ десять дѣтей, а потому Магометъ въ дѣтствѣ велъ жизнь пастуха. адцати четырехъ лѣтъ онъ поступилъ на службу къ богатой вдовѣ Хадиджи. Женщины, особенно же вдовы, въ то время у арабовъ пользо-лись довольно высокимъ положеніемъ. Хадиджа, которой было уже лѣтъ, сама вела торговлю. Магометъ былъ у нея погонщикомъ вер-ловъ. Несмотря на сопротивленіе родственниковъ, Хадиджа вскорѣ шла замужъ за своего наемника. Руководилъ-ли Магометомъ первона-льно разсчетъ—не извѣстно, но будущій пророкъ очень уважалъ свою ну и семейная жизнь его была образцовой.

Что Магометъ первоначально раздѣлялъ вѣрованія своихъ земля-въ, доказывается уже тѣмъ, что сына своего онъ назвалъ Абдъ-Мена-мъ, т. е. слугою Менафа,—а это было имя одного изъ боговъ, идолы торыхъ стояли въ Меккѣ въ святилищѣ Каабы, откуда позднѣе они ли выброшены тѣмъ-же Магометомъ. Далекія путешествія въ Сирію, нако, рано познакомили Магомета съ религіозными воззрѣніями другихъ, лѣе культурныхъ, чѣмъ арабы, народовъ. Еврейскій и христіанскій мо-теизмъ были ему знакомы. Онъ сталъ чувствовать себя неудовлетворен-мъ, по цѣлымъ днямъ бродилъ одинъ по окрестностямъ Мекки. Въ нцѣ концовъ, отъ продолжительныхъ размышленій и, быть можетъ, отъ бровольнаго истощенія и изнуренія, у него явились галлюцинаціи. Онъ дѣлъ видѣнія, слышалъ голоса и счелъ себя пророкомъ, долженствую-имъ спасти народъ свой отъ духовнаго рабства. Такова исторія мно-хъ религіозныхъ реформаторовъ. Однажды онъ прибѣжалъ домой, какъ въ лихорадочномъ ознобѣ, крича, чтобы его закутали во что-нибудь. гда это было исполнено, Магометъ пришелъ въ состояніе крайняго стаза и сталъ пророчествовать. Жена и усыновленные имъ племянники тчасъ же увѣровали въ него. За ними послѣдовали и нѣкоторые другіе. наче отнесся къ нему одинъ изъ дядей, который, когда было созвано мейное совѣщаніе по поводу появленія новаго пророка, воскликнулъ даже емяннику: «Провались ты сквозь землю, неужели ты созвалъ насъ лько для этого». Община пророка на первый разъ состояла лишь изъ 3 человѣкъ, да и то большею частью людей бѣдныхъ: многіе были по сту рабы. Въ этотъ вопросъ вмѣшалась еще борьба двухъ клановъ, и, концѣ концовъ, Магометъ, познавъ истину: «никто не пророкъ въ оемъ отечествѣ», долженъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину. Смерть рвой жены Магомета и другого, благопріятствовавшаго ему дяди, окон-тельно порвала связь пророка съ Меккой. По магометанскому исчисле-ю, довольно впрочемъ искусственному, Магометъ оставилъ Мекку 20 сент. 22 года—это и есть геждра (бѣгство), начало магометанской эры.

Переселеніе въ Медину было для послѣдователей Магомета началомъ къ политической организаціи. Число приверженцевъ быстро возрастало вскорѣ началась открытая борьба Медины съ Меккой. Война тяну-сь нѣсколько лѣтъ: община Магомета одержала верхъ. До побѣды дъ корейшитами, господствовавшими въ Меккѣ, Магометъ заискивалъ редъ евреями, надѣясь найти въ нихъ союзниковъ. Послѣ побѣды, руки него были развязаны, и евреевъ изгнали изъ Медины, которая стала

чисто мусульманскимъ городомъ. Начались попытки сближенія съ жденною Меккою. Наконецъ Магометъ получилъ позволеніе пойти клоненіе святынямъ Каабы. Самъ онъ старался постепенно слит культъ съ культомъ Каабы. Въ 630 году Мекка признала, наконец ховенство Магомета и истинность его ученія.

Къ концу жизни Магомета, исламъ пытался уже создать п товъ далеко за предѣлами Аравіи. Магометъ послалъ во всѣ кон шанія къ властителямъ, совѣтуя имъ обратиться въ правую вѣру увѣщаніе было послано византійскому императору и персидском Оно не обратило на себя особаго вниманія. Небольшой отрядъ танъ, посланный съ Сирію, потерпѣлъ пораженіе. Арабскія племена, чрезвычайно воинственныя, но распадавшіяся на многочисленные кланы, ждали лишь общаго предводителя. Со всѣхъ сторонъ Аравіи спѣ Магомету послы отъ разныхъ племенъ, предлагая свое содѣйствіе пространеніи ислама. Но во время приготовленій къ священной пророкъ умеръ (632 г.).

Магометанство было тѣмъ связующимъ цементомъ, котораго вало арабскимъ племенамъ. Среди многочисленныхъ предписаній одно изъ главныхъ есть то, которое требуетъ отъ правовѣрныхъ ной войны съ невѣрными. Эта священная война или джихадъ, нявшая племена, требовала вмѣстѣ съ тѣмъ и общаго предводителя, кимъ образомъ, послужила основою политическаго объединенія.

Магометъ не оставилъ наслѣдника. Преемникомъ его сталъ е Али или Алій, славный воинъ и поэтъ, съ чѣмъ не особенно сохранившіяся описанія его необычайно тучной и некрасивой Али однако отвергъ сунну или устныя преданія, примѣшанныя къ Отсюда возникло раздѣленіе между шіитами—приверженцами Али нитами, принявшими сунну. Борьба была поддержана второю жен гомета, Айшею, которая высказалась за суннитовъ, и послѣдніе сдѣлавъ своимъ халифомъ Абу-Бекра, а по смерти его, Омара. Пер лифы, однако, совсѣмъ не походили на позднѣйшихъ арабскихъ телей. Они жили патріархальною жизнью вождей кочевого племени лись хлѣбомъ, финиками и спали на рогожѣ. Преемникъ Абу Омаръ, впрочемъ, уже много сдѣлалъ для созданія арабскаго г ства. Онъ устроилъ совѣтъ, названный диваномъ, ввелъ подат канку монеты и лѣтосчисленіе, построилъ города—Каиръ, Басс Куфу. Вмѣстѣ съ Омаромъ началась эра арабскихъ завоеваній. Пр втеченіе десяти лѣтъ было покорено до 30 тыс. населенныхъ Арабы разбили византійскія войска и захватили Сирію и Палести Іерусалимѣ явилась мечеть. Въ 643 г. арабы нанесли жестокій персамъ. Послѣдній изъ Сассанидовъ, Іездегердъ, бѣжалъ съ свои ремомъ въ горы, гдѣ погибъ. Исламъ быстро распространился до Кавказа; были основаны Багдадъ и въ Средней Азіи Самаркандъ.

Столица была перенесена изъ Мекки сначала въ Дамаскъ, гд ствовала династія Омаядовъ, позднѣе въ Багдадъ. Въ Дамаскѣ долженъ былъ близко соприкасаться съ остатками античной гре культуры и это столкновеніе было для него въ высшей степени творно. Арабы призывали изъ Византіи ученыхъ и архитекторовъ и

или (съ сирійскаго) греческія сочиненія. Византійское политическое
подство всюду вытѣснялось арабскимъ, оно было совершенно вытѣс-
о изъ Африки. Въ Испаніи арабское господство тѣмъ легче распростра-
ось, что на сторону арабовъ переходили и вестготы, и евреи, и рабы,
рые съ переходомъ въ исламъ получали свободу.

При Омаядахъ халифатъ сталъ уже могущественнымъ, но въ-тоже
ія превратился въ восточную деспотію, со всѣми ея недостатками.
и Омаяды, вопреки постановленіямъ Корана, предавались пьянству и
юсти, и подъ вліяніемъ ихъ давнихъ противниковъ, Алидовъ, вскорѣ
ступила на сцену новая династія Аббасидовъ, ведшая свое начало отъ
ого изъ дядей Магомета. Въ 750 году подлѣ Ниневіи потерпѣлъ пора-
е послѣдній изъ Омаядовъ. Первый изъ Аббасидовъ, Абулъ-Аббасъ, былъ,
чемъ, еще свирѣпѣе Омаядовъ. Созвавъ на пиръ своихъ родственни-
, онъ велѣлъ ихъ засѣчь, покрылъ трупы ихъ коврами и сѣлъ на
пировать.

Правленіе Аббасидовъ длилось затѣмъ около пяти вѣковъ (750 —
8 г). Государственное устройство при нихъ уже утратило свою пер-
чальную простоту. Первый изъ Аббасидовъ ввелъ должность визиря,
высшаго свѣтскаго сановника, и должность эта довольно долго была
ѣдственною въ персидскомъ родѣ Бармекидовъ. Апогеемъ могущества
сидовъ было правленіе Гарунъ-аль-Рашида, имя котораго было изу-
чено преданіемъ, хотя, въ дѣйствительности, этотъ халифъ далеко не
вѣтствовалъ идеалу. Одно несомнѣнно, это его любовь къ наукамъ и
чисто матеріальнымъ улучшеніямъ; но деспотизмъ Гарунъ-аль-Рашида
ъ едва ли не болѣе тяжелъ, чѣмъ всѣхъ его предшественниковъ.

При Аббассидахъ государственныя учрежденія арабовъ получаютъ
значительное развитіе. Непосредственными исполнителями воли халифа
ются четыре сановника: высшій судья или кади, затѣмъ начальникъ
ціи, онъ же и главный тѣлохранитель халифа, далѣе главный казна-
и, наконецъ, начальникъ почты, которая, слѣдуетъ замѣтить, получила
ее развитіе у арабовъ—народа, привычнаго къ странствованіямъ съ
ванами въ пустыняхъ. Для облегченія движенія каравановъ, какъ ку-
скихъ, такъ и тѣхъ, которые стали странствовать въ Мекку съ рели-
ыми цѣлями, при Гарунъ-аль-Рашидѣ были устроены караванъ-сараи,
постоялыхъ дворовъ или гостиницъ, а также были выкопаны во
ихъ мѣстахъ цистерны. По разнымъ направленіямъ были устроены
янные почтовые тракты. Начальникъ почты въ то же время былъ
ъ халифа, или, выражаясь проще, главнымъ шпіономъ, доносившимъ
фу о малѣйшихъ помыслахъ его подданныхъ. Подчиненные этого
-шпіона, въ свою очередь, не ограничивались доставленіемъ писемъ,
ообщали начальнику всѣ необходимыя свѣдѣнія. Иногда такимъ спо-
ъ раскрывались и серьезныя злоупотребленія, но, въ общемъ, поло-
этихъ шпіоновъ было въ родѣ того, какое у насъ имѣли при Петрѣ
омъ фискалы, имя которыхъ стало нарицательнымъ. Мало по малу
разныхъ начальникахъ стали учреждаться и канцеляріи, получившія
ніе диванов. Главный диванъ, какъ было уже замѣчено, былъ
денъ еще при Омаядахъ. Начальникомъ его былъ непосредственно
ій визирь. При казначеѣ былъ сначала одинъ диванъ, затѣмъ рас-

навшійся на четыре вѣдомства, завѣдывавшія содержаніемъ войск
ромъ податей, назначеніемъ должностныхъ лицъ и, наконецъ, общ
деніемъ финансовъ.

Значеніе должности визиря развивалось лишь постепенно и н
чально вовсе не было первенствующимъ въ государствѣ. Сначала
былъ родомъ личнаго секретаря халифа, или, выражаясь образною
Востока, былъ тѣнью халифа. Такое положеніе однако открывало у
честолюбивымъ визирямъ богатыя перспективы, особенно въ эпохи
ленія неспособныхъ и лѣнивыхъ халифовъ, появившихся вскорѣ
смерти Гарунъ-аль-Рашида. Самъ Гарунъ-аль-Рашидъ низвергъ гос
визирей изъ рода Бармекидовъ. Но по его смерти вскорѣ возник
назыв. неограниченный визиратъ, подобный майордомству въ за
христіанскомъ мірѣ.

Въ то же время все болѣе усложнялось провинціальное упр
въ которомъ появились свои маленькіе халифы — губернаторы,
халифу совмѣщавшіе свѣтскую власть съ духовною: такъ напр. они
были проповѣдывать въ мечетяхъ и предсѣдательствовать на религ
собраніяхъ и празднествахъ. Въ мірскихъ дѣлахъ власть ихъ все
болѣе увеличивалась. Они стали назначать отъ себя кадіевъ, т. е
назначали финансовыхъ и полицейскихъ чиновниковъ, и даже с
тельно вели борьбу съ разными мелкими сосѣдними племенами, сто
внѣ власти халифа. Правда, надъ ними существовалъ контроль ука
уже почтовыхъ шпіоновъ, но этотъ контроль далеко не всегда д
цѣли. Позднѣе дошло до того, что багдадское правительство вы
было заключать съ нѣкоторыми изъ губернаторовъ форменные д
какъ съ независимыми владѣтелями. Однако у арабовъ мы все
встрѣчаемъ настоящей бюрократіи. Внутренняя жизнь селеній и
была довольно самостоятельна, поэтому и число чиновниковъ у
далеко не таково, какъ напр. въ Византіи.

Подати въ арабскомъ государствѣ были разнообразны. Мус
уплачивали лишь *зекатъ*, подоходную подать, тогда какъ невѣрн
тили поземельную подать, называвшуюся *хараджъ* и поголовну
джизіе. Послѣдняя взималась, смотря по состоянію платель
Каждый сборъ имѣлъ опредѣленное назначеніе. Такъ напр. зекат
цѣлью покрывать слѣдующіе расходы: на благотворительныя учр
плату за услуги людей, содѣйствующихъ развитію ислама, выкупъ
рабовъ, частные долги, сдѣланные ревнителями ислама, содержаніе
манъ, добровольно участвовавшихъ въ джихадѣ (священной войн
нецъ содержаніе неимущихъ правовѣрныхъ чужеземцевъ. Другими
сборы съ мусульманъ шли на дѣла, тѣсно связанныя съ самой
манской религіей. Всѣ остальные, т. е. всѣ собственно - государ
расходы уплачивались невѣрными. Наибольшія суммы поглощало
ніе войска, которое уже при Омаядахъ стало преобразовываться
подъ вліяніемъ византійскаго образца. Вмѣсто прежняго войска,
шаго изъ соединенія разныхъ племенъ и родовъ, явилась воени
низація, основанная на тактическихъ соображеніяхъ. Армія им
центръ, два крыла, авангардъ и арьергардъ. Вооруженіе также
на византійское. Изъ Византіи были заимствованы и метательные с

листы и катапульты. Въ завоеванныхъ городахъ устанавливали посто-
ные военные гарнизоны, и уже по закону Омара, воинамъ, стоявшимъ
этихъ гарнизонахъ, строго было запрещено заниматься земледѣліемъ,
послужило началомъ къ созданію особой военной касты. На службу
ступали добровольно, такъ какъ, помимо привычки арабовъ къ войнѣ,
была имъ и очень прибыльна. Кромѣ богатыхъ людей, служившихъ
свои средства, были и воины на государственномъ жалованіи. Перво-
чально, когда война была религіозно-національнымъ дѣломъ, воины были
ль чистокровные арабы, но мало по малу стали пользоваться и наем-
ками всевозможныхъ національностей. Кромѣ сухопутнаго войска, арабы
ѣли и флотъ. Здѣсь даже съ самаго начала преобладали наемные мат-
сы, и даже наоборотъ, лишь постепенно появились также опытные
ряки арабскаго происхожденія.

Широкое развитіе получили при Аббасидахъ торговля и промышлен-
сть.

Столица халифата, Багдадъ, обладала въ высшей степени благо-
іятнымъ географическимъ положеніемъ, дѣлавшимъ ее центромъ важнѣй-
ихъ торговыхъ путей. Рѣки Месопотаміи доставляли превосходное сооб-
ніе съ моремъ, а въ Бассорѣ развился прекрасный торговый флотъ.
рговля распространилась на югъ до Цейлона, а на востокѣ мы въ VII в.
трѣчаемъ арабскую флотилію у китайскихъ береговъ, подлѣ Кантона.
абскія посольства въ Китай были очень часты. Это были, по про-
у, торговые караваны. На западъ отъ Багдада торговое движеніе свя-
вало арабовъ со всѣми важнѣйшими рынками Европы и Африки. Сѣ-
рный путь велъ къ Каспійскому морю—арабскія монеты временъ Абба-
довъ находятся и далѣе,—въ кладахъ, находимыхъ не только въ Россіи,
даже въ Швеціи. Множество путей соединяли Багдадъ съ давно уже
оцвѣтавшей левантской торговлей. Въ Африкѣ Египетъ служилъ глав-
мъ средоточіемъ арабскихъ товаровъ. Чрезъ Арменію на Трапезунтъ
елъ путь, сообщавшій арабскую торговлю съ византійской. Предметы араб-
ой промышленности были чрезвычайно разнообразны. Стекляныя издѣ-
я Багдада далеко славились.

Изъ Багдада же получались лучшіе финики. Въ Аравіи и въ Персіи
бывалось желѣзо, и арабы многому научились у персовъ, заимствовавъ
ъ нихъ самое слово булатъ. Въ Іеменѣ изготовляли оружіе и кольчуги,
Сиріи—лучшіе мечи.

Изъ стали же дѣлали зеркала; производство тканей достигло высо-
го развитія, опираясь на скотоводство, все еще составлявшее главное
нятіе массы арабскаго населенія. Но тончайшія арабскія ткани изгото-
лись не изъ шерсти, а изъ хлопчатой бумаги и изъ шелка. Роскошь
лифовъ и ихъ вельможъ содѣйствовала процвѣтанію шелковаго произ-
дства, въ значительной мѣрѣ составлявшаго подражаніе персидскому.
воеваніе Египта, въ свою очередь, дало толчекъ къ появленію производ-
ва писчей бумаги изъ папируса.

Подъ вліяніемъ китайцевъ стали обрабатывать хлопокъ. Весьма раз-
то было также производство восточныхъ благовоній — растительныхъ
слъ и духовъ, составлявшихъ принадлежность не только женскаго, но
мужскаго туалета состоятельныхъ классовъ. Этому роду промышленности

благопріятствовали какъ восточная изнѣженность, такъ и обиліе
въ которыхъ воздѣлывались душистыя растенія.

На ряду съ скотоводствомъ и ремеслами, значительно разви
земледѣліе. Арабы явились и въ этомъ отношеніи учениками по
ныхъ народовъ, жителей Египта, Месопотаміи, Сиріи и Персіи. Они
приспособлялись къ новымъ условіямъ и перенимали все полезное,
ствуя, въ свою очередь, перенесенію новыхъ произведеній въ отда
страны. Такъ, арабы впервые перенесли въ Европу культуру шафрана,
рику — индиго и рисъ, въ Испанію — шелковичное дерево. Всюду, гдѣ бы
можно по условіямъ климата, арабы заносили съ собою культуру
въ Багдадѣ пальмъ вовсе не было во время его основанія; мало
Багдадъ, Бассора и другіе арабскіе города были окружены цѣлыми
мовыми лѣсами.

Вмѣстѣ съ матеріальнымъ развитіемъ, прогрессировало од
классовое неравенство. Завоеваніе отдѣлило уже побѣдителей мусу
отъ не-мусульманскихъ народовъ. Военный плѣнъ сталъ однимъ из
ныхъ источниковъ рабства, прежде имѣвшаго болѣе смягченную
Позднѣе классъ рабовъ сталъ быстро увеличиваться уже не войн
торговыми сношеніями; рабы и особенно рабыни стали однимъ из
ныхъ предметовъ торговли. Рабы, правда, могли всегда получить с
принявъ магометанство, но далеко не всѣ были склонны купить
этою цѣною. Среднее положеніе между рабами и свободными за
освобожденные арабы, съ которыми чистокровные арабы, не смот
равноправность, по ученію Корана, всѣхъ магометанъ, обращались
не какъ съ равными, облагая ихъ, напримѣръ, податями, отъ ко
были свободны магометане и арабы. Постепенно, однако, эти отпущ
начинаютъ достигать даже почтенныхъ государственныхъ мѣстъ. В
того же класса встрѣчается наибольшее количество арабскихъ учен
поэтовъ, юристовъ и богослововъ. Но именно это и показываетъ
собственно въ арабскій *народъ* культура проникла не слишкомъ г

Торговля и торговыя сношенія — таковы были формы, въ котор
лилась внѣшняя политика Абассидовъ. Но, кромѣ того, слѣдуетъ ука
на значительныя послѣдствія мусульманскихъ завоеваній, которыя
и ходили изъ мѣстностей, независимыхъ отъ центральнаго правите
Сицилія была завоевана сѣверо-африканскими Аглабидами, и съ 902
въ теченіи полутора столѣтія оставалась во владѣніи мусульманъ.
былъ покоренъ (въ 826 году) отрядомъ Кордовскихъ добровольцев
гнанныхъ изъ страны испанскимъ Омаядомъ Хакамомъ I, и ли
962 году снова былъ отвоеванъ византійцами. Берега Средиземна
подвергались нападеніямъ со стороны завоевателей Крита и Сицил
торые уводили въ плѣнъ и обращали въ рабство безчисленное мно
жителей. Дерзкіе корсары пробирались со своими суднами глубо
Адріатическое море и въ Босфоръ. Исламизированіе Кабульскаго су
происходило не по иниціативѣ халифа, а благодаря могучему
Якубу ибнъ Лейѳу, по профессіи мѣднику (868—878). Позднѣе пре
тюрка Альптегина основали здѣсь цвѣтущее царство. Отсюда знам
Махмудъ изъ Газны (998—1030) предпринималъ многочисленные
на Индію, бо́льшую часть которой онъ и покорилъ исламу. На

ке не халифы, а тюркскія племена, проникнутыя фанатическимъ ре-
ознымъ рвеніемъ древнихъ сподвижниковъ пророка,—рвеніемъ, давно
остывшимъ у арабовъ,—взяли на себя обязанности священной войны.
я и халифамъ приходилось отъ времени до времени охранять сѣвер-
границы отъ нападеній византійцевъ, но то, что еще не удавалось
одному мусульманину, было совершено сельджуками Альпъ-Арслана,
енно: они взяли въ плѣнъ одного восточно-римскаго императора—Рома-
IV—(1071). Турки-же воевали съ христіанскими крестоносцами на
окѣ, и когда Саладинъ обратился съ просьбой о помощи къ Багдад-
у халифу Назиру (1180—1225), располагавшему тогда кое-какими
ыми силами, то намѣстникъ посланника Божья почти ничего не сдѣ-
.

У халифовъ были другія заботы, и имъ приходилось довольство-
ся тѣмъ, что часто имъ удавалось одержать верхъ надъ внутренними не-
дицами. Благодаря организаціи, введенной Омаромъ, каждый мусульма-
ъ былъ воиномъ уже въ силу самаго своего рожденія. Гвардію Ома-
въ составляли солдаты изъ сирійскихъ племенъ, сила которыхъ, къ
алѣнію, значительно ослаблялась несчастнымъ соперничествомъ южныхъ
ѣверныхъ арабовъ. Аббасиды достигли власти при помощи шіитовъ,
. преимущественно благодаря персидскимъ войскамъ. Племенные раз-
ы прежнихъ временъ замѣнились расовыми. Въ гарнизонахъ арабы и
ы помѣщались въ отдѣльныхъ квартирахъ: несмотря на это, требова-
властная рука для обузданія ихъ.

Во время походовъ задача эта становилась еще труднѣе; съ
ой стороны и военная пригодность этихъ солдатъ значительно умень-
ась. По крайней мѣрѣ халифы были недовольны достигнутыми при
помощи успѣхами при усмиреніи нѣкоторыхъ незначительныхъ воз-
ній и пограничныхъ стычекъ съ византійцами. Между тѣмъ, ужъ со
менъ Мамуна, нѣкоторые тюрки достигали высокихъ военныхъ должно-
й, при чемъ блистательно оправдывали оказанное имъ довѣріе. Со
менъ Мотазима стали тысячами вербоваться тюркскіе полки. Они сра-
ись какъ львы, но, съ другой стороны, требовали значительнаго жа-
анья, и, что было всего хуже, они, при малѣйшемъ поводѣ, считали
обиженными и хватались за сабли. Относительно арабовъ и
овъ, эти грубые парни поступали дерзко, а при малѣйшемъ возму-
іи, которое ихъ посылали подавить, они пользовались случаемъ пре-
аться грабежу и безстыднѣйшему изувѣрству. Такимъ образомъ, пра-
ельство ихъ боялось, подданные ненавидѣли, а арабскіе и персид-
полки смотрѣли на нихъ съ завистью и съ недовѣріемъ. Въ послѣд-
и почти во всякомъ дворцовомъ переворотѣ принимали участіе тюрк-
генералы, въ союзѣ съ интригантками—гаремными дамами и съ лука-
и евнухами.

Лишь меньшинство Аббасидовъ умерло естественной смертію. Халифы
стали быть господами въ собственномъ домѣ, такъ какъ имъ никогда
удавалось сохранить равновѣсіе среди солдатчины. Уже въ 908 году
ому способному полководцу, Мунику, удалось раздѣлить власть съ ха-
омъ Мукшадиромъ въ качествѣ Эмира-аль-Омара (майордома). Въ
2 году Аль-Ради (Al-Râhdi) могъ удержать за собою власть лишь при

помощи намѣстника, Мухамеда ибнъ Райка (Muhammed-ibn-Rā
который, ввидѣ вознагражденія за оказанную дружескую услу
захватилъ въ свои руки не только власть надъ войсками, но и все уп
вленіе, замѣнивъ визиря независимымъ министромъ. Мѣсто Райка зан
десять лѣтъ спустя Гассанъ (Hassan), властитель Гамдана, и присво
себѣ титулъ Назира эдъ даула (охранителя династіи). Три года спу
Буиде Ахмедъ достигъ званія Эмира аль Омара и скромно присвоилъ с
титулъ Моиса-адъ-даула (укрѣпителя династіи). Титулъ этотъ былъ
больше, какъ издѣвательствомъ, такъ какъ онъ лишилъ окончательно хал
всякой свѣтской власти, предоставивъ въ его распоряженіе лишь дух
ное представительство и право чеканки монеты. Такимъ образомъ титу
султана, присвоенный имъ себѣ, принадлежалъ ему по праву. Этотъ
рядокъ вещей длился болѣе ста лѣтъ, и лишь по истеченіи этого врем
тюркамъ удалось присвоить себѣ власть султана въ лицѣ сельджука
грильбега. Тѣмъ не менѣе Аббасиды, въ качествѣ духовныхъ гл
ислама, пользовались еще такимъ значеніемъ, что тюркъ нашелъ для с
необходимымъ просить торжественнаго признанія своего титула Аббасид
(1058). Халифу Мустаргиду удалось, благодаря особеннымъ обстоятел
ствамъ, снова овладѣть Иракомъ въ качествѣ свѣтскаго княжества (113
а его премники старались, по мѣрѣ силъ и возможности, играть поли
ческую роль. Такимъ образомъ у халифа Назира (1180—1225) вы
недоразумѣнія съ ханомъ Ховарезма (Хивы), и, когда онъ почувствов
себя безсильнымъ, то, въ непонятномъ ослѣпленіи, натравилъ на
монгола Джингисъ или Чингизъ хана. Этотъ послѣдній сначала не о
бенно торопился. Но въ 1258 году братъ его Гулагу (Hulagu) зан
Багдадъ. Халифъ былъ убитъ, и всѣ князья, которыхъ этотъ варв
успѣлъ захватить, истреблены мечомъ. Одинъ лишь Аббасидъ избѣгъ к
вавой рѣзни и былъ назначенъ халифомъ на жалованіи султаномъ ма
люковъ Бейбаромъ. Когда же османы положили конецъ хозяйнича
мамелюковъ, то султанъ Селимъ взялъ его съ собой въ Константино
и принудилъ его отказаться въ свою пользу отъ послѣдняго, что еще п
надлежало несчастному Аббасиду,—отъ духовнаго представительства (151
Династія Омаядовъ не продержалась и одного столѣтія, но пала одн
въ почетномъ бою. Аббасиды-же продержались почти 8 столѣтій (750
1517), но уже по истеченіи первыхъ 150 лѣтъ они лишились своей
литической самостоятельности. Съ этихъ поръ они страдали постепенны
истощеніемъ силъ и конецъ ихъ былъ по-истинѣ достоинъ сожалѣнія.

Казалось необходимымъ довести до крайности развитіе воен
системы, которой придерживались Аббасиды, потому что такимъ образ
одновременно можно было присвоить себѣ тѣ величественныя рамки,
которыхъ развивалась религіозно-политическая власть Аббасидовъ.

Хотя, при помощи визирей изъ рода Бармекидовъ, и удалось п
крѣпить умѣренныхъ шіитовъ къ господствующей династіи, однако м
гіе не могли забыть ту низкую подлость, при посредствѣ которой Ал
были лишены своего законнаго наслѣдства. Одно за другимъ, въ са
короткіе промежутки, въ Аравіи разразились возстанія, подавить кото
удалось лишь съ большимъ трудомъ. Послѣднее возстаніе, бывшее
786 г., замѣчательно тѣмъ, что одинъ изъ Алидовъ, избѣжавшій кр

ой рѣзни въ Меккѣ, Идризъ, основалъ въ Марокко независимое государство, которое, противъ всякаго ожиданія, продержалось два столѣтія.

Послѣ этихъ возстаній, Алидовъ всюду преслѣдовали, какъ дикихъ звѣрей, такъ какъ Аббасиды не любили шутить. Тотъ, кто интересовался лишь религіозными вопросами, могъ бы выдержать ихъ управленіе. Они, хотя съ самаго начала написали на своемъ знамени лозунгъ: борьба противъ безбожья Омаядовъ; и, будучи безсовѣстными лицемѣрами, старались оставить и впредь за собой этотъ престижъ, но благодаря тому, что вынуждены были принимать во вниманіе вѣрованія своихъ шіитскихъ приверженцевъ, старались склонить своихъ придворныхъ богослововъ къ болѣе раціональному, умѣренному правовѣрію. Такимъ образомъ мотазилистическое направленіе получило болѣе свободы, такъ что могъ появиться величайшій учитель этой школы, шейхъ Абуль-Гудгейль аль-Аллафъ (Abu'l Hudheil al-Allaf). Такимъ-же образомъ и эпоха отъ Манзура до Мамуна можетъ считаться поистинѣ классической для правовѣрія, такъ какъ въ эту то эпоху жили и получали основатели и нынѣ существующихъ во всей своей силѣ четырехъ богословски-юридическихъ системъ: Абу Ганифа, Маликъ ибнъ-Анасъ, Ахметъ ибнъ-Гаубаль.

Когда Мамунъ (813—833), одинъ изъ сыновей Гарунъ-аль-Рашида, вынужденъ былъ защищать мечомъ свои права на престолъ противъ нарушителя договора, брата своего Эмина, онъ, въ качествѣ властителя восточныхъ провинцій, былъ вынужденъ употребить всѣ усилія для того, чтобы привязать къ себѣ шіитовъ. Такъ на монетахъ того времени онъ величался Имамомъ аль-Гуда (Имамомъ Божьяго промысла). Спустя нѣсколько лѣтъ онъ выдалъ свою дочь за Алида Али ибнъ-Муза, по прозванію, эръ-рида и, вмѣсто чернаго знамени Аббасидовъ, принялъ зеленое—Алидовъ. Но лишь только онъ достигъ своей цѣли, вступилъ въ Багдадъ, то онъ снова сталъ для своихъ иракировъ благочестивымъ суннитскимъ монархомъ. Для него религія была конечно лишь одной формой: онъ не преслѣдовалъ ни одной секты, ни одного еретика, до тѣхъ поръ, пока они не затрагивали политическихъ вопросовъ. Но, въ концѣ своего правленія онъ началъ дѣйствовать законодательнымъ путемъ, издавъ указъ, въ силу котораго мотазилитическая доктрина о происхожденія корана признавалась единой вѣрной доктриной и потому оффиціально признавалась государственной религіей.

Но въ то же время онъ старался пріобрѣсть довѣріе шіитовъ изданіемъ закона о почитаніи Али за наилучшее изъ созданій Божіихъ (827). Противъ отступниковъ отъ правовѣрія, каковы Ахмедъ ибнъ Гаубаль были приняты насильственныя мѣры. Лишь Мутаваккиль (Mutawakkil) (847—861) пришелъ къ тому заключенію, что подобной церковной политикой можно удовлетворить лишь незначительные кружки, между тѣмъ какъ народная масса достигла, сообразно со своимъ развитіемъ, зрѣлости для правовѣрія. Къ сожалѣнію, онъ впалъ въ другую крайность; онъ воспретилъ диспуты по поводу корана, велѣлъ разрушить часовню Гусейна въ Кербалѣ и запретилъ паломничество въ это мѣсто. Правовѣрныя придворныя духовныя лица наблюдали съ чисто инквизиторскою ревностью за тѣмъ, чтобы ни одинъ алидическій, либо мотазилитическій догматъ не былъ преданъ гласности. Кто нарушалъ это запрещеніе, того наказывали,

какъ обыкновеннаго преступника. По этому случаю прибѣгли и къ бо
строгому преслѣдованію христіанъ. Пріемы Мутаваккиля, охранявш
правовѣріе грубой силой, считаются необыкновенными и для того времен
Но не слѣдуетъ изъ за этого быть несправедливымъ къ личностямъ.

Старанія Мутаваккиля встрѣтили своеобразную поддержку у бог
слова Абулъ Гассана Али аль Ашари, хотя этотъ послѣдній въ остальном
былъ далеко не родственъ ему по духу. Онъ, отвлекшись сначала г
мотасилизма, вновь обратился къ правовѣрію, примѣнивъ къ услугамъ сунн
тическаго догмата Аристотелевскую логику, которая до тѣхъ поръ употре
лялась лишь либеральными богословами для аргументаціи. Эти схоласт
ческія пренія, конечно, не болѣе не менѣе, какъ пустая мишура, так
какъ метафизическія истины какой бы то ни было религіи не могут
быть доказаны; но, тѣмъ не менѣе, онѣ исполнили свою задачу на столь
же успѣшно, какъ и на Западѣ, въ средніе вѣка.

Колеблющіяся и измѣнчивыя мнѣнія Алидовъ вылились въ прочну
форму лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, благодаря усиліямъ неизвѣст
наго человѣка. Этотъ послѣдній опирался на нѣкоего Абдаллу ибнъ Саб
который еще во время Османа выразилъ мнѣніе, что Магометъ вернет
къ своей паствѣ въ судный день, и что его временный намѣстникъ н
землѣ могъ быть никѣмъ инымъ, какъ его бывшимъ помощникомъ Ал
Что-же касается до системы, созданной болѣе чѣмъ двѣсти лѣтъ спуст
то она приблизительно гласитъ слѣдующее: У Бога пять пророковъ
которыхъ онъ посылалъ въ міръ: Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей и Іисус
Каждый изъ нихъ имѣетъ помощника (самита) и, въ качествѣ преемни
ковъ,—шесть имамовъ, изъ которыхъ послѣдній всегда смѣняется проро
комъ. Шестой пророкъ—Могаметъ, его помощникъ—Али, а преемник
этого послѣдняго—шесть алидическихъ имамовъ. По ученію этихъ по
слѣднихъ, не самъ Могаметъ явится въ видѣ Махди, т. е. Мессіи, для воз
становленія царствія Божіяго, но одинъ изъ Алидовъ. Для того, чтоб
пріобрѣсть приверженцевъ этому ученію и добыть пожертвованія для про
паганды, были разосланы агенты по всѣмъ направленіямъ. Мудро при
нимая во вниманіе различіе даровитости и воспріимчивости у разных
лицъ, было предложено 10 степеней познанія для членовъ, а посвященіе
въ одну или въ нѣсколько степеней предоставлялось усмотрѣнію миссіо
неровъ. Они, конечно, опирались на коранъ. Но, посредствомъ безсовѣстно
аллегоріи, новичковъ вели по ступенямъ вѣры, воспитывая въ нихъ убѣжде
ніе въ томъ, что всѣ религіозные уставы — вещь второстепенная, вс
религіозные факты—образы, все божественное—аллегорія. Конечно, эт
великое сальто-мортале въ «нигилизмъ» оставалось тайной нѣкоторыхъ из
бранныхъ.

Между тѣмъ Алиды пользовались всякимъ представляющимся им
случаемъ, чтобы отплатить Аббасидамъ за ихъ притѣсненія. Въ 864 году
одинъ Алидъ сталъ во главѣ возмутившихся табаристанцевъ, другой, нѣкт
Али ибнъ Могаметъ, искалъ союзниковъ въ средѣ негровъ-рабовъ, кото
рыхъ съ давнихъ поръ привозили тысячами, въ особенности изъ Занзи
бара (al Sindsch) и вызвалъ между ними сильное возстаніе; это послѣдне
было подавлено въ 883 году; но, тѣмъ не менѣе, халифы не могли
оправиться послѣ него въ теченіи почти 20 лѣтъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ Аравіи, Сиріи и между берберами вспыхнули почти одновременно возстанія, предлогомъ къ которымъ служили различные махди. Къ числу значительнѣйшихъ изъ этихъ революціонеровъ принадлежатъ *карматы* Баграина (Bahrain), получившіе свое названіе по имени одного изъ ихъ первыхъ героевъ, иракійскаго крестьянина Гамдана (Hamdan), прозваннаго Карматомъ за свое безобразіе. Ближайшей задачей этихъ революціонеровъ было ограбленіе границъ Ирака и захватъ караванovъ пилигримовъ. Въ 930 году они даже осмѣлились выломить черный камень Каабу и держать его затѣмъ въ теченіи 20 лѣтъ въ своемъ городѣ аль Ахса (al Achsa).

Между тѣмъ, прочныхъ успѣховъ съумѣлъ добиться лже-Алидъ Обейдъ алла ибнъ Мухамедъ (Obeid allah ibn Muhammed), основавшій въ 910 году династію между Берберами, которую онъ назвалъ въ честь супруги Али, Фатимы, Фатимидами. Одному изъ его преемниковъ, Абу Тжемимъ Мааду (Abu Jemim Maad'd), по прозванію иль Моисъ, удалось нанести полное пораженіе Ихшидидамъ, съумѣвшимъ послѣ Тулумидовъ (868—933) изъ намѣстниковъ Египта стать полными, самостоятельными властителями. Это властвованіе Фатимидовъ надъ Египтомъ длилось около двухсотъ лѣтъ, пока извѣстный своей борьбой съ крестоносцами Саладинъ не положилъ конецъ этому владычеству. Понятно, что Фатимиды старались ввести въ Египтѣ шіитское вѣроисповѣданіе, которое съ 945 года распространилось въ эмиратѣ Буидовъ, а съ 948 года—даже въ самой столицѣ суннитскаго халифа. Отдѣльныя лица изъ Фатимидовъ не опасались больше и самыхъ крайнихъ послѣдствій догматической системы. Такъ, одинъ изъ нихъ приписывалъ себѣ пророческую силу провидѣнія; другой просто требовалъ божескихъ поклоненій. Замѣчательнѣйшій изъ этихъ противниковъ халифовъ былъ Хакимъ (Hakim, 906—1020). Онъ издавалъ самые противорѣчивые, подъ-часъ весьма полезные, подъ-часъ необъяснимые, даже граничащіе съ безуміемъ указы. Онъ велѣлъ объявить посредствомъ герольдовъ, что каждый христіанинъ, принявшій исламъ, будетъ почтенъ, каждый-же отказывающійся отъ этого—будетъ преслѣдуемъ. Христіанинъ долженъ былъ носить крестъ на шеѣ, еврей—изображеніе головы тельца, такъ какъ евреи въ пустынѣ поклонялись тельцу. Кромѣ того, невѣрующіе не имѣли права носить колецъ на правой рукѣ, не имѣли права ѣздить верхомъ на лошадяхъ, а должны были довольствоваться мулами и ослами, могли употреблять лишь черныя сѣдла, а отнюдь не деревянныя стремена. Во избѣжаніе этихъ придирокъ многіе эмигрировали въ византійскія владѣнія, но многіе и отреклись отъ Христа. Были и такіе, которые хотѣли упорствовать противъ повелѣній халифа. Они надѣли золотые и серебряные кресты, дѣлали себѣ сѣдла изъ драгоцѣнныхъ, роскошно-окрашенныхъ матерій. Но Хакимъ не любилъ шутить и издалъ еще болѣе строгіе указы: каждый христіанинъ, не носившій на шеѣ деревяннаго креста, вѣсомъ въ 4 багдадскихъ фунта, подлежалъ смертной казни. То же грозило и еврею, не носившему шести фунтоваго деревяннаго обрубка,—точно колокольчикъ. Когда невѣрующіе отправлялись въ общественную баню, имъ вмѣнялось въ обязанность надѣвать маленькіе колокольчики. Въ 405 году со дня бѣгства Магомета, халифъ началъ преслѣдовать своими придирками и мусульманъ. Ни одна женщина не имѣла

права показываться внѣ своего дома, или на крышѣ дома; не имѣла пра
выглянуть въ окно или за дверь. Ремесленникамъ строго воспрещало
изготовлять женскую обувь. Первый законъ особенно тяжело ложился
незамужнихъ женщинъ, не имѣющихъ притомъ родственниковъ - му
чинъ, такъ какъ онѣ теряли возможность продавать свое тканье, и
вымѣнивать его на другой товаръ. Когда начальники городскихъ кв
тиръ извѣстили халифа объ этомъ затрудненіи, то онъ разрѣшилъ же
щинамъ продавать свой товаръ торговцамъ, посредствомъ ложекъ, сна
женныхъ длинными ручками. Но ни въ какомъ случаѣ женщинамъ
разрѣшалось обнажать лица и рукъ, выходить изъ дому, посѣщать ба
Несмотря на своеобразную смѣсь здраваго смысла и безумія, котор
отличаются всѣ эти законы, они все же служатъ выраженіемъ стр
исламскаго взгляда на вещи.

Но когда Хакимъ говоритъ: «Нилъ принадлежитъ мнѣ, я его с
далъ!» или когда онъ требуетъ, чтобы его вѣрноподданные обращал
къ нему слѣдующимъ образомъ: «Слава Тебѣ, Ты Единый, Несравненн
Слава Тебѣ, приносящему жизнь и смерть, богатство и бѣдность!»—то о
совершенно удаляется отъ мусульманскаго взгляда на вещи.

Для пропаганды шіитскихъ, т. е. измаэлитскихъ догматовъ въ Ка
была открыта особая академія (домъ знанія).

Но это ученіе имѣло мало успѣха среди суннитскаго народа. Одн
тюркскій измаэлитъ, Давази, объявилъ въ особой рукописи, что ду
Адама перешла въ Али и затѣмъ въ Фатимидовъ, слѣдовательно, н
она поселилась въ Хакимѣ.

Когда онъ прочелъ это въ мечети (въ 1017 г.), то народъ пр
шелъ въ такое яростное возбужденіе, что автору пришлось тайно бѣжа
Онъ отправился въ Сирію, гдѣ основалъ секту, которая и по сію п
почитаетъ какъ бога—халифа Фатимида «нашего Господа Хакима».
Друзы или, вѣрнѣе, Даразіе (Darasije). Хакимъ, впрочемъ, съумѣлъ ох
нить вѣру въ свою кажущуюся божественность, такъ какъ онъ исч
безслѣдно (13 февраля, 1021 г.). Секта Фатимидовъ, исторію разви
которой мы только что набросали, мало общаго имѣетъ съ исламо
основанномъ на коранѣ. Но были еще и другія религіозныя движенія
исламѣ, имѣющія еще болѣе языческихъ элементовъ. Такъ въ царствов
Мамуна, въ Азербейджанѣ (Adherbeidschân) появился нѣкій Бабекъ,
тавшій себя воплощеніемъ высшаго существа, и проповѣдывавшій общно
женъ и имуществъ.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ этимъ нѣкій Ата, персъ изъ Ме
уже заявилъ претензію на воплощеніе въ немъ Бога. Онъ носилъ зол
покровъ на лицѣ, отъ чего и получилъ прозваніе аль Муканна (al
kanna). Неизвѣстно, желалъ ли онъ такимъ образомъ выдѣлиться
толпы, такъ какъ подобный покровъ носили и совершенные профаны-рев
ціонеры, какъ напр., лже-Омаядъ Абу Гаръ аль Муларкъ (въ 840
(Abu Har al Mularq), и, кромѣ того, въ 1050 году покровъ этотъ
треблялся однимъ берберскимъ племенемъ, обитающимъ между Сенега
и Атласомъ, какъ обыкновенная часть одежды.

Во время султаната сельджука Тогрильбага возникла самая ни
ная изъ алидскихъ сектъ. Гассанъ ибнъ эсъ Саббахъ (Hassan ibn

Sabbach), смѣлый и честолюбивый персъ изъ Реи (Rei), нынѣшняго Тегерана, воспитанный въ шіитскомъ вѣроисповѣданіи, впослѣдствіи былъ увлеченъ неутомимой пропагандой измаэлитовъ. Такъ какъ онъ хотѣлъ добиться чего-нибудь при какихъ угодно обстоятельствахъ, то онъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ и заставилъ своего друга дѣтства, визиря Низама эль Мулькъ, представить себя ко двору тюркскаго султана, Меликшаха. Но, достигнувъ своей цѣли, онъ сталъ интриговать противъ своего благодѣтеля Низама и былъ изгнанъ. Послѣ разнообразныхъ перемѣнъ въ своей судьбѣ, ему удалось удалить отчасти силой, отчасти убѣжденіями одного алидійскаго махди, жившаго къ сѣверу отъ Кохвина, въ почти неприступномъ замкѣ на скалѣ, изъ его жилища, и устроиться самому въ этомъ замкѣ. Здѣсь онъ окружилъ себя смѣлыми и неустрашимыми юношами, относившимися къ нему съ почтительнымъ страхомъ, какъ къ святому, и покорявшимися ему съ слѣпымъ повиновеніемъ. Посредствомъ-ли гашиша, или другихъ подобныхъ возбуждающихъ экстазъ средствъ—неизвѣстно, но ему удалось открыть этимъ людямъ во-очію радости рая, въ награду за безусловное повиновеніе, притомъ съ такой одурманивавшей ихъ наглядностью, что для нихъ не было ничего болѣе возвышеннаго, какъ жертвовать своею жизнью служа «горному старцу». Этотъ-же послѣдній ни въ какомъ случаѣ не разсчитывалъ основать новое государство; онъ хотѣлъ лишь доказать великимъ и сильнымъ міра сего, что ихъ не могутъ оградить отъ кинжаловъ его посланныхъ (федави) ни высокія и толстыя стѣны, ни мечи ихъ лейбъ-гвардіи. Все коварство, все лицемѣріе, вся злость, какія проявлялись во времена владычества Аббасидовъ, концентрировались теперь въ одномъ человѣкѣ, причемъ низость и подлость еще увеличились, такъ какъ дѣло шло ужъ болѣе не о политическихъ стремленіяхъ, а объ удовлетвореніи личной ненависти.

Гассанъ и его агенты въ теченіе 200 лѣтъ наводили ужасъ на весь Востокъ, всюду дѣйствовалъ ихъ кинжалъ съ ужасающей быстротой. Нерѣдко ими пользовалась для взаимнаго истребленія одна изъ безчисленныхъ турецкихъ династій, основанныхъ, послѣ паденія преемниковъ Меликъ-шаха, его потомками или ихъ правителями. Одинъ изъ нихъ сдѣлалъ глупость вызвать ихъ въ Сирію, гдѣ они овладѣли цѣлымъ рядомъ замковъ на скалахъ, подобныхъ замку въ Табаристанѣ. И въ Сиріи они вскорѣ съумѣли вызвать всеобщій ужасъ. Не удалось ихъ истребить ни великому Нуреддину (1146—73 гг.) ни его преемнику, курду Іосифу ибнъ Аюбу (Jusuf ibn Ajjub) болѣе извѣстному по его прозванію Салахеддинъ или Саладдинъ (1174—1193), противъ котораго было сдѣлано нѣсколько покушеній. За то они ему впослѣдствіи оказали услугу, удаливъ съ его пути, неизвѣстно съ его-ли вѣдома, величайшаго изъ полководцевъ-крестоносцевъ, графа Конрада Монферрата.

Лишь султану мамелюковъ, Бейбару изъ Египта (1260—77 гг.) удалось покорить ихъ, но и онъ пользовался ими. Не властью самодержца, а просто благодаря перемѣнѣ временъ, этотъ ужасный тайный союзъ гашишимовъ (людей-гашиша) или ассассиновъ, какъ ихъ называютъ на Востокѣ, постепенно преобразовался въ невинную секту, имѣющую, впрочемъ, и понынѣ приверженцевъ въ Гимсѣ и въ Индіи. Чистое шіитство стало государственнымъ вѣроисповѣданіемъ въ Персидскомъ госу-

дарствѣ, основанномъ въ 1502 году шахомъ Измаиломъ, въ то врем
какъ пятнадцать лѣтъ спустя, турки, овладѣвъ халифатствомъ, да
первенствующее значеніе правовѣрію. Такъ дѣло обстоитъ и понынѣ.

Арабы въ Испаніи.

Арабское государство, возникшее на развалинахъ государства вест
готовъ, было сначала лишь намѣстничествомъ, которое, однако, благ
даря его разстоянію отъ центра правленія въ Дамаскѣ, должно было пр
обрѣсть несоразмѣрную самостоятельность. Но внутреннія дѣла были б
лѣе запутаны и представляли болѣе затрудненій, чѣмъ гдѣ либо въ дру
гомъ мѣстѣ халифата.

Несчастное соперничество сѣверныхъ и южныхъ арабскихъ племе
было и здѣсь поводомъ безконечныхъ стычекъ и кровавыхъ междоусоб
Но мусульманскіе побѣдители по большей части вовсе не были арабами,
берберами, которые не вполнѣ признавались своими восточными един
вѣрцами. Но, будучи грубыми и воинственными, эти сѣверо-африканц
почти всегда отвѣчали на предполагаемую или дѣйствительную обиду
заговорами и мечами. Расовая антипатія еще усиливалась разномыслі
вытекающимъ изъ ихъ массоваго правовѣрія и взглядами сирійских
арабовъ, не придерживавшихся такъ строго корана. По этой же причи
духовенство оставалось всегда благосклонно расположено къ берберамъ.

Но, съ другой стороны, общая нелюбовь къ туземному населенію
связывала эти партіи. Во времена владычества готовъ дворянство и д
ховенство играли первостепенную роль среди туземнаго населенія; имъ
принадлежала и большая часть земли, на которой жила масса крестьян
въ качествѣ крѣпостныхъ. Послѣ завоеванія Испаніи арабами, больша
часть этихъ владѣній была конфискована и затѣмъ, раздѣленная
мелкіе участки, роздана арабамъ. Послѣдствіемъ этого была болѣе раці
нальная обработка земли и болѣе или менѣе быстро возрастающее благ
состояніе. Понятно, что побѣдители считали ниже своего достоинства соб
ственноручно обрабатывать землю, предоставляя это туземцамъ. Но эти по
слѣдніе обязаны были отдавать владѣльцу четыре пятыхъ дохода, буде уча
стокъ былъ частной собственностью, одну треть въ казну, если онъ был
государственною собственностью. Мелкія земельныя владѣнія вовсе не тр
гались арабами, и христіане должны были только платить хараджъ (по
земельное) и подушное. Но подати были не легки и во времена вестгот
скихъ королей. Кромѣ того, въ прежнія времена гражданамъ воспре
щалось отчуждать свои имѣнія. Такимъ образомъ, граждане были обя
заны исламу за то, что, благодаря ему, они стали дѣйствительными го
сподами своихъ земель. Кромѣ того съ рабами мусульманскіе хозяев
обращались гораздо человѣчнѣе, чѣмъ христіанскіе; притомъ рабамъ стои
только принять исламъ, чтобы получить свободу. Изъ этихъ-то сословій
а также изъ средняго класса преимущественно выходили ренегаты. Гос
дарство относилось къ подобнымъ обращеніямъ со смѣшаннымъ чув
ствомъ, такъ какъ каждое обращеніе влекло за собой потерю подушнаго
Оффиціально-же, конечно, приходилось принимать новообращенныхъ братьев

по Аллаху съ открытыми объятіями. А переходъ въ исламъ былъ соблазнителенъ для многихъ, и не только изъ-за болѣе ничтожныхъ налоговъ, но и изъ-за болѣе почетнаго соціальнаго положенія; вѣдь христіанство было всегда лишь терпимой религіей, и лишь мусульмане могли занимать государственныя должности. Между тѣмъ, законное равенство этихъ ренегатовъ или мувалладиновъ съ арабскими мусульманами существовало лишь въ теоріи, какъ и на Востокѣ. Фактически-же общее вѣроисповѣданіе, даже тамъ, гдѣ оно считалось искреннимъ, не могло уничтожить ту пропасть, которая существовала между завоевателями и покоренными, а также и прирожденную расовую антипатію. Такимъ образомъ эти люди, обманутые въ своихъ надеждахъ, относились гораздо враждебнѣе къ правительству, чѣмъ тѣ, которые, оставшись христіанами, напередъ знали, каковы ихъ шансы. Въ общемъ, этимъ послѣднимъ не приходилось жаловаться на обращеніе съ ними. Кромѣ того, признавая Магомета пророкомъ, они могли всегда оградить себя отъ придирокъ. Но разъ извѣстное лицо переходило въ мусульманскую религію, оно оставалось на-вѣки связаннымъ съ исламомъ, такъ какъ отреченіе отъ ислама не только самого обращеннаго, но и его потомковъ наказывалось смертною казнью. Древнее дворянство и высшее духовенство также были опасны для правительства; оба эти сословія были лишены своего значенія посредствомъ конфискацій имуществъ. Духовенство вмѣшивалось въ свѣтскія дѣла и не разъ предлагало свои услуги невѣрующему начальству. Впрочемъ, право назначать епископовъ и сзывать церковные соборы перешло отъ вестготскихъ королей на халифа или его намѣстника. А потому, хотя и случалось иногда, что делегатами въ эти соборы были евреи и мусульмане, то все же бѣда была не такъ велика, какъ это кажется на первый взглядъ: христіанство—это нравственная сила, которой ни соборы, ни синоды не могутъ ни принести пользы, ни нанести вреда.

Одни только *евреи* могли привѣтствовать арабовъ съ искренней радостью, такъ какъ во времена владычества вестъ-готовъ, ихъ положеніе было невыносимо. Въ особенности же со времени правленія Сизебута (SizeBut) они не имѣли покойнаго часа: ихъ насильно крестили; въ случаѣ отказа съ ихъ стороны ихъ лишали имуществъ и притомъ били кнутами. Когда-же, наконецъ, убѣдились въ нецѣлесообразности этихъ насильственныхъ мѣръ, то одинъ христіанинъ, участникъ четвертаго толедскаго собора, потребовалъ, чтобы у евреевъ отбирали, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣтей. Когда же они возстали противъ этого, то ихъ стали продавать тысячами въ рабство, при чемъ ихъ господамъ внушали, чтобы они дозволяли своимъ рабамъ-евреямъ жениться не иначе, какъ на христіанкахъ. Благодаря арабамъ, униженный народъ Божій былъ поставленъ наравнѣ съ притѣснителями христіанами, и даже, въ благодарность за оказанные имъ во время войны услуги, онъ пользовался особыми отличіями. Во всякомъ случаѣ, церковная политика халифовъ не вела къ тому, чтобы укрѣпить въ христіанахъ вѣрноподданническую преданность.

Таковъ политическій хаосъ, созданный завоеваніемъ Пиринейскаго полуострова. Хотя въ серединѣ восьмого столѣтія весь югъ и востокъ полуострова былъ во владѣніи арабовъ, но царствующая тамъ анархія

дала поводъ въ возникновенію христіанскаго королевства въ Аст
которое, разумѣется, старалось завязать связи съ христіанскими кружк
юга и вообще со всѣми недовольными.

Лишь геніальный властитель могъ благополучно управлять кораблем
плывя черезъ эти пороги. Такимъ властителемъ былъ омаядскій принцъ Аб
рахманъ, рѣшительность котораго и прозорливость дала ему возможно
добыть корону Кордовы посредствомъ гражданской войны. Но во все п
долженіе его долгаго царствованія, съ 756 по 788 годъ, ему постоянно п
ходилось имѣть дѣло съ революціями. Одна изъ нихъ замѣчательна т
что возставшіе побудили великаго императора франковъ—Карла вмѣшат
въ дѣло; но однако его походъ къ Эбро чуть-чуть не погубилъ его.
которое время передъ этимъ, между берберами появился *святой*, въ л
школьнаго учителя, возставшій противъ эмира. Этотъ Абдалла ибнъ
гаметъ выдавалъ себя за потомка Али и Фатимы и болѣе десяти л
причинялъ эмиру много заботъ. Впослѣдствіи мы убѣдимся, что
религіозныя возстанія между испанскими мусульманами вызывались все
сѣверо-африканскими берберами. Уже во времена правленія Гиш
(788—96) правительство, либеральное въ духѣ восточныхъ Омаядо
было вовлечено въ фарватеръ правовѣрія. Партія, добившаяся этого, со
рала приверженцевъ въ средѣ ренегатовъ—новообращенные всегда ф
тичны—и берберовъ. Во главѣ ихъ былъ берберъ Яхья (Jaĥja), котор
будучи самъ ученикомъ строго-правовѣрнаго Мелика ибнъ Анаса въ
динѣ, доставилъ господство его правовой системѣ. Это длилось до т
поръ, пока эмиры находились подъ страхомъ передъ этимъ духовн
совѣтникомъ. Но когда Гакамъ I (796—822) воспротивился его вмѣ
тельству въ политику, то этотъ властолюбивый священникъ началъ
тригговать противъ халифа: «О ты злодѣй, ты упорствующій въ непо
шаніи и въ самовозвеличеніи, ты, презирающій заповѣдь Аллаха, от
вись отъ своего опьяненія, проснись изъ своего грѣховнаго сна!» и
какими любезными словами одинъ проповѣдникъ упомянулъ эмира
въ Кордовской мечети, во время богослуженія. Возстаніе было од
подавлено, и виновные преданы ужасной казни. Все южное предм
Кордовы было разрушено до основанія, десять тысячъ человѣкъ
сослано. Но вожаки, мусульманскіе священники, вышли сухими изъ в
При Абдеррахманѣ II (822 — 52) они снова завладѣли властью и
дили слабохарактернаго монарха примѣнить къ христіанамъ насильст
ныя и совершенно противозаконныя мѣры, такъ какъ, по ихъ мнѣ
христіанамъ жилось слишкомъ хорошо, и они, къ величайшей досадѣ
ховенства, внѣшне все болѣе и болѣе стали похожи на арабовъ. Во вр
этихъ притѣсненій даже многіе изъ отпавшихъ христіанъ снова вер
лись въ лоно церкми, а самые горячіе поклонники креста съ энту
момъ готовились къ мученической смерти. Правительство, сознавая
опасность подобнаго положенія дѣлъ, старалось ихъ удержать пос
ствомъ нарочно созваннаго собора, но всѣ его усилія оказались нап
ными. Возстаніе само собой погасло, подобно эпидеміи, при чемъ не
было опредѣлить, почему? Непосредственныя послѣдствія мученичества,
поминающія страданія христіанъ древней церкви, не имѣли значе

Но духовныя пріобрѣтенія церкви были громадны, такъ какъ вс

оппозиція противъ правительства, съ какой бы она ни являлась стороны, воодушевлялось воспоминаніемъ о мужественной смерти этихъ людей. Въ то время какъ въ эпоху правленія низкаго эмира Абдалла (888—912) арабская аристократія употребляла всѣ усилія, чтобы вызвать всевозможныя возстанія и вернуть себѣ утерянное во время Абдеррахмана могущество, въ Андалузіи, въ Серранiи возстали ренегаты. Причиной ихъ возстанія была не религія, а патріотизмъ испанцевъ. Они отчасти стали истинно-вѣрующими мусульманами, и когда ихъ предводитель, могущественный герой Омаръ-ибнъ-Нассъ принялъ христіанство, то многіе отвергнулись отъ него. Эти революціи довели царствующую династію чуть-ли не до окончательной гибели. И тогда берберы начали священную войну, которая, однако, на этотъ разъ велась, для разнообразія, не противъ правительства, а противъ христіанскаго княжества Астурiи. Лишь великому эмиру Абдеррахману III (912—61) удалось побѣдить всѣхъ своихъ враговъ, благодаря смѣлымъ и быстрымъ нападеніямъ. Онъ смѣло могъ рѣшиться первымъ принять титулы повелителя вѣрующихъ и халифа, и такимъ образомъ доказать сѣверо-африканскимъ Аббасидамъ въ Багдадѣ и Фатимидамъ—незаконность присвоенной ими себѣ власти.

Но онъ при этомъ былъ и мудрымъ законодателемъ и добрымъ отцомъ своего народа. Онъ серьезно старался придать фактическое значеніе равноправности ренегатовъ и берберскихъ мусульманъ съ арабами, каковая до него существовала лишь на бумагѣ. На этомъ-то созданномъ имъ равновѣсіи и возникла цвѣтущая арабско-испанская культура. Договоры съ христіанами и евреями соблюдались и охранялись отъ фанатизма духовныхъ лицъ Религіи эти были признаны государствомъ, хотя, по буквѣ закона, онѣ лишь терпѣлись. Абдеррахманъ былъ первый изъ эмировъ, который окружалъ себя христіанами и евреями, и даже назначилъ первымъ министромъ мудраго и опытнаго Хаздаи Шапрута.

Но для того, чтобы поддержать равновѣсіе между различными расами, эмиру, конечно, отъ времени до времени приходилось прибѣгать къ мечу; а потому съ его стороны было весьма благоразумно, что онъ вербовалъ свою гвардію изъ кружковъ, далекихъ отъ всякихъ политическихъ стремленій. Съ этой цѣлью онъ тысячи рабовъ обращалъ въ солдатъ, а командующіе ими были по большей части изъ евнуховъ, доставлявшихся преимущественно еврейскими фирмами изъ южной Франціи. Къ сожалѣнію, эта реформа не удалась. Еще при жизни Абдеррахмана главное командованіе, порученное четыремъ евнухамъ, подало поводъ къ неповиновенію со стороны арабскихъ офицеровъ во время войны противъ Рамиро да Леона, вслѣдствіе чего мусульмане потерпѣли ужасное пораженіе (939). Но это было еще не самое пагубное послѣдствіе. Послѣ смерти ученаго Гакима II (961—76 г.), которому наслѣдовалъ его несовершеннолѣтній сынъ Гимамъ II (976—1013 г.), рабы и евнухи начали играть роль своихъ тюркскихъ коллегъ на Востокѣ. Въ особенности, нѣкій смѣлый искатель приключеній, Ибнъ Аби Амиръ, любовникъ и претеже матери короля, съумѣвшій изъ простого секретаря стать дворцовымъ министромъ, захватилъ всю власть въ свои руки и, наконецъ, присвоилъ себѣ почетный титутъ «короля». Честолюбивая султанша Зобейга, желая удержать въ своихъ рукахъ бразды правленія, рѣшилась задержать физиче-

ское и нравственное развитіе молодого Гишама, прибѣгая къ прест средствамъ. Цѣль эта была вполнѣ достигнута. Даже когда султанш дилась, что они оба были позорно обмануты выскочкой, она ужъ н освободить своего сына отъ его опеки.

Но несмотря на то, что этотъ человѣкъ достигъ власти ствомъ преступленій и низостей, достигши намѣченной цѣли, он чался своей самоотверженностью и любовью къ справедливости, и лишь о благѣ своихъ подданныхъ. На сколько его можно было называть геніальнымъ негодяемъ, на столько потомъ онъ оказалс альнымъ полководцемъ и государственнымъ человѣкомъ. Походы е болѣе побѣдоносны, нежели походы его предшественниковъ, и онъ мусульманскія войска до святилища Сантъ-Яго, въ Галисіи. До поздныхъ временъ его воспѣвали въ народныхъ пѣсняхъ, какъ аль-М т. е. побѣдоносца. Такъ какъ войска изъ рабовъ оказались него то онъ составлялъ свою гвардію изъ христіанъ, которые цѣлыми т сбѣгались къ нему, благодаря безпорядкамъ, господствовавшимъ въ это въ Леонѣ, Кастиліи и Наваррѣ. Самая же геніальная его реформ было радикальное преобразованіе состава войскъ; реформа эта бы можна, однако, лишь благодаря начатому Абдеррахманомъ III ура шенію правъ національностей. До него арабскія войска всегда был низованы такимъ образомъ, что каждый отрядъ состоялъ изъ ч одного племени, глава котораго командовалъ имъ. При немъ-же отд отряды войскъ составлялись помимо родовыхъ отношеній. Такимъ зомъ затруднялись возмущенія, такъ какъ и солдаты, и офицеры н ужъ такъ близки другъ къ другу, а потому охотнѣе подчинялись командующему. При всемъ томъ всемогущій майордомъ обладалъ нас мудрымъ господствомъ надъ самимъ собою, что никогда не нарушал минальнаго владычества псевдо-халифа. Но положеніе его было до непоколебимо, что двое изъ его сыновей унаслѣдовали его санъ, всякаго сопротивленія съ чьей-либо стороны. Лишь когда Абд манъ III (1008 г.) уговорилъ Омаяда назначить его наслѣдникомъ стола разразилась гроза. Но ни одному омаядскому принцу не у вновь основать владычество своей династіи; Кордова стала респуб а кромѣ того всюду возникли мелкія арабскія, берберскія или государства. Въ Севильѣ арабскіе Аббасиды основали династію, п жавшуюся около 70 лѣтъ. Приблизительно столько-же времени пр въ Гренадѣ берберскіе короли, въ правленіи которыхъ процвѣтал мирныя искусства, хотя не столько благодаря имъ, какъ благодаря геніальному визирю—еврею Самуилу га Леви (Samuel ha Lewi). собой разумѣется, что христіанскія государства на сѣверѣ полуо воспользовались распаденіемъ арабскаго царства для значительныхъ товъ. Такъ, Альфонсъ VI добился въ 1085 г. сдачи Толедо, опусто предварительно всю Андалузію до крайняго юга.

Мутавиду Севильскому грозила такая опасность, что онъ, дви отчаяніемъ, обратился съ просьбой о помощи къ лицу, отъ котораго онъ самъ отлично понималъ, грозила опасность всему его царству серединѣ одиннадцатаго столѣтія появился въ средѣ Зангаджскихъ беровъ святой, Абдалла - ибнъ - Язинъ - эль - Гузули (Abdallah ibn

Gusuli), пропагандировавшій между своими соплеменниками самый
огій исламъ, придерживаясь буквѣ ученія Малика. Его приверженцы
ли прозваны мурабитунами или людьми - Рабита, по своимъ избамъ,
которыхъ они временно жили на одномъ островѣ Сенегала. До 1080 го-
почти весь Магхрибъ (Maghrib) до Алжира былъ во владѣніи
равидовъ, Альморавида—такъ по испански назывались Мурабиты,—
уфа ибнъ Тафшина (Jusuf ibn Tafschin), который устроилъ свою
иденцію въ новооснованномъ Марракутѣ (Марокко). Этотъ Юсуфъ согла-
ся оказать помощь Аббасиду, но въ пылу сраженій онъ раззорилъ
ти всю мусульманскую Испанію, въ особенности Кордову и Гренаду.
нако это могущество, во время котораго фанатикъ-факиръ истребилъ
ужіемъ всю культуру Андалузіи, длилось не долго. Альморавиды не
гли противостоять безпрерывнымъ нападеніямъ со стороны христіан-
ихъ государствъ, тѣмъ болѣе, что силы ихъ требовались для борьбы
родной странѣ ихъ династіи—на Испанію они всегда смотрѣли лишь
къ на провинцію африканскаго государства. На этотъ разъ прин-
сь бороться противъ другого берберскаго племени, противъ Масмуды
Masmuda) у которыхъ появился новый махди, Мохамедъ ибнъ Тумартъ
Mohammed ibn Tûmârt). Такъ какъ Альморавиды были послѣдователями
енія Малика, то новый махди и старался примѣнить къ своимъ цѣлямъ
лѣе философское ученіе Ашари. Разными софизмами, которыми онъ по-
жалъ глуповатыхъ факи (Fakihs) Альморавидовъ, онъ съумѣлъ внушить
ъ опасеніе, что ихъ буквальное толкованіе словъ корана грозитъ опас-
стью единобожію, между тѣмъ какъ его послѣдователи, аль мивахеддины
l Mywachchedin), вѣрующіе въ единобожіе, избѣгаютъ опасности
асть въ многобожіе. Но сколько бы онъ ни носился съ этимъ догма-
ческимъ мусоромъ, главнымъ дѣломъ для него было шіитское вѣрованіе
непогрѣшимость алидскихъ имамовъ, съ молчаливымъ предположеніемъ,
о въ его особѣ воплотился имамъ. Будучи очень осторожнымъ, онъ
шь постепенно выступалъ съ этимъ догматомъ. Когда эти альмивахге-
ны, или, какъ выговариваютъ испанцы, альмогады, своимъ оружіемъ
онечательно уничтожили могущество альморавидовъ, то ни одинъ изъ
ьмогадовъ не сомнѣвался въ томъ, что ихъ тогдашній глава не только
хди, но и халифъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ мусульманскія провинціи
паніи были въ его рукахъ. Хотя это кажется невѣроятнымъ, однако
о фактъ, что первые властители этой династіи не только покровитель-
вовали искусству и наукѣ, но и выказали нѣкоторое пониманіе того и
угого. Это явленіе нельзя объяснить однимъ лишь вліяніемъ андалуз-
ой культуры; оно было послѣдствіемъ того интереса, которое питалъ
умартъ къ философской системѣ Ашариса. Тѣмъ не менѣе, уже при
ѣтьемъ альмогадѣ знаменитый Ибнъ Рошдъ (Аверроэсъ) былъ заключенъ
ъ тюрьму за свое свободомысліе. Съ этихъ поръ наступаетъ ретроградное
виженіе свободы науки, а также и политической власти. Когда халифъ
а'мунъ, уступкой десяти крѣпостей, обезпечилъ себѣ со стороны Ферди-
анда III Кастильскаго вспомогательныя войска для укрощенія возстанія
ъ Марокко (1229 г.), то владычеству его въ Испаніи пришелъ конецъ.
ъ Африкѣ-же альмогады лишь въ 1269 году пали подъ напоромъ сенад-
скихъ берберовъ.

До 1246 года вся Испанія была отнята у мусульманъ, за исключеніемъ маленькаго княжества Гренады. Владѣтели его, происходившіе изъ древняго арабскаго дворянства, могли удержаться лишь въ качествѣ данниковъ Фердинанда Кастильскаго. Достойно удивленія то обстоятельство, что это княжество Назоидовъ процвѣтало еще 250 лѣтъ. Арабская западная культура здѣсь расцвѣла еще одинъ разъ, и притомъ, какъ мы увидимъ позднѣе, достигла высочайшаго расцвѣта. *La galib 'ill allah* «нѣтъ побѣдителя кромѣ Аллаха» таковъ былъ лозунгъ строителей Альгамбры. Но къ несчастію на этотъ разъ появился побѣдитель въ лицѣ христіанина Фердинанда (1492). При капитуляціи, на которую былъ вынужденъ согласиться послѣдній изъ Назоидовъ, Абнъ Абдалла Могаметъ (Баабдиль), онъ приложилъ всѣ усилія, несмотря на грозящее ему паденіе, выхлопотать болѣе сносныя условія и для евреевъ. Этотъ благородный его поступокъ останется записаннымъ на скрижаляхъ исторіи.

Но Богъ христіанъ оказался болѣе жестокимъ и коварнымъ, чѣмъ Аллахъ проклятыхъ мусульманъ. Въ благодарность за терпимость, которую всегда оказывали христіанамъ мусульмане, эти послѣдніе подверглись инквизиторскимъ преслѣдованіямъ.

Литература.

Во главѣ литературныхъ произведеній исламистскихъ арабовъ стоитъ *Коранъ*, т. е. редактированное во времена халифа Оѳмана (Oṯhman) собраніе откровеній или корановъ Магомета. Но и до Магомета существовала арабская литература, давно заглохшая литература сабеевъ юго-западѣ полуострова, отъ которой нынѣ не осталось ничего кромѣ надписей, вырѣзанныхъ на камнѣ. Изъ поэзіи язычниковъ сѣверной Аравіи у насъ сохранились довольно значительные отрывки. Стихи ихъ имѣютъ вполнѣ опредѣленную метрическую форму, сродную греческой или римской, и обладаютъ риѳмой, повторяющейся въ первой строкѣ стихотворенія въ началѣ и въ концѣ, а затѣмъ находящейся лишь въ концѣ стиха. Языкъ одинаковъ, такъ какъ эти поэты появились въ одно и то же время въ VI столѣтіи, и въ одномъ и томъ-же культурномъ слоѣ.

Болѣе тонкія діалектическія различія не могутъ быть усмотрѣны, благодаря несовершенному письму, самыя грубыя ошибки, вѣроятно, были сглажены переписчиками. Но слѣдуетъ полагать, что странствующіе пѣвцы нѣсколько сгладили свои діалекты во время своихъ странствованій, для того чтобы ихъ легче понимали въ чужихъ странахъ. Позднѣе арабскіе филологи соединили въ сборники эти стихи, изъ которыхъ главнѣйшіе *моаллакаты* и мофадаліяты (Moallaqât, Mofaḍḍalijjat). Моаллакаты приобрѣли особенную популярность благодаря легендѣ, что будто они были вышиты золотомъ на драгоцѣнныхъ коврахъ и вывѣшены на Каабѣ, въ Меккѣ. Названіе ихъ, собственно говоря, значитъ только *драгоцѣнныя*. Уже въ древнія времена правила стихосложенія подобныхъ стихотвореній или казидъ приняли стереотипную форму. Они начинаются упоминаніемъ о покинутомъ мѣстожительствѣ племени, къ которому принадлежитъ возлюбленная поэта или его героя. Затѣмъ поэтъ обращается къ

воображаемому товарищу съ просьбой остановиться и высказать свое мнѣніе объ этихъ слѣдахъ поселеній, о кучахъ золы, о кольяхъ палатокъ. Къ этому поэтъ присоединяетъ эротическую часть, жалуется на разлуку съ возлюбленной, трогательно воспѣвая свое горе. «Вѣдь Господь, создавая своихъ рабовъ, вселилъ имъ любовь къ женщинамъ и радость этой любви». Кончается стихотвореніе обыкновенно робкою просьбой поэта подарить ему что нибудь.

Онъ сѣтуетъ на продолжительность своихъ странствованій, на затрудненія, испытанныя имъ, несмотря на свою храбрость и несмотря на благородную расу своего коня. Но настоящая казида не кончается такъ скоро, какъ нашъ набросокъ; лирика играетъ въ ней лишь незначительную роль. Древній поэтъ попадаетъ въ настоящій свой элементъ лишь когда дѣло идетъ объ описаніяхъ, будь это описаніе пейзажей, или небесныхъ явленій, оружія или лошадей, верблюдовъ, птицъ летящихъ стаей или бѣгущихъ стадъ газелей.—Такимъ образомъ стихотворенія-моаллакаты содержатъ обыкновенно сто стиховъ; вслѣдствіе этого, они съ эстетической точки зрѣнія лишь весьма мало поэтичны.

Когда дѣло идетъ о радости или о горѣ, о ненависти или любви, гнѣвѣ или презрѣніи, то мы можемъ сочувствовать страстной рѣчи древнихъ поэтовъ, которые нерѣдко были и поэтами, и рыцарями. Но подробныя описанія, составляющія цѣлое стихотвореніе, никогда не могутъ быть поэтичными. Арабскіе филологи, которые комментировали и обработали древнія стихотворенія, мало понимаютъ поэзію, и обыкновенно ограничиваются выраженіями восторга по поводу необыкновенныхъ выраженій и изящныхъ оборотовъ рѣчи. Эта ограниченность въ оцѣнкѣ для насъ тѣмъ чувствительнѣе, что эти филологи нерѣдко сокращали антологическія стихотворенія, въ которыхъ подчасъ были наилучшія мѣста. Передать казиду въ полномъ ея составѣ подчасъ невозможно. Отдѣльныя части ея почти не имѣютъ связи между собой, что видно изъ выше приведеннаго нами анализа, а отдѣльныя строки по мысли и по синтаксическому своему составу составляютъ нѣчто единое. Вотъ почему весьма легко произвольно толковать или урѣзывать, а для критики въ большей части случаевъ невозможно примѣнить абсолютно вѣрный масштабъ. Этотъ послѣдній еще болѣе затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что благодаря полной испорченности вкуса въ позднѣйшей техникѣ, поэты, жившіе въ большихъ городахъ, будучи связанными господствующей модой, придерживались шаблоновъ поэзіи бедуиновъ. Такъ, напр., извѣстный историкъ литературы Ибнъ Котаба говоритъ: «Поэту новѣйшихъ временъ не дозволяется исправлять манеру древнихъ; напр. останавливаться въ населенномъ мѣстѣ или отдыхать въ каменномъ зданіи въ то время, какъ древніе останавливались въ пустынныхъ мѣстахъ, въ палаткахъ, или ѣздить верхомъ на ослахъ и мулахъ, въ то время какъ древніе ѣздили на верблюдахъ, или находить прѣсную, текучую воду, въ то время какъ древніе пользовались мутной, испорченной водой, или, во время путешествій, странствовать по мѣстностямъ, гдѣ цвѣтутъ нарциссы, розы и мирты, такъ какъ таковыхъ въ пустыняхъ не было».

Къ счастью, болѣе геніальные изъ числа позднѣйшихъ поэтовъ освободились отъ этихъ стѣснительныхъ ограниченій. Но рядомъ съ тяжело-

вѣсной казидой древніе писали и короткія стихотворенія на разные случаи. Знаменитѣйшіе поэты древнихъ временъ слѣдующіе: Амрулькаисъ (Amrulqais), Тарафа, Зогаиръ (Zohaïr), Лебидъ, 'Амру ибнъ Кульѳумъ ('Amru ibn Kulthum), 'Антара и Гариѳъ ибнъ Хиллиза (Harith ibn Hilliza). Слѣдующія строфы перваго изъ вышеназванныхъ переносятъ насъ во времена язычества, съ его идеалами:

Тяжела была мнѣ разлука,
Теперь-же для меня она не тяжела,
И дума моя не занята болѣе
Никакими дѣвушками.
Я распрощался съ глупостью,
Но все же я дорожу тремя вещами
Въ веселой жизни.
Первая изъ нихъ—это придавать бодрость
Собутыльникамъ,
Чтобы они передавали другъ другу
Полные, пѣнящіеся мѣхи.
Вторая—это скакать на конѣ,
Взрывающемъ копытами пыль,
Нападая на стаю дикихъ звѣрей,
Когда она считаетъ себя въ безопасности.

Третья ѣздить на верблюдахъ по неизвѣданнымъ странамъ, когда ночь окутала землю своимъ темнымъ покровомъ, изъ пустыни направляться къ городу, завязывать знакомства и веселиться. Послѣднее—это цѣловать женщину, орошенную ароматами и взирающую на младенца, разукрашеннаго амулетами, которую жалобы мои трогаютъ, плачъ ея огорчаетъ, и которая, опасаясь, чтобы онъ не повредилъ себѣ, обращаетъ свои взоры на него.

Въ поэтической антологіи Гамазы арабскія поэтическія произведенія распредѣляются на слѣдующія группы: героическія пѣсни, оплакиванія умершихъ, восхваленія добродѣтели, эротическія пѣсни, пасквили, похблудныя, описанія путешествій, шутливыя пѣсни, и пасквили на женщинъ. Въ печальныхъ пѣсняхъ отличились и женщины, а между ними въ особенности Ганза (Hansà), настоящее имя которой было Тумадиръ, дочь Амру. Стихи, въ которыхъ вдова оплакиваетъ умершаго своего супруга, полны чувства.

«Я клянусь, что глаза мои никогда не осушатся, что глава моя навсегда останется покрыта пепломъ въ горѣ о тебѣ. Гдѣ можно было встрѣтить человѣка, подобнаго тебѣ, такую опору въ бѣдѣ, такого упорнаго въ сраженіяхъ. Гдѣ только опускались копья во время нападенія, тамъ грудь его открывалась на встрѣчу смерти, и смерть окрасила его въ багровый цвѣтъ».

Изъ того, что было сказано выше о дѣлахъ Омаядовъ, легко заключить, что въ Дамаскѣ благоволили къ пѣвцамъ добраго стараго времени.

Изъ нихъ выдающіеся Джериръ и Фараздакъ († 728), пріобрѣвшій извѣстность своею поэтическою обоюдною перебранкою, а также христіанинъ эль Ахталь. Люди вродѣ Іезида (Iezid) чувствовали себя гораздо лучше въ кругу рабынь, подносящихъ имъ запрещенное вино, нежели въ мечети.

«Моя дѣвушка живетъ въ Матирунѣ, когда муравей пожретъ все

что было собрано въ муравейникѣ. Но когда наступаютъ весенніе дожди, ее охраняетъ храмъ въ Дишилигѣ,—палатка возлѣ лавочки трактирщика, окруженная зрѣющими маслинами».

Случалось и такъ, что царевна болѣе восхищалась поэтомъ, нежели это допускалось приличіями. Поэтъ любви Вадуахъ былъ наказанъ позорною смертью за такое приключеніе. Самый изящный, но и самый распущенный изъ поэтовъ былъ эротическій поэтъ Омаръ ибнъ аби Рабі'я (Omar ibn abi Rabi'a).

«Мы бесѣдовали, и я увидѣлъ свободно лица, красота которыхъ была слишкомъ горда для того, чтобы закрыться покрываломъ. Онѣ меня узнали, но притворились, будто не знаютъ меня. Онѣ шутливо говорили: «Это чужестранецъ, который не знаетъ, гдѣ бы пріютиться». Онѣ обмѣнивались любовной пряжей съ одураченнымъ ими человѣкомъ, который давалъ имъ саженями, а получалъ аршинами».

Родственный по духу Омару былъ Абу Новасъ (Abu Nowas), придворный поэтъ Гарунъ аль Рашида; онъ еще болѣе распущенъ. Литературныя произведенія несчастнаго аббасидскаго принца, ибнъ эль Мута (ibn el Muta) дышатъ такой глубиной чувства, такой тонкой наблюдательностью, что напоминаютъ подъ часъ Гете. Муталабби († 965 г.), гораздо остроумнѣе, но менѣе натураленъ. Глубокомысленнѣе всѣхъ былъ слѣпой Абуль ала аль Ма'арра († 1057 г.) (Abul ala al Maarra), жившій при дворѣ Зейфеддаула. Въ качествѣ религіознаго скептика и свободомыслящаго писателя, онъ особенно понятенъ и доступенъ намъ.

«Народъ возложилъ свою надежду на Богочеловѣка, который долженъ руководить толпой, когда она, безпомощная, ищетъ спасителя. Но это лишь заблужденіе, ибо лишь разумъ есть божественный руководитель, ведущій васъ утромъ и вечеромъ, какъ опытный проводникъ».

Онъ былъ не только самымъ свободомыслящимъ человѣкомъ своего времени, но можетъ занять мѣсто въ рядахъ самыхъ свободомыслящихъ людей всѣхъ временъ. До сихъ поръ исламъ не произвелъ равнаго ему. Арабская поэзія послѣ него стала постепенно падать.

Но за то въ одной исламистской области индоевропейской расы и персидскаго языка, открылся для поэзіи новый богатый источникъ. Съ арабскимъ завоеваніемъ, въ Персію проникло много арабскихъ словъ, но народный языкъ все же не былъ никогда вполнѣ вытѣсненъ; а когда, по мѣрѣ увеличивающагося раздробленія арабскаго государства, восточныя провинціи стали пріобрѣтать больше самостоятельности, — народный языкъ быстро сталъ литературнымъ. Персидская лирика отличается отъ болѣе древней арабской въ двухъ отношеніяхъ. Послѣдняя, по большей части, намѣренно сплетается съ историческимъ фономъ, такъ что часто понять ее возможно лишь тому, кто знакомъ съ событіями, на которыя она намекаетъ, хотя эта условность пониманія далеко не настолько значительна, какъ это утверждали схоластики и толкователи. Персидскій поэтъ, благодаря присущей его народу способности къ отвлеченному мышленію, относился свободнѣе и непринужденнѣе къ своему предмету, а потому лучше съумѣлъ отрѣшиться отъ ограниченнаго, индивидуальнаго опыта и возвыситься до общечеловѣческихъ воззрѣній.

Что же касается стилистической стороны персидской поэзіи, то въ

этомъ отношеніи о ней нельзя высказать такого благопріятнаго м
Она составляетъ контрастъ съ древне-арабской поэзіей, отличаю
точнымъ, лаконическимъ языкомъ, настоящей наблюдательностью, н
ностью картинъ и вѣрными сравненіями. О персидской-же поэзіи
сказать то, что въ учебникахъ и въ подобныхъ литературныхъ пр
деніяхъ говорится вообще о восточной поэзіи, а именно, что она
чается цвѣтистымъ языкомъ и запутанными оборотами рѣчи. Пе
значительнымъ лирикомъ считается Рудеги (Rudegi), который, кромѣ
предпринялъ переводъ индусскаго сборника сказокъ, Калила и Дим
порученію князя саманидовъ Назара II. Младшій его современникъ, Да
началъ эпическую обработку древне-иранской героической поэмы — Ш
Наме. На долю турецкаго султана Махмуда въ Газнѣ выпала честь, з
чающаяся въ томъ, что одинъ изъ величайшихъ эпическихъ по
всемірной литературы, Фирдуси (Firduk) докончилъ, живя при его
Шахъ-Наме, или книгу царей. Дакики успѣлъ докончить лишь 1000 ст
такъ какъ былъ убитъ своимъ возлюбленнымъ, турецкимъ рабомъ.
дуси-же, въ своей передѣлкѣ, написалъ шестьдесятъ тысячъ двой
строкъ. Арабы никогда не писали риѳмованныхъ эпическихъ произве
Но утвержденіе, будто арабы или вообще семиты не обладали тала
къ эпосу, совершенно невѣрно. Описанія сраженій, бывшихъ во вр
язычества и въ первые годы ислама, набросаны съ такой наглядно
драматической жизненностью и поэтическою наивностью, что ихъ
назвать иначе, какъ эпическими разсказами, такъ какъ лишь выше
численныя качества, а никакъ не пустыя формы вродѣ риѳмы, им
значеніе для подобной классификаціи. Кромѣ того, встрѣчаются бо
отрывки, которые стоитъ только разбить на діалоги между разли
лицами, чтобы получить драматическія сцены. Послѣ Фирдуси величай
эпикомъ можно считать Низами († 600 г.), изъ произведеній ко
особенно извѣстны «книга Александра» и разсказъ «Лаила и Медж
(Laila, Medschun).

Самымъ-же любимымъ въ Персіи поэтомъ былъ Саади († 69
изъ Шираса, творецъ «Бостана» (садъ) и «Гюлистана» (садъ
содержащей, то въ прозѣ, то въ стихахъ, правила жизни благоч
смягченнаго мудростью: «Однажды ночью я вспоминалъ протекшіе
а потраченная напрасно жизнь вызвала во мнѣ глубокую печаль;
зами слезъ я пробуравилъ твердый камень сердца, и мнѣ пришли на
слѣдующіе, приличныя моему состоянію, стихи:

«Съ каждымъ мгновеніемъ погибаетъ дыханіе жизни. Не успѣл
его замѣтить, и оно улетучилось, какъ дымъ. Ты могъ беззаботно
вести во снѣ пятьдесятъ лѣтъ, а хочешь обмануть себя еще и на
дней? Да будетъ стыдно лѣнивцу, не принимающемуся за работу!
дался барабанный бой, а онъ не застегнулъ еще ранца своего.
путешествія насталъ, а онъ продолжаетъ наслаждаться сномъ, такъ
путешественнику придется отказаться отъ своего странствованія».

«Проникнувшись этими мыслями, я почелъ необходимымъ удали
въ уединеніе, собрать складки моего платья и удалиться изъ обще
стереть со своихъ дощечекъ легкомысленныя изрѣченія, и съ этихъ
не вмѣшиваться въ безполезные разговоры.

«Лучше молча и не слушая ничего, сидѣть въ углу, чѣмъ безъ толку острить языкъ въ пустыхъ рѣчахъ.

«Въ это время одинъ изъ моихъ друзей, сидѣвшій нѣкогда со мной въ верблюжьихъ носилкахъ бѣдствія, а также въ пріятныхъ палаткахъ любви, вышелъ по старой привычкѣ ко мнѣ. Но на его шутки и его веселіе, на раскинутый имъ передо мною коверъ веселія и остроумія, я не далъ ему отвѣта» и т. д.

По сравненію съ удивительнымъ разнообразіемъ твореній Саади, этого поэтическаго фельетониста, брызжащаго блестками генія, подблюдныя и любовныя пѣсни еще болѣе популярнаго Гафиза (Háfis), разумѣется, болѣе однообразны, но за то онѣ обладаютъ большимъ очарованіемъ и прелестью. Европейскій читатель замѣтитъ, конечно, при чтеніи, что любовь поэта никогда не избираетъ предметомъ женщину, но всегда—чернокудраго раба.

«Встань, виночерпій, обнеси чашу кругомъ, а затѣмъ ласково поднеси ее мнѣ, ибо любовь, казавшаяся сначала легкой, вызвала безчисленное множество затрудненій. Надежда на то, что восточный вѣтеръ разнесетъ ароматъ этихъ кудрей, была причиной тому, что всѣ сердца окропились кровью, благодаря ихъ кудрявымъ кольцамъ.

«Окрась коверъ виномъ, если такъ прикажетъ это старый хозяинъ; путешественникъ, столько изъѣздившій, знаетъ всѣ пути и дороги. Предавался-ли я наслажденіямъ въ домѣ друга моей души, въ то время, какъ колоколъ ежечасно жалобно напоминаетъ: идемъ дальше! Темно, ночь, и на лонѣ волны и вѣтровъ таится ужасъ. Могутъ-ли понять мою тяжелую судьбу тѣ, ожидающіе тамъ у берега въ легкомъ одѣяніи. Злорадство набросило тѣнь на всѣ мои дѣянія; не осталось и одной тайны, которая не обратилась бы въ сказку во всѣхъ кружкахъ. Если, Гафизъ, ты почувствуешь стремленіе къ покою, то не забудь правила: если тебѣ удалось найти то, что любишь, то откажись отъ всего свѣта!»

Между тѣмъ, въ омаядской Испаніи, любовь къ пѣнію—арабовъ соединилась съ прирожденными поэтическими способностями—андалузцевъ, что произвело очаровательную, безпримѣрно богатую литературу, стоящую, по весьма понятнымъ причинамъ ближе къ нашимъ чувствамъ, чѣмъ произведенія Востока. Саидъ ибнъ Джуди (Said ibn Dschûdi, 900), рыцарь и поэтъ, имѣетъ болѣе древне-арабскій характеръ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я услышалъ ея голосъ, душа моя отлетѣла. Сладкіе звуки оставили во мнѣ лишь печаль. Вѣчно, вѣчно я вспоминаю ее, Джугану: я ее никогда не видалъ, а подарилъ ей свое сердце. Къ ея возлюбленному имени, которое для меня выше всего на свѣтѣ, я взываю съ влажными глазами, какъ монахъ взываетъ къ иконѣ».

Къ поэтамъ новаго направленія принадлежатъ Яхья ибнъ Гакамъ (Jachja ibn Hakam) и Саидъ ибнъ Мундгизъ (Said ibn Mundhis), жившіе въ качествѣ придворныхъ пѣвцовъ при Кордовскомъ дворѣ (въ 850 г.). Испанско-арбскихъ поэтовъ—легіонъ, и можно было бы наполнить томы ихъ произведеніями, довольствуясь даже выборомъ лучшаго изъ того, что стоитъ спасти отъ забвенія. Приведемъ здѣсь чудныя рѣчи, которыми неизвѣстный воспѣваетъ Гибралтарскую скалу.

«Она возвышаетъ чело свое къ небу, а черный покровъ, сплетенный

изъ облаковъ, спускается съ ея плечъ. По вечерамъ главу ея украшают точно вѣнцомъ, звѣзды, плывущія тамъ, высоко, точно червонцы. Т опускаются кружевныя кудри ихъ на ея чело, и лаская его, иг ютъ съ ней по ночамъ. Зубы ея искрошились, потому что, съ тѣхъ пор какъ она стремится вверхъ, она безъ устали грызла скалу столѣтій. О пережила уже всѣ перемѣны судьбы; подобно погонщику, подгоняюще своими пѣснями верблюдовъ, она гнала впередъ вѣка. Она мыслями блу даетъ въ прошломъ, въ настоящемъ и будущемъ. Такъ, обремененн тайнами, она мрачно, загадочно глядитъ въ мрачную пропасть, открыт у ея ногъ».

Музыка и пѣніе тѣсно связаны съ поэзіей. Какъ у всѣхъ народов такъ и у арабовъ, то и другое возникли въ глубочайшей древности, и судя по увѣреніямъ арабовъ, пѣніе, какъ искусство — происхожд нія иностраннаго. Рабъ - чернокожій, ибнъ Музаджихъ (Musaddschi клієнтъ знатной мекккской фамиліи Banu Machzum, услышалъ однаж какъ разсказываютъ, пѣніе персидскихъ рабочихъ, занятыхъ исправ ніемъ Каабы. Онъ запомнилъ эти мелодіи и подобралъ къ нимъ арабс пѣсни. Его примѣру нашлись ревностные подражатели. Ибнъ Сорайд (Ibn Soraidsch), Гхаридъ (Gharid) и Маабадъ (Maabad) считаются мыми замѣчательными изъ его учениковъ. По словамъ другого преда ибнъ Музаджихъ перенялъ византійскія мелодіи. О Маабадѣ разсказываю что онъ обучалъ пѣнію дѣвочекъ - рабынь, и потомъ торговалъ и Весьма вѣроятно, что ибнъ Музаджихъ дѣйствительно такимъ пут изучилъ искусство пѣнія. Но было бы странно приписывать лишь особѣ посредничество въ этомъ дѣлѣ. Въ Аравіи было много мѣстъ, гораздо удобнѣе было изучить византійское или персидское пѣніе, ч въ Меккѣ. Вѣдь византійцы и Сассаниды были непосредственными со дями бедуиновъ на сѣверѣ, а въ Байранѣ, Оманѣ и въ Счастливой Ар съ давнихъ поръ персы были колонистами. А потому невозможно измѣр время, или указать точно на каналы, по которымъ проникли въ п островъ чужестранныя мелодіи. Но то значеніе, которое имѣли женщи пѣвицы, наводитъ на предположеніе, что значительный контингентъ пі рокъ въ музыкальномъ искусствѣ составляли рабыни. А потому объ и Музаджихѣ можно съ достовѣрностью лишь утверждать, что онъ б однимъ изъ извѣстнѣйшихъ пѣвцовъ и древнѣйшимъ главой школы. А ское слово: «Zammara» флейтистка, арамейскаго происхожденія и о чаетъ на этомъ языкѣ просто на просто распутную дѣвушку. Во мена Омаядовъ эти артистки допускались ко двору, а богатые люди тили за хорошихъ пѣвицъ, которыя служили имъ и наложницами, от ныя суммы.

Любимыми инструментами были: тамбуринъ, флейта, литавры особенности лютня (ûd), по струнамъ которой ударяли палочкой. ранилось обширное сочиненіе, содержащее нѣсколько томовъ, на а скомъ языкѣ, со множествомъ пѣсенъ и мелодій къ нимъ. Такъ въ од мѣстѣ сказано: «въ этихъ стихахъ седержится тяжелая и легкая мел исполняемая безъимяннымъ пальцемъ. Ишакъ говоритъ, что она вве Маликомъ, а Амръ говоритъ, что ее составилъ Муризъ; между Юнусъ утверждаетъ, что одна мелодія составлена ибнъ Муризомъ, а

гая—Маликомъ. По другому предположенію Амра, мелодія составлена Зуруромъ изъ Таифа, легкая и тяжелая, исполняемая среднимъ пальцемъ. Въ ней есть и Ramal ибнъ Сурайджа (ibn Suraidsch). Если слѣдовать наставленіямъ аль Гашима изъ Ишака, то указательный палецъ чередуется съ безъимяннымъ. Есть также другая тяжелая мелодія Абдаллы ибнъ Муза аль Гади (Abdallah ibn Mûsa al Hâdi) и въ ней есть газадшъ (Hazadsch) исполняемый мизинцемъ и безъимяннымъ пальцами» и т. д.

Эти описанія мелодій и многія другія гораздо точнѣе тѣхъ, какія находятся въ перифразѣ еврейскихъ псалмовъ. Они отличаются отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что въ общемъ выражены ясными словами. Тѣмъ не менѣе, мы все же не въ состояніи составить себѣ точнаго понятія объ этихъ мелодіяхъ, такъ какъ мы не только не обладаемъ нотнымъ ключемъ, но и не понимаемъ спеціальнаго техническаго значенія нѣкоторыхъ выраженій, напр. *легкая* и *тяжелая* мелодія. Если судить по нынѣшнему музыкальному вкусу семитическаго Востока, то эти мелодіи были, вѣроятно, крайне однообразны. Гнусливость пѣвцовъ, считающаяся классической манерой, основана также на древнихъ традиціяхъ.

Поэзія—созданіе язычества; священная и свѣтская исторія возникли въ исламѣ. Послѣ смерти Магомета весьма скоро почувствовалась потребность въ сборникѣ тѣхъ изрѣченій пророка, которыя не попали въ коранъ. А такъ какъ лица, принадлежавшія къ благочестивымъ кружкамъ, не довольствуясь однимъ исполненіемъ религіозныхъ обязанностей, желали и во всѣхъ мелочахъ частной жизни подражать великому прообразу Божьяго посланника, то начали придумывать правила для всѣхъ возможныхъ дѣяній повседневной жизни, даже для плеванія и полосканія горла. Если бы подобный сборникъ (Hadith), былъ подлиннымъ, то слѣдовало бы приписать его одному лицу, непосредственно сообщавшемуся съ Божіимъ посланникомъ. Поэтому утвердился обычай, всякій подобный сборникъ снабжать перечнемъ именъ товарищей по оружію, пока не дойдешь до подобнаго современника пророка. Напр. «Намъ разсказалъ это Ибрагимъ ибнъ аль Мундиръ; намъ разсказалъ Ма'анъ; онъ сказалъ: мнѣ разсказалъ Ибрагимъ ибнъ Тумâнъ про Магометъ ибнъ Заядъ Абу Гураира, что онъ сказалъ: Посланникъ Божій имѣлъ обыкновеніе, когда ему приносили яства, спрашивать: даръ ли это или милостыня? Если ему отвѣчали: милостыня, то онъ говорилъ своимъ послѣдователямъ: «Ѣшьте!» но самъ не ѣлъ. Если-же ему отвѣчали: «Это даръ!» то онъ хлопалъ въ ладоши и ѣлъ съ ними». Къ сожалѣнію многіе изъ этихъ «Hadith'овъ» вмѣстѣ съ коренной книгой (Sonad или цѣпь преданій), подложны. Знаменитѣйшій систематическій сборникъ, больше всего подходящій къ корану по святости, составленъ Бухари (Buchâri) († 870 г.).

Въ духѣ этихъ сборниковъ, съ тщательнымъ упоминаніемъ цѣпи людей, сообщившихъ преданія, описалъ Ибнъ Ишакъ при дворѣ Аббасида Манзура «Жизнь пророка». Этотъ методъ примѣнялся и къ исторіи. Первый написавшій «Всеобщую исторію» былъ Табари (при дворѣ Мамуна). Въ этой исторіи составитель еще цѣликомъ скрывается за источниками, всевозможныя варіаціи которыхъ представляются на судъ читателю, безъ опасенія утомить его повтореніями. За нимъ слѣдуетъ Ибнъ эль Аффи (Ibn el Affi) въ 1223 году; но этотъ послѣдній болѣе субъективенъ и

слогъ его новѣе. Въ противоположность слогу хроники - компиляціи Та
риса, онъ пытался составить изъ источниковъ единую прагматическ
картину. Величайшій, быть можетъ, изъ арабскихъ историковъ, И
Хальдунъ (Ibn Chaldun), историкъ берберскихъ династій, родился въ
нисѣ, но былъ испанскаго происхожденія († 1406 г.) [1])—Ибнъ Хаіянъ
Кордовы (Haijan) написалъ исторію своего времени, одиннадцатаго с
лѣтія, въ шестидесяти томахъ. Много историческаго содержатъ и геогр
фическія произведенія, по большей части описанія путешествій. Наибо
тонкимъ наблюдателемъ и при томъ самымъ остроумнымъ былъ Макд
(al Maqdisi † 1229 г.). Іакутъ (Iaqût) составилъ изъ географически
познаній своего времени лексиконъ, расположивъ эти свѣдѣнія въ ал
витномъ порядкѣ. Испанецъ эль Бекри (el Bekri † 1094 г.) еще ран
издалъ удобную справочную книгу.

Проза арабовъ занимаетъ въ исторіи всемірной литературы выда
щееся положеніе. Въ особенности-же разсказы о сраженіяхъ и о жизни
пустынѣ, у арабовъ отличаются наглядностью, драматическою жизненност
и поэтическою наивностью—до такой степени, что они могутъ смѣло бы
причисленными къ эпосу, если не предполагать, что этого рода литер
турныя произведенія не могутъ обойтись безъ риѳмы и метрической форм
«Аунъ ибнъ Джад'а, знатный мужъ, ведущій свой родъ отъ вѣтви Ма
сумъ изъ колѣна Корейшъ подвергся нападенію со стороны разбойников
за Зуболой, во время странствованія къ святымъ мѣстамъ въ царств
ваніе халифа Абдельмелика, или, какъ утверждаютъ другіе, во время во
вращенія его отъ двора этого халифа; въ числѣ этихъ разбойников
главнымъ былъ Эссамгари ибнъ Бишръ изъ Оклы, а также Багдаль
Мерванъ, братья Элькирфа изъ Таи. Они крикнули ему: «путевой выкупъ
а онъ сказалъ слугѣ: «дай имъ поѣсть!» Но они отвѣтили: «Во истин
мы ѣсть не хотимъ!» Тогда онъ сказалъ: «одари ихъ!» Но они отвѣтил
«и подарковъ мы не хотимъ!» Тогда онъ догадался, что это разбойник
и хватился за свое оружіе, заставилъ своихъ верблюдовъ преклонить к
лѣни, а потомъ началъ сражаться противъ, а они противъ него. Но Б
даль былъ человѣкомъ, всегда попадающимъ во время стрѣльбы въ цѣл
онъ-то и попалъ въ него стрѣлой, которая и убила его. Тогда они отр
били его кладь, и не нашли того, на что разсчитывали; тогда они обрат
лись въ бѣгство, а его, мертваго, оставили на полѣ битвы, не взявш
ничего изъ его вещей, такъ какъ ихъ охватило раскаяніе. Абдельмалик
же узналъ о приключеніи чрезъ посредство спутниковъ убитаго, и написа
Гишаму ибнъ Измаилу, своему намѣстнику въ Иракѣ, и своему намѣс
нику въ Емама, и повелѣлъ имъ отыскать убійцъ Ауна, и приказа
тѣмъ, которымъ это будетъ поручено, приложить къ дѣлу всѣ силы.
разбойники разсѣялись, а Эссамгари отправился въ Сирію во владѣн
Гатафана, и зашелъ такъ далеко, какъ только это было возможно. Но там
онъ встрѣтился со всадниками Аюба ибнъ Салама изъ Махзума и люди с
зали ему: «Вотъ убійца твоего двоюроднаго брата!.. Хватай его!»—И о
захватилъ его и привелъ въ Медину къ намѣстнику Гишаму ибнъ Изм

[1]) О немъ см. статью Гумплowича: Арабскій соціологъ XIV вѣка (подр
ное извлеченіе въ «Научн. Об.» 1898 года).

лу, который заключилъ его тамъ въ темницу. Но онъ воспользовался недостаткомъ присмотра со стороны людей въ одну изъ пятницъ, и бросился внизъ со стѣны темницы, причемъ разбились его ножныя кандалы, такъ что онъ ихъ закрутилъ вокругъ одного бедра и бѣжалъ. Но когда наступила ночь, онъ отбилъ кандалы и бросилъ ихъ и, освободившись отъ нихъ, пошелъ впередъ. Оглядываясь на-право и на-лѣво, онъ замѣтилъ ворона, который выщипывалъ свои перья и разбрасывалъ ихъ. Тогда онъ сказалъ встрѣтившемуся ему пастуху изъ Лигбовъ,—а Лигбы это племя; люди принадлежащіе къ нему, умѣютъ толковать дѣйствія птицъ:— «Что скажешь ты о человѣкѣ, бѣжавшемъ изъ темницы, который, посмотрѣвъ сначала на-право, ничего не увидѣлъ, а посмотрѣвши послѣ этого на-лѣво, увидѣлъ вòрона на деревѣ, который выщипывалъ у себя перья и разбрасывалъ ихъ?» Пастухъ-же сказалъ: «Если рѣчь птицъ правдива, то человѣка этого распнутъ». Эссамгари сказалъ: «Типунъ тебѣ на языкъ!» и пошелъ дальше, а на ходу говорилъ стихи:

«О ты, домъ, изъ котораго я долженъ былъ бѣжать, ты останешься для меня незабвеннымъ, но я не посѣщу тебя. Для очей моихъ наслажденіе видѣть обломки копій, встрѣтить смерть на полѣ битвы. Если я спасусь, о Лигба, то спасется не одинъ мужъ. Но если случится иначе, то меня пугаетъ лишь твоя клятва. Я видѣлъ ворона на деревѣ Бàна, который ощипывалъ и разбрасывалъ свои перья: вóронъ означаетъ лишеніе жизни, а дерево Бàна—разлуку, такъ предсказываетъ знаменіе».

Послѣ этого онъ пересѣкъ владѣнія Кодаа, пока не достигъ Одра (Odhra), гдѣ онъ сдѣлалъ себя неузнаваемымъ, и доилъ и поилъ скотъ для людей, а потомъ, воспользовавшись ихъ невниманіемъ, сѣлъ на верблюда и во весь духъ уѣхалъ, и помчался въ изгибъ долины. Когда наступилъ день, они его преслѣдовали, но онъ, увидѣвъ расширеніе ущелья, принялъ его за настоящій путь, ѣхалъ по немъ нѣкоторое время, но затѣмъ увидѣлъ, что горы сдвигаются, узналъ свою ошибку и повернулъ назадъ. Но тутъ онъ убѣдился, что люди преградили ему дорогу, а потому слѣзъ съ верблюда и бѣжалъ въ горы до тѣхъ поръ, пока не достигъ владѣній Аннъ Асада. Но голова его уже была высоко оцѣнена; и, когда онъ достигъ поля Маниджа, онъ наткнулся на обоихъ сыновей Фаида ибнъ-Абиба изъ Факазъ и сказалъ имъ: «Дайте мнѣ напиться!» Они напоили его, но, взглянувъ на его ляжку и замѣтивъ свѣжіе слѣды ранъ, они воскликнули: «Клянемся Богомъ, это Самгари!» бросились на него, опрокинули его и насѣли на его спину; но онъ отбивался отъ нихъ, и они позвали на помощь сестру свою. Она спросила: «дадите-ли вы мнѣ часть награды?»—они сказали: «да!», тогда она набросила на него арканъ изъ воды верблюда, и такимъ образомъ они отвели его въ Медину къ Оѳману Ибнъ-Хаяну (Othman ibn-Hajjan) изъ Морра, бывшему тогда намѣстникомъ Медины.

Этотъ же передалъ его племяннику убитаго Ауна для кровавой мести. Но Эссамгари сказалъ ему: «Ты хочешь убить меня, а не знаешь ли, убилъ-ли я твоего дядю? Подойти ко мнѣ, и я назову тебѣ убійцъ» Онъ хотѣлъ только откусить ему носъ; тогда закричали тому: «остерегайся собаки!» и онъ убилъ его. А между тѣмъ взялись за племя Таи за его членовъ, братьевъ-разбойниковъ Багдаля и Мерваля, сыновей

Кирфы. Соплеменники Таи сказали: «если вы насъ заключите въ тем
то мы не сможемъ доставить вамъ виновныхъ; пустите насъ и мы
ихъ выдадимъ». Но оба брата, тѣмъ временемъ, жили въ пустынѣ съ звѣ
и охотились на дичь, для поддержанія своей жизни. Но, такъ какъ
жизнь имъ надоѣла, то одинъ изъ нихъ, Мерваль, сошелъ съ горъ,
дошелъ къ пастуху, и вступилъ съ нимъ въ бесѣду, а пастухъ далъ
напиться. Когда онъ послѣ этого улегся беззаботно отдохнуть, пас
пошелъ и выдалъ его, желая получить плату, назначенную за его го
и избавить своихъ соплеменниковъ отъ заключенія; его схватили:
произошло во времена премника и сына Абдэльмелика, Эльвалида (Elwa
Его привели къ Оѳману ибнъ-Наяну въ Медину, а тотъ велѣлъ его
нить. Другой, Багдаль, поселился послѣ смерти брата на вершинѣ
Зельма. Но такъ какъ Мерванъ былъ найденъ во владѣніяхъ Таи, то с
еще больше притѣснять это племя, дабы они выдали Багдаля. И о
изъ знатныхъ господъ Таи узналъ о его мѣстопребываніи на гор
отправился туда, и со своими людьми разбилъ свой лагерь у подо
горы этой.

При наступленіи дня мужчины вышли изъ палатокъ и остались
женщины; Багдаль подошелъ къ обѣимъ дочерямъ этихъ господъ и с
силъ ихъ: «Кто вы такія, и что вы здѣсь дѣлаете?» затѣмъ онъ пр
отдохнуть; онѣ же сказали объ этомъ своему отцу, а тотъ воору
людей, а дочерямъ своимъ велѣлъ его натереть масломъ, вымыть ем
лову и вычесать его; и устроилъ ему западню, а дочерямъ ска
«Когда вы увидите, что идутъ люди, то хватите его за волосы и
жите его, чтобы поймать его, не нанося ему ранъ». И такъ онѣ по
нили и его привели къ Оѳману ибнъ-Гаяну, который и его велѣлъ
нить. Тогда дочь Багдаля оплакала его смерть въ стихахъ».

Весьма любимый арабами видъ литературы, который притомъ
встрѣчается ни у одного народа, кромѣ арабовъ, есть то, что они н
ваютъ Адабъ (Adab). Это болѣе или менѣе систематически располо
ные, по большей части безъ особаго плана, сборники анекдотовъ, ист
ческихъ разсказовъ, разныхъ достопримѣчательныхъ изрѣченій, съ
нимъ изобиліемъ стиховъ. Эти книги—настоящій кладъ для исторіи к
туры. Древнѣйшее подобное произведеніе принадлежитъ перу Амра
Бахра аль-Дошахисъ (870) одного изъ остроумнѣйшихъ людей своей э
Болѣе всего извѣстно «Kamil» Миррабада († 898) и «Iqd» исп
ибнъ абдъ-Рабби (Ibn abd Rabih († 939). Историческое произве
Масуди имѣетъ беллетрическій характеръ.

Сказки «Тысяча и одной ночи» безъ всякаго сомнѣнія извѣстн
лѣе обширному кругу читателей, чѣмъ какая-либо другая арабская к
Между тѣмъ, эти разсказы по большей части индусскаго или персид
происхожденія, и лишь переработаны въ арабскомъ духѣ. Но, съ д
стороны, есть указанія и на арабское происхожденіе, такъ какъ нѣ
рыя сказки имѣютъ фономъ какъ бы багдадскую эпоху и рос
халифовъ. Вопросъ о времени ихъ возникновенія запутанъ. Такъ
эти сказки служили любимѣйшимъ предметомъ пересказа, то постеп
многое было къ нимъ прибавлено, многое въ нихъ измѣнено, сокра
распространено, такъ что изъ ста рукописей трудно найти и двѣ, с

менно между собой тождественныя. По той-же причинѣ весьма трудно сказать съ достовѣрностью на древнѣйшую форму разсказа. Въ общемъ, если взять все въ цѣломъ, то редакція, лежащая въ основѣ обыкновенныхъ изданій, указываетъ на эпоху отъ 12 до 14 стол.

Въ разсказѣ «Горбунъ», исторія котораго должна была происходить въ девятомъ вѣкѣ, болтунъ цирюльникъ проговаривается, замѣтя «это было въ 653 году»; но согласно нашему лѣтосчисленію, 653 годъ отвѣтствуетъ 1255. Нѣкоторые разсказы принадлежатъ еще позднѣйшему времени; такъ, однажды, упоминаются мѣста въ Каирѣ, которыя возникли долгое время спустя девятаго столѣтія считая отъ бѣгства Магомета. въ арабскомъ изданіи, напечатанномъ въ Калькуттѣ, упоминаются одинъ изъ пушки, о которыхъ вообще говорится лишь въ концѣ четырнадцатаго столѣтія. Въ это же время появился впервые и кофе, о которомъ говорится во всѣхъ изданіяхъ.

Пріобрѣвшія, благодаря Ф. Рюккерту, всемірную извѣстность Абу-Магомета аль-Казимъ аль-Харири изъ Босры (AbuMohammed al-Qasim al-Harîrî † 516), ничто иное, какъ родъ риѳмованной прозы, содержащей описаніе приключеній Абу-Сеида Магамы, языкъ которой весьма остроуменъ, но въ высшей степени искусственъ.

О *богословской* литературѣ мы можемъ сказать лишь нѣсколько словъ. Всѣ главы выше перечисленныхъ религіозныхъ школъ оставили послѣ себя обширныя произведенія, хотя не всѣ сохранились до нашихъ временъ. Упомянуть слѣдуетъ о безконечной литературѣ комментаріевъ къ Корану, которая постепенно сама нуждалась въ комментаріяхъ. Изъ затѣй кораномъ возникла и грамматика, которая не подверглась ни у какого народа такой тщательной и мелочной обработкѣ. Въ этомъ отношеніи арабы далеко превзошли своихъ учителей—грековъ. Самыя извѣстныя школы были въ Багдадѣ и въ Куфѣ.

Свободомыслящая школа богословія Мутазила ввела философію въ теологію въ качествѣ вспомогательной науки. Позднѣе философія получила болѣе самостоятельное значеніе. Такъ какъ новоплатоническая философія съ паденіемъ гностицизма еще раньше заслужила плохую репутацію, то христіанскіе богословы обратились къ изученію Аристотеля. Такъ въ Сиріи несторьянцы и якобиты соперничали въ переводахъ этого философа. Трудности, которыя приходилось превозмогать, были громадны,—такъ по отношенію къ содержанію, такъ равно по отношенію къ формѣ. Поэтому заслуги людей, подобныхъ Гонейну ибнъ-Ишаку и Ибнъ аль-Битрику должны считаться первенствующими въ научномъ отношеніи.

По этимъ сирійскимъ переводамъ, арабы, особенно со времени Мамуна, перевели Аристотеля на арабскій языкъ. Знаменитѣйшіе изъ арабскихъ переводчиковъ Исхакъ (Ischaq), Яхья ибнъ-Ади (Jachja ibn-Adi) и Димишки (Dimischqi). Рука объ руку съ переводомъ, рѣшились приняться и за толкованіе. Уже во времена Манзура, персъ ибнъ-Мокаффа (ibn-Mokaffa) предпринялъ комментированіе логики Аристотеля.

Первый изъ арабовъ, самостоятельно проникнувшій въ духъ произведеній грековъ, былъ Абу Юсуфъ Якубъ ибнъ-Исхакъ аль-Кинди († 873). Это былъ универсальный геній, опытный въ математикѣ медицинѣ и астрономіи. Абу Насръ аль-Фараби превосходитъ его не разносторонностью,

по глубокомысленнымъ остроумiемъ. Это былъ ученый тюркскаго проис
денiя, который, послѣ многихъ странствованiй, нашелъ, наконецъ, постоя
жительство при дворѣ Гамданида Зейфеддаула (Seifeddaula) († 9
Доказательство бытiя Бога, придуманное имъ, стало сбразцомъ для мно
схоластиковъ католическаго Запада. Когда его однажды спросили,
болѣе великъ, какъ философъ, онъ или Аристотель, то онъ отвѣт
«Если бы я жилъ въ его время, то былъ бы лучшимъ изъ его уч
ковъ».—Абу Али Хасайнъ ибнъ-Сина (Авиценна † 1037 г.) получилъ
чальное образованiе въ Бухарѣ. Онъ до того былъ одаренъ, что въ нес
должительное время могъ затмить любого изъ своихъ учителей; поэто
то онъ съ жадностью набросился на чтенiе. Въ этомъ отношенiи
больше всего былъ обязанъ библiотекѣ Сассанидскаго султана Нуха.

Одаренный необыкновенной способностью къ труду, онъ вскорѣ усв
себѣ всѣ знанiя своего времени, не только по части философiи, но и
естественныхъ наукахъ, и въ качествѣ врача пользовался особенной
путацiей. Безчисленное множество учениковъ сидѣло у ногъ его. По о
чаніи лекцiи, онъ часто приглашалъ своихъ слушателей на попойку.
лософскiя изслѣдованiя Гаццали, умершаго въ 1111 году, привели его
признанiю ничтожества всякой спекулятивной философiи. Испанецъ
Тофейль (Ibn Tofeil) и старшiй его современникъ Ибнъ Рошдъ или А
роэсъ (Ibn Roschd, Averroes † 1198 г.) шли по слѣдамъ Ибнъ С
(Ibn Sina). Послѣдній своими обширными комментарiями Аристотеля
накомилъ христiанское средневѣковое общество съ ученiемъ этого вели
греческаго мыслителя, посредствомъ переводовъ, сдѣланныхъ съ его
довъ на еврейскiй и латинскiй языкъ.

Богословiе привело арабовъ къ философiи, занятiя медициной и е
ственными науками вытекали изъ непосредственной практической пот
ности, если не принимать во вниманiе тѣ спекулятивныя проблемы, к
рыя въ тѣ времена сближали эти предметы съ философiей. Уже въ
томъ столѣтiи императоръ Сассанидовъ Хозрау Анушарванъ (Chos
Anuschарwan) открылъ академiю въ Гонденшапурѣ въ Хузистанѣ (G
denschapir въ Chusistan), въ которой сирiйцы христiане занима
кромѣ философiи — медициной. Абассидъ Манзуръ (Mansur) поддержив
это переданное ему учрежденiе и возвелъ Георгiоса изъ дома Бохт
въ должность своего придворнаго врача. Стремленiя этихъ кружковъ
тѣхъ поръ роскошно поддерживались халифами. Въ этой академiи Я
ибнъ-Мазавай (Jachja ibn-Masawei † 857) дѣлалъ вивисекцiи—в
неслыханная для тѣхъ временъ. Изъ числа медицинскихъ писат
Раси въ Хорасанѣ (въ 900 г.) пользуется величайшей извѣстнос
Фармакопея изданная его современникомъ Муваффакомъ ибнъ-Али (Muw
fak ibn Ali) написана не на арабскомъ, и на персидскомъ язы
который впервые былъ примѣненъ для научнаго сочиненiя. Испан
Омаяды не могли располагать сирiйскими учеными для переводовъ
ческихъ произведенiй. Когда византiйскiй императоръ подарилъ Аб
рахману III изъ Кордовы (912 — 61) экземпляръ греческой фа
копеи Діоскорида, то онъ долженъ былъ просить о присылкѣ грече
монаха въ качествѣ переводчика. Хирургическiя руководства Абуль К
(1106), переведенныя на латинскiй языкъ, были напечатаны въ бе

сленномъ множествѣ изданій книгопродавцами-христіанами среднихъ вѣковъ.

Что касается ботаники и зоологіи, то арабы не подвинулись дальше собранія наблюденій. Ихъ «книги о животныхъ», напр., книга, изданная извѣстнымъ Джашисомъ (Dschaschis), а также произведеніе Дамири (Damiri) (ум. въ 1405) расположенное въ алфавитномъ порядкѣ, содержатъ лишь ничтожнѣйшую часть настоящихъ описаній природы, но за то могутъ считаться сокровищницами для исторіи культуры.

Что касается астрономіи, то Мамунъ устроилъ обсерваторію съ библіотекой. Астрологическія изслѣдованія, которымъ съ древнѣйшихъ временъ предавались въ сирійскомъ Харранѣ (Harran), сосредоточились теперь и въ Багдадѣ. Арабскія названія звѣздъ еще и по сію пору употребляются, какъ въ оригиналѣ, такъ равно и въ переводахъ. О томъ, что арабы занимались математикой, наукой, имѣющей тѣсную связь съ астрономіей, свидѣтельствуютъ арабскія цифры и алгебра. Такъ называемыя арабскія цифры заимствованы были, правда, арабами въ 9 столѣтіи изъ Индіи, а также и десятичное счисленіе. Но, тѣмъ не менѣе, тотъ фактъ, что они признали достоинство этой системы и передали ее европейцамъ, составляетъ эпоху въ наукѣ. Посредствомъ алхиміи, арабы создали химію.

Народное образованіе.

Какъ среди еврейскаго народа, такъ равно и на почвѣ ислама, школа возникла изъ религіознаго обученія. Идеалъ, къ которому стремились, заключался въ чтеніи и усвоеніи, какъ Корана, такъ равно и молитвъ. Письмо представлялось какъ вспомогательное средство при изученіи чтенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ казалось необходимымъ въ извѣстныхъ потребностяхъ практической жизни. Познанія народной массы ограничивались, по большой части, умѣніемъ читать, писать и заучиваніемъ наизустъ самыхъ необходимыхъ изрѣченій. Но, если мы вспомнимъ, что даже въ 12 столѣтіи въ христіанской Европѣ и этими знаніями обладали лишь лица духовнаго званія, то и такого рода положеніе можетъ считаться весьма удовлетворительнымъ.

Такъ какъ языкъ Корана считался образцомъ литературнаго языка, то и случилось такъ, что, за малыми исключеніями, всѣ арабскія произведенія, вплоть до нынѣшняго дня, писаны на древне-арабскомъ языкѣ. Но неисчислимые діалекты провинцій не могли ни слиться, ни быть остановленными въ своемъ развитіи. А потому различіе между разговорнымъ и литературнымъ языкомъ становилось все замѣтнѣе, такъ что, подъ конецъ, становилось все болѣе и болѣе недостаточнымъ умѣніе читать для пониманія какой либо книги. Вслѣдствіе этого возникла надобность въ грамматикѣ и стилистикѣ, какъ вспомогательныхъ наукахъ. Въ Испаніи халифъ Гакамъ II особенно прославился поощреніемъ народнаго образованія. Въ одной Кордовѣ онъ основалъ 27 школъ, въ которыхъ обучались дѣти несостоятельныхъ родителей.

Коранъ, другіе письменные памятники и возникшая изъ нихъ система права изучались основательно. А такъ какъ въ Коранѣ заключается и юридическое начало, то лица, посвятившія себя изученію юриспруденціи

или богословія, могли обучаться совмѣстно, и лишь позднѣе могли рѣши
искать-ли занятій въ службѣ при мечети, при министерствѣ, или въ
дебныхъ учрежденіяхъ. Высшее образованіе обыкновенно получалось,
болѣе древнія времена, въ мечетяхъ большихъ городовъ. Но оно не на
дилось въ рукахъ цеховыхъ ученыхъ. Люди всѣхъ возможныхъ п
званій безплатно дѣлились своею мудростью, если только у нихъ х
тало на это времени и матеріала.

Но весьма естественно, что съ давнихъ поръ чувствовалась потр
ность организовать это преподаваніе и подчинить его контролю го
дарства.

Кромѣ того, необходимо было позаботиться о вознагражденіи у
телей и о поддержкѣ бѣдныхъ студентовъ.

Подобные университеты при мечетяхъ отчасти существуютъ и поны
напр. въ Каиро (el Aschar), въ Меккѣ, въ Дамаскѣ. Въ Испаніи
бенно прославились своими университетами Кордова, Севилья и Тол
Рядомъ съ ними возникли и богословско-юридическія академіи, вѣроя
по образцу учебныхъ заведеній для изученія естественной исторіи, су
ствовавшихъ въ Гандапурѣ. Въ 1000 г. были основаны первые уни
ситеты въ Багдадѣ и въ Найзапурѣ (Naisapûr). Политическое расп
ніе халифата Аббасидовъ послужило скорѣе на пользу наукѣ, нея
во вредъ. Властители отдѣльныхъ провинцій, ставши самостоятельны
считали за честь обращать свои резиденціи въ мѣста стеченія ху
никовъ и ученыхъ. Такимъ образомъ культура и образованіе такъ
повсемѣстно распространились во всѣхъ странахъ ислама, какъ поз
въ католическихъ средневѣковыхъ странахъ. Не рѣдко случалось,
студенты отправлялись изъ Севильи или изъ Сарагоссы въ Бухару, чт
послушать знаменитаго учителя и наоборотъ. Вѣдь въ Меккѣ каж
мусульманинъ долженъ побывать хоть разъ въ жизни, въ качествѣ па
ника. Такимъ образомъ тамошній правовѣрный университетъ пріоб
громадное вліяніе, особенно между берберами и въ Андалузіи.

Учебныя заведенія должны были быть, конечно, снабжены хо
шими библіотеками. Но и частныя лица ревностно составляли бога
собранія книгъ, повинуясь либо дѣйствительному интересу къ лит
турѣ, либо тщеславному чувству. Такъ Абу'ль Вафа (Abu'l Wafa),
стелинъ Гамадгана (Hamadhan) обладалъ громадными сокровищами кн
Обширная поэтическая антологія, содержащая до 900 именъ, изда
тамъ же поэтомъ и историкомъ литературы Абу Теммамомъ (Abu
mam + 843), почерпнута исключительно изъ этой библіотеки. Библіо
ученаго халифа Гакама II, въ Кордовѣ, содержала, какъ говорятъ, ч
реста тысячъ томовъ. Въ Багдадѣ, во время его процвѣтанія, сущес
вали дюжинами читальни, открытыя для публики.

Благодаря такимъ обстоятельствамъ, дѣла книгопродавцевъ про
тали. Въ Багдадѣ, во времена историка Якубъ-Идера (Jaqub Idrî) было
лѣе ста книгопродавцевъ, а такъ какъ пониманіе книги на арабск
языкѣ было затруднительнѣе, нежели пониманіе книги, написанной
одномъ изъ новѣйшихъ европейскихъ языковъ, то и книгопродавцы
жны были имѣть большее умственное развитіе. По этой причинѣ м
книгопродавцами-арабами нерѣдко были ученые.

Мусульманскій Востокъ и въ наше время интересуется литературой. Безчисленное множество типографій въ Каиро, Булакѣ (Bulaq), Константинополѣ, Дели (Delhi) и въ Лукновѣ выпускаютъ ежегодно огромное число изданій. Къ сожалѣнію, силы лучшихъ изъ нихъ непроизводительно тратились на изданія многихъ томовъ безплодныхъ теологическихъ писаній.

Въ интересахъ бо́льшаго распространенія народнаго образованія было бы желательно, чтобы арабскій литературный языкъ болѣе слился съ обыкновеннымъ, разговорнымъ. Но задача эта такъ трудна, благодаря обширному распространенію арабскаго языка и находящихся съ нимъ въ связи безчисленныхъ діалектовъ, все болѣе и болѣе отличающихся другъ отъ друга, благодаря громаднымъ разстояніямъ, что вышевысказанное нами желаніе еще долгое время останется неисполненнымъ.

Искусство.

Въ десяти заповѣдяхъ, во II книгѣ Моисея гл. 20 ст. 4, Іегова внушаетъ сынамъ Израиля «не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, елика на небеси горѣ, елика на землѣ низу, елика въ водахъ подъ землею, да не поклонишися ему; не послужиши ему; не поклонишься ему». Іудеи распространили этотъ запретъ и на произведенія живописи и скульптуры, хотя точныя слова Ветхаго Завѣта запрещаютъ лишь оказаніе божескихъ почестей. Отъ іудеевъ строгое толкованіе этой заповѣди перешло и въ исламъ. Хотя Коранъ и затрогиваетъ этотъ вопросъ — а также и Сура 5, 93 — но толкованіе Корана (Hadith) и догматическая литература выражаются на этотъ счетъ совершенно ясно. «Ангелы не посѣщаютъ домовъ, въ которыхъ есть собаки и изображенія». «Наистрожайшимъ наказаніямъ, въ день страшнаго суда, подвергнутся художники». Такъ какъ религія осудила пластическое искусство, то оно и не могло развиться въ средѣ правовѣрныхъ послѣдователей ислама. Хотя съ теченіемъ времени запретъ этотъ нарушался много разъ, такъ что не только при сооруженіи частныхъ, но и при сооруженіи священныхъ зданій вводились иногда изображенія, но въ большей части случаевъ это было дѣло рукъ христіанъ-художниковъ. Если подъ-часъ и случалось, что и мусульмане принимали участіе въ подобной работѣ, то все же ни живопись, ни ваяніе не могли привиться среди нихъ, а потому эти искусства и не имѣютъ исторіи. Только лишь миніатюры болѣе независимо относились къ преданію. Вотъ почему персидскія рукописи нерѣдко разукрашены великолѣпными миніатюрными картинами.

Хотя приписываютъ это искусство здѣсь индогерманской расѣ персовъ, но все же отсутствіе произведеній пластическаго искусства у арабовъ не доказываетъ недостатка въ нихъ способностей къ искусству. Стоитъ только вспомнить великолѣпный шрифтъ позднѣйшихъ списковъ Корана, развившійся изъ неуклюжаго куфитскаго шрифта. Можно смѣло утверждать, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ шрифта, который бы по красотѣ и совершенству хоть сколько нибудь достигъ совершенства арабской каллиграфіи. Изъ художественныхъ сплетеній такихъ буквъ и

другихъ линій и дугъ возникли художественныя арабески, изображае
на коврахъ, стѣнахъ и другихъ подходящихъ плоскостяхъ, и в
рыя и понынѣ удовлетворяютъ и самый утонченный вкусъ. Кромѣ
бодной арабески, составленной изъ любыхъ буквъ, причемъ прин
лось во вниманіе лишь ихъ дѣйствіе на художественный вкусъ, с
ствуютъ еще и другого рода арабески, такъ называемыя, *связан*
При составленіи этого рода арабесокъ, дѣло идетъ о томъ, ч
такъ расположить изрѣченія, стихи, посвященія и т. под., на плоск
чтобы для поверхностнаго наблюдателя цѣлое представлялось лишь
раціей или орнаментомъ, между тѣмъ какъ знатокъ легко воспроизве
слова и мысли изъ запутанныхъ, но все же гармонически согла
щихся между собой линій. Конечно распутать эти искусно-спутан
линіи можетъ только знатокъ, но съ чисто-эстетической точки зр
онѣ по большей части неподражаемо хороши.

Но арабы отличились не только въ этомъ мелкомъ искусствѣ;
большую славу они пріобрѣли въ своихъ архитектурныхъ произведен
Между памятниками этого искусства первое мѣсто занимаютъ, коне
мечети. О другихъ произведеніяхъ ужъ потому мало можно говорить,
сохранилось лишь весьма мало разрозненныхъ памятниковъ изъ разн
и притомъ болѣе позднихъ періодовъ.

Слово «мечеть»,—какъ мы, европейцы, называемъ храмы мус
манъ,—собственно говоря должно произноситься «*Меджидъ*», что знач
«мѣсто поклоненія». Такимъ мѣстомъ поклоненія служила въ Медин
времена пророка примитивная горница. Что у христіанъ церкви гор
красивѣе, было извѣстно не въ однихъ городахъ Геджаса. Покореніе
ріи и Египта дало возможность поклонникамъ новой религіи — исп
вблизи восхищаться этими великолѣпными зданіями. По всей вѣроятно
больше всего арабамъ импонировалъ куполъ, преобладавшая въ то в
форма крыши христіанскихъ церквей, что доказывается тѣмъ обс
тельствомъ, что они обозначали все зданіе словомъ *бай'а купель* (
Kuppel) — заимствованномъ изъ сирійскаго языка и означающаго,
ственно, «яйцо». Сначала мусульмане обращали въ мечети церкви, о
тыя у христіанъ, производя въ нихъ лишь самыя неизбѣжныя изм
нія. Въ одной изъ стѣнъ слѣдовало, прежде всего, устроить ни
михрабъ (miChraB), посредствомъ которой указывалось направленіе
литвы (guiBla) въ сторону Мекки. Вмѣсто сосуда съ священной в
необходимы были большіе резервуары или бассейны, для того, чтобы
рующіе имѣли возможность совершать необходимыя передъ моли
омовенія. Башенъ, минаретовъ въ древнія времена еще не было. Дов
ствовались тѣмъ, что муэдзинъ, стоя на крышѣ, выкрикивалъ призы
къ молитвѣ, въ часы назначенные для нея.

Такъ какъ слово минаретъ означаетъ, собственно говоря, «мая
то онъ вѣроятно считался прообразомъ мусульманской молитвенной
рожевой башни. При этомъ, быть можетъ, слѣдуетъ имѣть въ виду
ціально извѣстный «Фанаръ» (Phanar) древнихъ, находящійся на ост
Фаросѣ (Pharos), такъ какъ древнѣйшая мечеть была построена
Египтѣ.

Основателемъ *мечети Амра* въ Каирѣ былъ умный, но ковар

намѣстникъ перваго омаядскаго халифа Амра ибнъ эльАзи (Amra ibn el Asi). Состоитъ она изъ квадратнаго двора, боковыя стѣны котораго, вышиною въ 245 футовъ, состоятъ изъ колоннъ, расположенныхъ въ шесть рядовъ. Гдѣ галлереи, происходящія отъ этихъ рядовъ колоннъ, болѣе всего расширяются, тамъ и есть мѣсто, назначенное для богослуженія. Тамъ находится михрабъ, а направо отъ него каѳедра (минбаръ). По срединѣ двора находится бассейнъ для обязательныхъ омовеній. Эта архитектура отличается оригинальнымъ характеромъ, не византійскаго происхожденія, и проникнута чисто арабскимъ духомъ. Безъ сомнѣнія строитель былъ проникнутъ расположеніемъ святилища въ Меккѣ, въ которомъ Кааба находится также внутри четырехъугольнаго двора. Но эмансипація отъ византійскаго стиля распространяется и на подробности. Такъ арки мечети Амра не были круглы, какъ это бывало въ базиликахъ, но постепенно заострялись вверху, между тѣмъ какъ внизу онѣ были слегка вогнуты; здѣсь замѣтны первые намёки на форму лошадиной подковы.

Но арки не достигаютъ капители колоннъ, а покоятся на высокихъ поколяхъ, воздвигнутыхъ сверхъ капителей. Между ними прикрѣплены балки для предупрежденія наклона колоннъ. Крыша деревянная. Оба минарета довольно низки, имѣютъ лишь одну галлерею и заканчиваются шпицомъ. Нигдѣ нѣтъ купола. Вообще въ Египтѣ куполы находятся лишь на тѣхъ мечетяхъ, которыя воздвигнуты надъ могилами, и на нихъ купола эти чрезвычайно разнообразны, напр. на мавзолеяхъ халифовъ - мамелюковъ, или же на такихъ частяхъ мечети, гдѣ покоится прахъ умершаго.

Вторая по времени мечеть въ Каирѣ моложе на 200 лѣтъ. Она была воздвигнута Ахмедомъ ибнъ Тулуномъ (Achmed ibn Tûlûn), посланнымъ въ Египетъ въ качествѣ намѣстника аббасидскимъ халифомъ Мутафомъ (Mutaf), и основавшимъ тамъ независимую династію, (868—905). Эта мечеть близко родственна мечети Амра, какъ относительно расположенія ея, такъ равно и относительно исполненія отдѣльныхъ ея частей. Главныя уклоненія слѣдующія: арки не покоятся на колоннахъ, а на массивныхъ быстрахъ, на углахъ которыхъ, ради красоты, высятся красивыя колонны. Единственный уцѣлѣвшій минаретъ имѣетъ три этажа, изъ которыхъ верхній болѣе поздняго происхожденія.

Башня, возвышающаяся надъ широкимъ, четырехъугольнымъ фундаментомъ, имѣетъ круглую форму вплоть до второй галлереи, а затѣмъ переходитъ въ восьмиугольную форму и оканчивается шпицемъ. Въ то время, какъ внутреннія стѣны мечети Амра совершенно обнажены, въ этой мечети находятся хотя еще не настоящія арабески, но все-же уже отдѣльныя изображенія цвѣтовъ и листьевъ, а также вырѣзанныя на деревѣ куфитскія надписи.

Извѣстнѣйшая мечеть всего Ислама—Аль Азгаръ (Al Azhar «блестящая»), постройку которой началъ султанъ—Фатимидъ Моисъ (Mòis) тотчасъ послѣ въѣзда своего въ Каиръ. Планъ ея отличается отъ вышеописанныхъ святилищъ въ особенности тѣмъ, что позади аркадъ двора находятся жилища и классы для учителей и студентовъ связаннаго съ мечетью университета. Внутри она роскошно разукрашена арабесками и надписями. Но безъ тщательнаго изслѣдованія невозможно рѣшить, которыя изъ нихъ дѣйствительно древняго происхожденія. Университетъ Аль Азгара

былъ причиной всемірной извѣстности мечети. Еще и въ наше врем посѣщаютъ болѣе десяти тысячъ студентовъ, фанатизмъ которыхъ славился.

Но всѣ вышеперечисленныя мечети не могутъ сравниться по кр и обширности съ мечетью Гасанъ, названіе которой указываетъ основателя халифа—мамелюка Назира (1347—61). Она расположена въ греческаго креста, имѣетъ въ длину 140 метровъ, въ ширину—76 Чтобы составить себѣ хоть приблизительное понятіе о громадности той ею поверхности—вспомнимъ, что внутренняя часть Страсбурс собора имѣетъ въ длину лишь 110, а въ ширину 41 метръ.

Внутренній дворъ этой мечети не разукрашенъ галлереями изъ лоннъ, а четырьмя исполинскими порталами, ведущими каждый въ линскій-же залъ. Наиобширнѣйшій изъ нихъ служитъ для богослуж Пространство, въ которомъ покоится прахъ основателя, покрыто куп вышиной въ 21 метръ. Окна напоминаютъ окна мечети Килавунъ (Kil Kalaun). По два сводчатыхъ окна расположены близко одно отъ др и соединены наверху круглымъ окномъ. Цѣлое иногда еще обрамл общею аркой. Внутри мечеть разукрашена арабесками и изрѣченіями ко Въ противоположность съ остальными, болѣе древними мечетями, этой мечети не изъ кирпича, а изъ плитняка. Мощное впечатлѣніе, рое она производитъ, еще усиливается этимъ обстоятельствомъ.

Послѣ Каабы въ Меккѣ и могилы пророка въ Мединѣ считается с ней ислама *скалистый соборъ* въ Іерусалимѣ, называемый также ме Омара. Здѣсь мы находимся на исторической почвѣ перваго ранга. щенная скала», надъ которой высится теперь куполъ мечети, есть д израильская святыня, на которой напр. Давидъ приносилъ жертву завоеванія Іебуса (Iebus). Возлѣ нея стоялъ впослѣдствіи жертвен храма Соломона, а затѣмъ Ирода. Теперешняя мечеть, воздвигнутая хали Омаядомъ Абдъ эль Меликомъ (Abd el Melik) еще настолько б къ византійскому стилю, что многіе и теперь принимаютъ ее за дре христіанскую церковь. Она имѣетъ форму восьмиугольника, каждая ст котораго имѣетъ въ длину 20,4 метра; куполъ—20 метровъ въ попере при 32 м. высоты. Внутренняя часть раздѣлена на двѣ круглыхъ посредствомъ концентрическихъ рядовъ колоннъ и пилястръ. Как мечети Амра, и здѣсь цоколи колоннъ соединены балками.

Соединительныя арки круглы, и такими вначалѣ были и сое тельныя рамы оконъ. Кругомъ, возлѣ аркъ, пестрѣетъ художеств мозаика, а сверху на голубомъ фонѣ начертаны стихи изъ корана фитскимъ шрифтомъ. Внѣшнія стѣны были прежде выстланы мрамор плитами, и лишь въ 16 столѣтіи вмѣсто нихъ отъ цоколя вверхъ придѣланы персидскія разноцвѣтныя фаянсовыя плиты. Вообще, бол часть нынѣ существующихъ украшеній принадлежитъ къ болѣе поз временамъ, а потому мы ихъ и обойдемъ здѣсь молчаніемъ. Это колѣпное зданіе еще болѣе величественно отъ его положенія, несрави по живописности, а именно: оно расположено на обширной платформѣ, в шающейся надъ окрестностью на три метра. Съ трехъ сторонъ шесть лѣстницъ съ изящными аркадами, терасса, на которой возвыш цѣлая, такъ называемая Гарамъ эшъ Шерифъ (Harm esch Scherif

которой воздвигнуты еще и многочисленныя другія зданія, изъ которыхъ мы назовемъ только мечеть этъ-Акса, въ юго-западномъ углу, — занимаетъ громадную поверхность въ 15000 квадратныхъ метровъ. Такъ какъ все пространство въ восточной части мечети совершенно свободно, то съ сѣверныхъ и восточныхъ сторонъ террассы открывается волшебный видъ на скалу.

Великая *мечеть* въ *Дамаскѣ* напоминаетъ своимъ видомъ древнія египетскія мечети. Обширный дворъ со всѣхъ сторонъ окруженъ аркадами. Въ южномъ флигелѣ, имѣющемъ 131 м. длины и 38 м. ширины, помѣщается настоящій молитвенный домъ. Онъ раздѣляется на три длинныя части посредствомъ двухъ рядовъ колоннъ. Своды имѣютъ слегка подковообразную форму, окна же принадлежатъ къ стилю круглыхъ аркъ. Надъ серединой южнаго флигеля возвышается куполъ. Внутри мечети находится еще деревянное зданіе съ куполомъ, подъ которымъ, по преданію, покоится прахъ св. Іоанна. Изъ старинныхъ декорацій сохранились весьма немногія. Послѣ того какъ арабы завоевали Дамаскъ, они сначала дѣлили съ христіанами право пользованія церкви св. Іоанна. Во времена Валида (Walid 705—15) епископъ вынужденъ былъ уступить и другую половину, и цѣлое зданіе было перестроено знаменитымъ халифомъ въ мечеть. Съ теченіемъ времени зданіе не разъ потерпѣло не малыя повержденія, благодаря пожарамъ и завоевателямъ; тѣмъ не менѣе общее очертаніе не подверглось крупнымъ измѣненіямъ. Надъ одними изъ воротъ сохранилась еще древняя греческая надпись: «Царство Твое, Іисусе Христе, есть вѣчное царство, и владычество Твое пребудетъ во вѣки вѣковъ». Само собой разумѣется, что эта надпись существуетъ еще со временъ древней христіанской базилики, а дамаскіе мусульмане не имѣли причины обижаться этой христіанской истиной.

На счетъ арабской архитектуры въ Персіи можно высказаться въ нѣсколькихъ словахъ, такъ какъ отъ нея сохранились лишь жалкія развалины. Колоссальные порталы, которыми отличаются персидскія мечети позднѣйшаго времени, впервые появляются въ архитектурѣ зданій, возвигнутыхъ во времена императора Акбара (Akbar 1556—1605) изъ династіи Могула въ Индіи, а потому очевидно, что они не могли раньше попасть въ Персію. Къ этому же времени принадлежитъ вѣроятно и примѣненіе своеобразной формы арокъ, поднимающихся сначала въ видѣ полукруга, но заканчивающихся остріемъ, направленнымъ вверхъ, такъ называемыхъ килевыхъ арокъ (Kielbogen). Этого рода арки нерѣдко снизу принимаютъ видъ подковы. Въ такомъ же стилѣ возводились и купола. До тѣхъ поръ, пока эти характеристическія формы прилагались умѣренно, достигались очень красивые эффекты. Церковная архитектура въ Россіи, благодаря преувеличиванію выпуклыхъ и вогнутыхъ линій, хотя достигла весьма фантастичныхъ, но крайне некрасивыхъ, луковичныхъ формъ куполовъ. Покрытіе стѣнъ фаянсовыми плитами появилось весьма рано на западъ изъ Персіи, въ которой фабрикація фаянса производилась съ древнихъ временъ. Стоитъ только припомнить эмальированный кирпичный фризъ изъ дворца Дарія въ Сузахъ, изображающій стрѣлка и украшающій теперь музей въ Луврѣ.

Архитектура арабовъ въ Испаніи поразительно быстро удалилась не

только отъ византійскихъ образцовъ, что произошло, вѣроятно, благод
значительному разстоянію, но и отъ того образца, въ который ихъ восточ
соплеменники преобразовали эту архитектуру. Этому можетъ служить
казательствомъ уже древнѣйшая часть Кордовской мечети, построен
Абдеррахманомъ I. Дворъ, лежащій въ сѣверной части зданія, занима
въ ширину все пространство отъ востока до запада и со всѣхъ тр
названныхъ выше странъ свѣта, былъ обведенъ однимъ лишь рядомъ
лоннъ. Съ четвертой стороны дворъ, съ сѣвера на югъ, образовалъ
ходовъ молитвеннаго дома. Только эта часть была покрыта крыш
Арки имѣли ясно выраженную подковообразную форму, которую мы зд
впервые констатируемъ. Для того, чтобы было возможно достичь 10 м
ровъ высоты свода, при довольно низкихъ колоннахъ, на нихъ бы
поставлены пилястры, а арки соединены другъ съ другомъ. Стѣны, ок
жающія дворъ, были лишены почти всякихъ украшеній, и снабжены ли
зубцами и украшены могучими пилястрами. Но подковообразныя ар
многочисленныя ворота и окна были богато разукрашены. Гакамъ
(Hakam II 961—76) предпринялъ обширныя пристройки, распрост
нилъ 11 ходовъ далеко на югъ. Мансуръ-же увеличилъ чи
ихъ до 19. Въ прелестной устроенной Гакамомъ части заключалось в
слѣдствіи святилище, состоящее изъ трехъ отдѣленій съ Михрабомъ
Минбаромъ. Надъ средней частью возвышался куполъ. Соединительны
арки колоннъ имѣли здѣсь не просто подковообразную форму, но состо
изъ шести зубчатыхъ переплетающихся между собой сводныхъ сегм
товъ; только пилястры, высящіяся надъ колоннами, были покрыты од
общей аркой. Такъ же оригинально и взаимное положеніе колоннъ, рас
ложенныхъ не подъ прямымъ угломъ, а въ видѣ ромба, такъ что
производятъ такое впечатлѣніе, будто стоятъ ближе другъ къ другу,
жели въ дѣйствительности. Эта фантастическая группировка, въ с
диненіи съ цѣлымъ обширнымъ лѣсомъ колоннъ—ихъ было раньше 140
теперь осталось всего 900—производитъ не столь возвышающее дух
сколь чарующее впечатлѣніе. Что касается чудеснаго внутренняго убр
ства, состоящаго изъ орнаментовъ, арабесокъ, надписей на зеленова
синемъ фонѣ, изъ мозаики половъ, изъ чудной рѣзьбы на деревѣ пот
ковъ,—то изъ всего этого великолѣпія мало что сохранилось. Но сам
восторженныя описанія древнихъ писателей подверждаются прелестью
вольно хорошо сохранившейся молитвенной ниши.

Точно будто эта мечеть не представляла еще достаточно оригина
наго, тамъ были еще, если вѣрить преданіямъ, изображенія людей
звѣрей и между прочимъ изображенія семи спящихъ юношей изъ Эфеса
вороновъ Ноя. Еще и понынѣ сохранились изображенія отдыхающи
львовъ, служащихъ подпорами арокъ. Ибнъ Хальдунъ (Ibn Chaldu
говоритъ во введеніи къ великому своему историческому сочиненію,
арабы Андалузіи его временн (т. е. второй половины 14-го вѣка) пр
няли отъ христіанъ, съ которыми они имѣли постоянныя сообще
обычай украшать стѣны своихъ домовъ и дворцовъ различными, част
странными картинами. Но эти картины въ мечети заводятъ наши мы
на многія столѣтія назадъ, да притомъ онѣ находились въ молитвенно
домѣ! Вѣроятно этихъ картинъ было весьма мало и онѣ были на мало

мѣтныхъ мѣстахъ. Вѣдь и въ нашихъ готическихъ соборахъ не рѣдко встрѣчались непристойныя шутовскія изображенія, допущенныя христіанскими архитекторами.

Кордовская мечеть и минаретъ Джиральда—единственные церковные памятники архитектуры, сколько нибудь сохранившіеся. Частныя зданія сохранились не лучше. Изъ числа большихъ дворцовъ, собственно говоря, лишь два избѣгли вандализма христіанъ, да и то благодаря тому случайному обстоятельству, что короли жили тамъ лишь непродолжительное время.

Предполагаютъ, что *Севильскій Альказаръ* былъ построенъ Петромъ Жестокимъ. Въ дѣйствительности-же лишь фасадъ былъ заложенъ имъ, т. е. арабскими архитекторами, бывшими у него на жалованіи. Большая часть зданія была воздвигнута, вѣроятно, во времена Аббасидовъ. Но что касается частностей, то вопросъ о нихъ не рѣшенъ. Въ своемъ нынѣшнемъ состояніи, Альказаръ представляетъ изъ себя «хаосъ дворовъ, залъ, галлерей и комнатъ». Такъ какъ исторія постройки Альказара слишкомъ мало извѣстна, то мы можемъ обойти молчаніемъ его описаніе.

Гранадская *Альгамбра* (AlhamÞra) всегда считалась перломъ испанско-арабской архитектуры. *Аль Гамбра*, красный замокъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ основателю династіи Назридидовъ Магомету Ибнъ Эль Ахмару, 1242—73 гг. Изъ числа его преемниковъ особенно много сдѣлали для расширенія и украшенія Юсуфъ I (1333—54) и Магометъ V (между 1362—61). Оставшіяся еще цѣлыми, части этого зданія состоятъ преимущественно изъ двухъ дворцовъ. Центръ каждаго изъ нихъ образуется открытымъ дворомъ, въ который выходятъ различныя залы и галереи.

Дворъ Альберка (AlÞerca, бассейнъ), носящій также названіе двора мирть, образуетъ прямоугольникъ 126 ф. длины и 70 футовъ ширины, вдоль обѣихъ болѣе узкихъ сторонъ котораго тянется галлерея изъ колоннъ. Къ нему съ сѣверной стороны примыкаетъ громадная башня Комаресъ съ залой посланниковъ. Другой дворъ нѣсколько меньше и также снабженъ фонтанами. Въ серединѣ его находится львиный бассейнъ, громадная алебастровая чаша, поддерживаемая двѣнадцатью львами изъ чернаго мрамора. Съ восточной стороны примыкаетъ къ этому двору залъ суда, съ сѣверной стороны залъ двухъ сестеръ, и напротивъ него, съ южной стороны, залъ Абенсераговъ. Отъ главнаго фонтана проведены каналы, которые проводятъ воду почти во всѣ корридоры и залы. Колонны высоки и изящны, съ несоразмѣрно малымъ базисомъ. Надъ ними возвышаются крѣпкія пилястры, поддерживающіе фризы. Въ рамкѣ, образуемой фризомъ и двумя колоннами, находятся круглые, либо подковообразные своды. Фантастическій безпорядокъ пятизубчатыхъ сводовъ Кордовской мечети, уже въ Севильѣ скрытый зубцами о трехъ концахъ, совершенно устраняется въ Альгамбрѣ, такъ какъ тамъ безчисленное множество зубчиковъ служатъ лишь украшеніемъ круглымъ аркамъ. Такъ называемые сталактитовые своды также изобрѣтеніе гранадскаго архитектора. Для достиженія этой цѣли (мы беремъ для примѣра одинъ родъ этихъ зданій) стоило лишь нагромоздить другъ на друга глубокія зубчатыя арки Севильскаго Альказара—такъ, чтобы острыя ребра выдавались въ видѣ зубцовъ. Эти и другія подобныя декораціи отпечатаны въ видѣ проч-

ныхъ моделей въ гипсовую массу, подобную которой, по прочности, не умѣютъ изготовлять. Эти сталактиты употреблялись для того, чтобы очистить большія поверхности для поля зрѣнія. Изобрѣтатель этих сталактитовъ «вѣроятно обладалъ отчасти силой, которой природа здаетъ кристаллы». Стѣны разукрашены орнаментами и арабесками, добныхъ которымъ по красотѣ формы и окраски нельзя найти въ цѣломірѣ. Можно однако сказать, что эти украшенія нѣсколько преувеличено и арабскіе художники были знакомы съ тайной контрастовъ; поэтому они оставляли колонны голыми, чѣмъ достигали и другой цѣли, именно такимъ образомъ стройность колоннъ болѣе бросалась въ глаза.

Дженералифъ, собственно говоря: дженнатъ-аль лярифъ, т. е. садъ архитектора, бывшій лѣтнимъ дворцомъ гранадскихъ королей, лежитъ надъ Альгамброй и отдѣленъ отъ нея лишь паркомъ. Но отъ прежняго великолѣпія нынѣ не осталось ничего, кромѣ описаній.

Будущность Ислама.

Согласно съ планомъ нашей книги мы довели исторію культуры ислама лишь до начала шестнадцатаго столѣтія. Но въ принципѣ, за послѣдніе 300 лѣтъ произошло такъ мало перемѣнъ въ духѣ ислама, что намъ, даже съ нашей болѣе узкой точки зрѣнія, все таки возможно сказать мнѣніе о дальнѣйшей судьбѣ ислама.

Исторія ислама среднихъ вѣковъ доказываетъ намъ, что эта религія вовсе не такъ враждебно относится къ культурѣ, какъ это обыкновенно думаютъ. Какъ наука, такъ равно и искусство, пользовались подчасъ чрезвычайнымъ покровительствомъ и заботливостью въ магометанскихъ государствахъ и достигли въ нихъ удивительнаго расцвѣта. Если многое достигнутое и было утеряно, въ особенности послѣ вторженія турокъ, то въ этомъ не виновата религія по себѣ, такъ какъ всякое правовѣріе сомнѣвается въ возможности свободы науки и духовнаго прогресса. Виновата въ этомъ не столько религія, какъ особенность народовъ принявшихъ исламъ и историческое ихъ развитіе.

Но безопасному развитію религіи пророка Магомета дѣйствительно мѣшаютъ чрезвычайныя препятствія. А именно, между высочайшими нравственными требованіями корана и практическими выраженіями благочестія лежитъ цѣлая пропасть. Въ числѣ послѣднихъ самое главное,—какъ примѣръ, паломничество въ Мекку и все что съ этимъ связано,—основано на древне-языческихъ обычаяхъ. Культъ умершихъ и святыхъ есть то же язычество, и весьма распространенъ былъ въ средневѣковомъ исламѣ. Этотъ культъ связанъ былъ съ могилами лицъ, съигравшихъ выдающуюся роль въ религіи или въ исторіи. Мы уже выше упоминали о могилѣ Гусейна въ Кербелѣ. Эта могила и по сію пору считается священнымъ мѣстомъ, какъ Кааба, для мусульманъ шіитскаго толка, слѣдовательно для персовъ, и знатные персіяне выбираютъ это мѣсто для своего погребенія. У шіитовъ первые десять дней мѣсяца Мугаремъ посвящаются оплакиванію мученика Гусейна, въ честь котораго даются даже и драматическія представленія.

Но даже люди низкаго происхожденія съ давнихъ поръ пользовались поклоненіемъ оказываемымъ ихъ могиламъ. Абдалла ибнъ эль Зобеиръ (Abdallah ibn el Sobeir), Хабшеръ—соперникъ, Абдалла—сынъ халифа Омара, Хадиша (Chadischa), супруга пророка и Амина, его мать, имѣли свои мавзолеи уже въ средніе вѣка и вѣрующіе совершали къ нимъ паломничества. Въ особенности въ сѣверной Африкѣ этотъ культъ могилъ пріобрѣлъ громадное распространеніе, и намъ ужъ приходилось не разъ говорить о святыхъ между берберами. Со временъ владычества турокъ все это приняло громадные размѣры. Въ этомъ усматривается возвратъ къ древнему язычеству.

Но этотъ возвратъ происходитъ не только отъ грубости и невѣжества кружковъ, предающихся вышеназванному культу, но, напротивъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ долженъ разсматриваться какъ религіозный прогрессъ. Доктрина ислама крайне сурова и основана на здравомъ смыслѣ, богослуженіе—образецъ пустоты и однообразія. Но человѣкъ имѣетъ потребность въ радости, а главное, онъ нуждается въ заступникахъ, къ которымъ онъ могъ бы обращаться въ малыхъ и большихъ нуждахъ своей частной жизни. Святые ислама заполнили пустоту въ сердцахъ вѣрующихъ. И подобно, тому какъ мы это видимъ въ католической религіи, здѣсь за этимъ язычествомъ скрывается могучая религіозная сила.

Корану ничего не извѣстно, ни о святыхъ, ни о культѣ могилъ, такъ какъ пророкъ не требовалъ поклоненія и для своей собственной особы. Допущеніе паломничествъ есть, очевидно, непослѣдовательность, исторгнутая внѣшними обстоятельствами у посланника Божьяго.

Съ принципіальными догматами религіи все это не совпадаетъ, такъ какъ монотеизмъ ислама такъ же строгъ какъ и монотеизмъ іудейства, что доказывается запрещеніями изображеній.

Понятіе о божествѣ и нравственное ученіе Корана во многомъ стоятъ на одномъ уровнѣ съ іудейскимъ и христіанскимъ вѣроученіемъ. А потому, до нѣкоторой степени, на исламъ можно смотрѣть, какъ на іудейско-христіанскую секту и притомъ на одну изъ значительнѣйшихъ и главнѣйшихъ. Число его поклонниковъ превосходитъ число протестантовъ, такъ какъ послѣднихъ всего 137 милліоновъ, а мусульманъ 200 милліоновъ. Многочисленныя мѣста Корана могли бы находиться въ поученіяхъ любого отца церкви.

И если бы кто нибудь вздумалъ включить суру 1 въ христіанскій молитвенникъ, то и самый правовѣрный христіанинъ не былъ бы этимъ возмущенъ.

Вотъ почему исламъ обладаетъ способностью внутренней реформы. Несмотря на механическія выраженія благочестія и на примѣсь языческихъ представленій и обычаевъ, все же можно указать то тамъ, то сямъ на черты, свидѣтельствующія о стремленіи къ одухотворенію и идеализаціи. Подобныя мысли, но весьма понятнымъ причинамъ, приписывались пророку. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, будто одинъ бедуинъ обратился къ пророку съ вопросомъ о времени воскресенія. Магометъ отвѣтилъ: «Объ этомъ Господь мой мнѣ ничего не открылъ». Бедуинъ сказалъ: «Тогда мнѣ ничего не остается, какъ только *любить* Бога и его посланника».

Мы имѣемъ основаніе надѣяться, что подобныя мысли, по исти
евангельской глубины, и вообще христіанскія воззрѣнія, составляющія и
тинный духъ ислама, современемъ разрушатъ оковы, наложенныя на эт
религію поклоненіемъ природы.

Движеніе вахгабитовъ въ центральной Аравіи, возникшее съ 174
года, имѣло весьма почтенныя пуристскія тенденціи, и стремилось уни
чтожить поклоненіе могиламъ и культъ святыхъ. Но ни самъ Абдъ эл
Вахгадъ, ни его ученики не напали на дѣйствительно плодотворно-религ
озную мысль, имѣющую принципіальное значеніе. Притомъ они слишком
запутались въ политическихъ вопросахъ. Еслибы вахгабиты и не бы
постепенно побѣждены болѣе обученными войсками Могамета Али и И
рагима Паши, египетскаго вассала Высокой Порты, (1815 г.), то все э
имъ никогда не удалось бы произвести глубоко-захватывающую реформ

На вліяніе христіанской миссіонерской дѣятельности врядъ-ли можн
возлагать большія надежды. Для этого необходимо было бы, чтобы ми
сіонеры были совершенно безъ предразсудковъ, чтобы они, несмотря н
оффиціальное христіанство, признали Магомета посланникомъ Божіимъ, д
того, чтобы при помощи евангельскихъ мыслей Корана вести борьбу с
болѣе низменными представленіями, другими словами, чтобы они боролись к
раномъ противъ Корана. Но вполнѣ эта задача можетъ быть исполнен
лишь человѣкомъ, который былъ въ одно и то-же время оріенталистом
и мусульманиномъ. Таковъ долженъ быть настоящій Махди, на которо
зиждется будущность ислама. Но когда онъ явится?

Средневѣковая культура Запада.

Германцы доисторическаго времени.

Составилъ проф. д-ръ **Кауфманъ**. Переводъ **П. Фридолина.**

ВВЕДЕНІЕ.

Паденіе римской имперіи означало также паденіе античной культуры. Съ V-го столѣтія почти всѣ стороны жизни, казалось, подпали постоянному регрессу, и цивилизація человѣчества начала спускаться на ту ступень, которой она уже достигла за много сотъ лѣтъ. На мѣсто того величественнаго сосредоточенія народныхъ силъ, которому мы удивляемся въ римской имперіи, выступило многообразіе государствъ, которыя являются едва заслуживающими этого названія сравнительно съ полнотою власти римскаго государства. На мѣсто блестящей городской культуры римлянъ всплыла грубость германской сельской жизни, а на мѣсто далеко шагнувшаго впередъ денежнаго хозяйства появилось натуральное, которое едва-ли пошло дальше первыхъ началъ, и подъ удручающимъ гнетомъ котораго, торговля, ремесла, промышленность, жизнь духовная и художественная начали сначала угасать, а потомъ и вовсе утихать. Это — нерадостное зрѣлище. Тѣмъ не менѣе можно спросить, было-ли дѣйствительно настолько достойнымъ удивленія то, что погибало, а то, что зарождалось, дѣйствительно настолько достойнымъ презрѣнія, какъ это могло показаться съ перваго взгляда?

Давно уже римская имперія не была болѣе живымъ организмомъ, который проявлялъ свою жизнеспособность въ томъ, что поощрительно и охранительно шелъ навстрѣчу потребностямъ и стремленіямъ своихъ гражданъ. Правда, безсовѣстный грабежъ, который во время республики отдалъ провинціи на произволъ правящихъ сферъ и столичнаго люда, уступилъ во время императоровъ болѣе разумному управленію. Но и при нихъ также чиновники и откупщики эксплуатировали ужаснѣйшимъ образомъ податные классы, а свободному развитію экономическихъ силъ были положены рамки, которыя мѣшали увеличенію состояній и развитію капитала. Такимъ-то образомъ и могло случиться то, что тотъ-же самый процессъ обѣдненія, который истощилъ сперва жизненныя средства Италіи, мало-по-малу охватилъ также и всѣ провинціи. Въ третьемъ и четвер-

томъ столѣтіяхъ среднее сословіе горожанъ и крестьянъ исчезло почт совершенно; противоположность между бѣднымъ и богатымъ становила все больше, и все ужаснѣе усиліе, которое казалось необходимымъ, чтоб доставить государству хотя-бы только самыя насущныя средства къ суще ствованію. Не только собственно рабы, но и свободное населеніе бы порабощено и должно было платить государству оброки. Сынъ декуріо долженъ былъ также становиться декуріономъ и своимъ состояніемъ войт въ долю государственныхъ податей. Другіе должны были работать на гос дарственныхъ фабрикахъ и копяхъ до тѣхъ поръ, пока не испуска послѣдняго вздоха, третьи, наконецъ, прикрѣпленные къ землѣ въ кач ствѣ колоновъ, должны были ее обрабатывать, и дѣтей ихъ постигла та ж судьба. А въ то время, какъ сельскій людъ въ мрачномъ отчаяніи подч нялся вынужденной работѣ, населеніе большихъ городовъ опускалось в безнадежнѣе въ грязь бездонной безнравственности, питавшейся увеселеніям цирка и людскими травлями.

Что такое государство въ концѣ концовъ погибло, не было н чудомъ само по себѣ, ни особеннымъ горемъ для культуры, такъ как уже со второго столѣтія не замѣтно было [1]) прогресса: наоборотъ, чѣмъ больше государство развивалось въ деспотію, державшуюс еще только благодаря солдатамъ и императорамъ, тѣмъ болѣе должно бы оно само по себѣ становиться помѣхой прогрессу и въ этомъ отношені можно сказать, что особую заслугу пріобрѣли себѣ тѣ, кто разруша это государство и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, создавалъ свободный пут возможности здороваго развитія. Сами римляне очень хорошо сознавал это. А именно, гдѣ бы германцы ни вступали въ ветшавшее государств вездѣ ихъ, если не прямо привѣтствовали, то все же вслѣдъ затѣмъ при знавали освободителями отъ невыносимаго гнета. Да, наконецъ, они и при ходили-то вовсе не съ намѣреніемъ разрушать. Наоборотъ, съ удивленіем и изумленіемъ смотрѣли наивныя дѣти лѣсовъ на этотъ блестящій міръ допускали его вліять на себя во всѣхъ отношеніяхъ. А если что из великаго и прекраснаго, несмотря на это, погибло и должно было доб ваться вновь потомъ медленной культурной работой, то погибло само п себѣ, потому что было черезчуръ слабо, чтобы быть въ состояніи удер жаться среди измѣнившихся политическихъ и экономическихъ условій, вовсе не пало жертвой бѣшенства любящихъ разрушеніе варваровъ.

Какъ нѣмцамъ, по крайней мѣрѣ, еще не въ столь давнее врем также точно и древнимъ германцамъ, недоставало вовсе того здорова національнаго эгоизма, который въ такой высокой степени отличалъ рим лянъ и сдѣлалъ ихъ способными покорить міръ своей волѣ. Имъ недоста вало неизбѣжнаго для этого условія, безграничнаго подчиненія отдѣльно личности волѣ общества. Правда, и «свободный» германецъ не бы безусловно свободнымъ, также и онъ связанъ былъ заповѣдью всесильнаг обычая и законовъ своего государства. Но это государство было еще ма развито. «Родъ» окружалъ его со всѣхъ сторонъ стѣснительными рамкам только трудной борьбой вырвалъ онъ у него важнѣйшія функціи государ ственной власти, а въ нѣкоторыхъ областяхъ онъ и вовсе не преодолѣ

[1]) Сравн. Hehn, Kulturpflanzen und Haustiere, 475 и слѣд.

вліянія рода во все теченіе среднихъ вѣковъ. «My house is my castle» [1]) положеніе вовсе не англійское, а издревле германское. «Только въ рѣдкихъ случаяхъ, только при соблюденіи торжественныхъ формальностей осмѣливалась государственная власть перешагнуть порогъ дома. Если воръ преслѣдовался въ его собственномъ домѣ, онъ могъ убить чиновника, какъ нарушителя мира. И онъ оставался безнаказаннымъ, если убитый падалъ по эту сторону порога [2]). Во всякомъ случаѣ и германское государство позже строже организировалось и подъ чужимъ вліяніемъ было вовлечено даже на тотъ-же путь всемірно-завоевательной политики, которымъ шли когда-то и римляне. Но оно все же никогда не поступилось для этого основами своей сущности, оно никогда не требовало для себя «всего» человѣка, постоянно оставляя ему еще кое-что для себя. И какъ разъ въ этомъ шаткомъ подчиненіи лежала его сила и его слабость, лежало ограниченіе его политической дѣеспособности и залогъ мощнаго развитія личности, утвержденія собственной индивидуальности.

Въ рѣзкой противоположности германскому государству стоитъ римское съ его безпримѣрнымъ самообузданіемъ и дисциплиной, съ его всемірно-завоевательными традиціями, которыя отъ падающей имперіи перешли въ римскую церковь, конечно, въ болѣе существенной и въ болѣе соотвѣтствующей цѣлямъ, которыя преслѣдовала эта послѣдняя, обработкѣ. Противоположность и антагонизмъ германскаго и римскаго міросозерцанія, какъ оно выразилось въ германскомъ государствѣ и римской церкви, даетъ существенное содержаніе исторіи среднихъ вѣковъ и оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на культуру этого времени. Поэтому, если мы хотимъ понять эту послѣднюю, мы должны попытаться ознакомиться съ основаніями и сущностью древнѣйшаго германскаго государства, вплоть до конца переселенія народовъ и принятія христіанства.

Германцы распадаются на группы: восточную, сѣверную и западную,— дѣленіе, которое обосновывается не только пространственнымъ различіемъ мѣстъ ихъ жительства, но также и степенью ихъ родства между собою. Изъ нихъ сѣверные германцы слишкомъ поздно вошли въ общее развитіе, чтобы мы могли по нимъ судить о первоначальномъ состояніи ихъ; восточные-же германцы—слишкомъ рано. Ихъ далекія и раннія странствованія и судьбы, полныя перемѣнъ, прервали спокойный ростъ ихъ первыхъ государственныхъ учрежденій и вызвали, правда, чрезвычайно величественное, и быстрое, но за то также и способное къ трещинамъ и недолговѣчное развитіе. Они истощили свою силу въ стремленіи къ недостижимымъ цѣлямъ и рано погибли. Менѣе блестяще, но прочнѣе и плодотворнѣе было развитіе западныхъ германцевъ. Благосклонность судьбы привела ихъ въ страны, гдѣ нужда рано обратила ихъ къ государственному общенію и осѣдлой жизни. Втиснутые между моремъ, Рейномъ и Дунаемъ, втеченіи четырехъ вѣковъ они были не въ состояніи прорвать рамки, которыя римское военное искусство воздвигло на берегахъ этихъ рѣкъ, да и еще дальше ихъ, и поэтому были вынуждены при все увеличивающейся численности удовлетворяться постоянно одинаковой, сравни-

[1]) Мой домъ—это мой замокъ.
[2]) Georges Kaufmann. l'Histoire allemande и нѣм. изд. I, 12.

тельно ограниченной областью. Это было возможно только потому, ч
они приспособили свой образъ жизни къ измѣнившимся обстоятельствам
все болѣе и болѣе теряли привычки кочующихъ пастушескихъ народов
и посвящали все большія заботы землепашеству. И вотъ, когда въ V-м
столѣтіи, наконецъ, прорвали они «валъ», рейнскія и дунайскія насып
и осѣли въ близлежащихъ провинціяхъ, тогда только выказалась вполн
благословенность этого покоя и сосредоточенія, тогда явились они уже и
одѣтыми въ звѣриныя шкуры варварами, а земледѣльческими племенам
съ политическими и хозяйственными учрежденіями, которыя были дост
точно сильными, чтобы стать на мѣсто соотвѣтственныхъ римскихъ и обр
зовать основаніе для всего слѣдующаго развитія. Въ этомъ значеніе ге
манской доисторической эпохи, которую мы считаемъ отъ перваго столѣ
тія до Р. Хр. до шестого вѣка послѣ Р. Хр.

Государство и хозяйство.

Мы не знаемъ, какъ далеко углубляются въ даль временъ, предше
ствующую этому періоду, первыя начала государственнаго строя. Извѣстн
однако, что германцы въ началѣ доисторическаго періода уже осилив
родовое государство болѣе раннихъ эпохъ. Въ немъ царствовалъ родъ
группа родственныхъ семей. Родъ былъ и субъектомъ и объектомъ госу
дарственной власти. Ко времени Цезаря и Тацита, наоборотъ, группы
родовъ уже слились въ народность. Правда, въ ней и возлѣ нея стоит
еще мощный родъ, но онъ уже больше—не государство и даже не орган
государства. Стремленіе къ большимъ оборонительнымъ союзамъ, рядом
съ силой кровнаго родства—было тѣмъ, что соединило роды въ народность
Война еще господствовала въ жизни этихъ людей; изъ войны родилис
ихъ государства и только изъ нея ихъ можно понять.

Народность у германцевъ прежде всего — войско; ея подраздѣленія—
военныя подраздѣленія, сотни, состоящія изъ одного или многихъ родовъ
«Nil aguнt nisi armati» [1]), эта фраза Тацита имѣетъ смыслъ также и
для политической жизни, такъ какъ вооруженными и въ боевомъ порядкѣ
сходились свободные мужчины на собраніе народности, высшей политиче
ской единицы. То, что выработалъ совѣтъ старшинъ, ожидало здѣсь
своего окончательнаго рѣшенія, которое они должны были сообщать ра
достнымъ звономъ оружія или же недовольнымъ шумомъ. Здѣсь рѣшали
они вопросы относительно войны и мира и договоровъ съ сосѣдями, здѣсь
давали они юношамъ право носить оружіе или же судили трусовъ, изм
мѣнниковъ и богоотступниковъ, здѣсь также выбирали или утверждали
они какъ представителей сотенъ, такъ и главу народности, долженъ—ли
былъ онъ долгое время стоять во главѣ въ качествѣ короля, или же только
на время, въ дни тяжелой опасности, пользоваться высшею распорядитель
ною властью въ достоинствѣ герцога.

Въ качествѣ верховнаго собственника всей земли, народность опре
дѣляла также и способъ пользованія ею. Всякая земля была, вѣдь, боева

---

[1]) Ничего не дѣлаютъ невооруженными. *Примѣч. пер.*

обыча, получена боемъ и могла быть удержана только новыми битвами. вободные военные и народные сотоварищи, которые помогали въ этомъ ругъ-другу, имѣли поэтому также притязаніе на пользованіе. Это по-гѣднее сначала было регулировано такъ, что каждому боевому отряду, гѣдовательно каждой сотнѣ, каждый годъ указывался опредѣленный ку-окъ земли, а потомъ сотни мѣнялись между собою ежегодно своими частками. Таково положеніе, которое описываетъ Цезарь. Сто пятьдесятъ тъ спустя Тацитъ сообщаетъ о громадномъ прогрессѣ. Сотни больше е мѣняются, каждая сидитъ крѣпко на предназначенномъ ей разъ на-егда земельномъ участкѣ. Это первый и самый важный шагъ къ осѣд-ой жизни. Внутри сотенной области происходитъ теперь дальнѣйшее за-еленіе земли. То деревнями, то разбросанными поселеніями осаживаются дѣсь и тамъ по соглашенію отдѣльные роды и семейныя группы. Пред-очтительно ищутъ они, конечно, открытыхъ мѣстъ или просѣкъ первобытнаго ѣса, гдѣ обширные выгоны сулили-бы пропитаніе многочисленнымъ стадамъ, ли гдѣ древняя культурная земля еще отъ кельтскаго до-историческаго еріода, казалось, могла способствовать земледѣлію. Тамъ же, гдѣ этого е было, тамъ общими усиліями всѣхъ расчищался лѣсъ, разбрасывались ьмена, и жатва дѣлилась между отдѣльными домовыми хозяйствами; такъ-акъ какая-нибудь другая, а не общая обработка полей была еще не-озможна; это доказала, не говоря уже о другихъ свидѣтельствахъ, срав-нительная экономическая исторія. Да и какъ достало-бы силы у отдѣль-ой личности обуздать дикость первобытнаго лѣса! Вѣдь, еще не было ни орошихъ орудій, ни достаточной опытности: люди не имѣли еще почти ичего, кромѣ физической силы.

Только мало-по-малу можно было перейти къ формѣ отдѣльнаго поль-ованія пашней. Для этого, однако, потребовалось раздѣленіе. Все поле аспадалось на извѣстное количество большихъ, прямоугольныхъ пашенъ. Gewanne).

Каждый изъ нихъ раздѣляли межевой веревкой на столько равныхъ олосъ, сколько было на лицо домовыхъ хозяйствъ, имѣвшихъ право на оле, и каждому изъ этихъ послѣднихъ передали одну полосу на каждой ашнѣ для отдѣльнаго пользованія. Но такъ-какъ доходы отдѣльныхъ па-енныхъ участковъ могли быть различными, смотря по ихъ положенію, о семьи смѣняли другъ другавъ обработкѣ этихъ пашенъ, предоставляя ребію рѣшить чередъ пользованія. Часть пашни, приходившаяся на долю аждой семьи, содержала по нормѣ 30 десятинъ и получила позже на-ваніе «сохи» — «гуфы» (Hufe).

Право на пользованіе сохою покоилось первоначально на военной лужбѣ свободнаго мужчины; однако, въ предѣлахъ одной и той же по-еленческой общины эта точка зрѣнія не всегда могла быть проводима, акъ-какъ число сохъ, которое опредѣлилось по числу имѣвшихся вна-алѣ на лицо домовыхъ хозяйствъ, оказалось вскорѣ ограниченнымъ. лѣдовательно, если сыновья сошника и были уже давно правоспособными оинами, все же могли они не всегда осуществить свое право на само-тоятельную соху, и очень часто имъ не оставалось другого выбора, какъ тправиться въ лѣсъ и основать себѣ здѣсь новую родину расчисткой и бработкой. Такъ возникалъ новый выселокъ (das Tochterdorf).

Конечно, это могло случаться только съ согласія марковой общи (Markgenossenschaft). Это имя носила сотня, поскольку ей принадлежа право распоряженія общей маркой, т. е. лѣсомъ вмѣстѣ съ выгонами, р ками, ручьями, короче, всей сотенной областью. Наряду съ этой общ ной лѣсной марки стояла община полевой марки, такъ-какъ деревенск «міръ» составлялъ, для пашенной земли, взятой имъ для воздѣлыван марковую общину. Лѣсъ и пашня, слѣдовательно, покоились оба на о щемъ владѣніи, но ихъ развитіе было совершенно различнымъ. Кажд имѣлъ право охотиться въ лѣсу или рубить деревья, насколько ему э было нужно; онъ могъ выгонять на пастбища своихъ коровъ, а св ней на кормъ въ дубовую рощу, и ловить рыбу въ водѣ; природа доставля еще такое изобиліе пропитанія, что вовсе не было нужды въ дроблен для цѣлей отдѣльнаго пользованія. При земледѣліи, наоборотъ, отдѣльн пользованіе привело вначалѣ къ дробленію, а потомъ къ отдѣльному в дѣнію. Раньше всего произошло это послѣднее тамъ, гдѣ младшіе сыновь которые не могли получить дома права на соху, принимались за расч стку лѣса. Эти новыя пашни обязаны были своимъ возникновеніемъ и ключительно работѣ ихъ владѣльцевъ: поэтому уже съ самаго начала с ними не связывалось болѣе понятіе совмѣстнаго владѣнія; боевая же точ зрѣнія, которая видѣла въ пользованіи сохою ничто другое, какъ награ за добычу свободнаго правоспособнаго мужчины, должна была здѣсь о ступить передъ хозяйственной. На этихъ расчищенныхъ участкахъ во никло поэтому раньше всего понятіе частной земельной собственности распространилось отсюда мало-по-малу также и на болѣе древнія посел нія. Но лишь въ концѣ шестого столѣтія прекратилось въ нихъ прежн чередованіе въ пользованіи пахотными участками, и лишь съ этого вр мени отдѣльная семья, или лучше отдѣльный дворъ — такъ-какъ пра связывается съ понятіемъ двора — достигаетъ прочнаго владѣнія на опредѣленными, разсѣянными по всему общему полю пахотными д лями. Съ шестого по седьмой вѣкъ, слѣдовательно, все болѣе суживал кругъ собственности на обрабатываемомъ пространствѣ. Съ народнос онъ спустился на сотню, съ этой послѣдней—на деревенскую общину, съ нея же на деревенскихъ земляковъ [1]).

Надъ лѣсомъ, водою и пастбищемъ, наоборотъ, все еще удерживает общинное владѣніе, и именно въ этомъ и заключалось громадное благо. Лѣ сдѣлался убѣжищемъ безродныхъ и лишенныхъ наслѣдства, онъ предл галъ, въ своемъ неизмѣримомъ богатствѣ, все новымъ родамъ родину пропитаніе, онъ становился творцемъ и зиждителемъ германской народн силы. Отдѣльное владѣніе пашней и совмѣстное — лѣсомъ и пастбище стали основами германскаго народнаго хозяйства. Ихъ долговѣчная си устояла противъ всѣхъ бурь временъ и удержалась вплоть до великих потрясеній въ концѣ прошлаго и началѣ нашего вѣка. Даже теперь е можемъ мы узнать ее въ ея обломкахъ, когда слышимъ, что гдѣ будь нѣсколько деревень обладаютъ въ дальнемъ лѣсу общимъ право пользованія.

---

[1]) *Karl Lamprecht.* Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. I, 1492.

Судопроизводства.

До государства, такъ мы видѣли выше, носителемъ государственной власти былъ родъ. Онъ поддерживалъ порядокъ внутри и обезпечивалъ защиту извнѣ. Отсюда развилась вражда родовъ или кровавая месть, т. е. обязательство отомстить за убійство или тяжкое оскорбленіе сородича кровью убійцы или его рода. Но убійство мстителя вызывало вновь новую обязанность мести, и такимъ образомъ убійству не было-бы конца, если-бы не стала между враждующими третья, безпристрастная сила и не предложила посредничества. Это, именно, сдѣлало государство и, можетъ быть, здѣсь и нужно искать вообще одну изъ причинъ его возникновенія. Правда, ему не удалось совершенно устранить кровавую месть, однако, оно все же связало ея практику опредѣленными правилами и ограничило извѣстными случаями. И если месть должна была отличаться отъ обыкновеннаго убійства, то она не смѣла бояться свѣта, не смѣла давать мѣсто какой-бы то ни было таинственности, какой-нибудь задней мысли хоть немного разбойничьяго сорта, она должна была дѣйствовать открыто и наступать тотчасъ же, прежде еще, чѣмъ трупъ убитаго былъ похороненъ. Далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ являлось желаніе не только не ожидать мести оскорбленной стороны, но пойти на встрѣчу ей добровольною пенею, тамъ было дѣломъ государства ухватиться за эту мирную полюбовную сдѣлку и доставить ей мало-по-малу господство. Оно выступало посредникомъ между противниками въ вопросѣ относительно высоты пени и постепенно выработало настоящій тарифъ для всѣхъ преступленій. Такъ возникла выкупная плата, мировыя деньги, уплачиваемыя въ видѣ скота или хлѣба, размѣръ которыхъ опредѣлялся сословіемъ убитаго.

Ну, а развѣ было бы несправедливо выказать себя какимъ-нибудь образомъ благодарнымъ за благотворное посредничество честнаго маклера, вознаградить подаркомъ утрату его труда и доброй воли? Несомнѣнно, и такимъ-то путемъ могъ совершиться дальнѣйшій шагъ; государство могло, дѣлая обычай обязанностью, выговорить себѣ часть штрафной суммы. А разъ ужъ это было достигнуто, то этимъ былъ признанъ общественно-правовой характеръ его посредничества и подготовленъ взглядъ, что насильственный поступокъ приноситъ вредъ не только оскорбленному, но также и обществу, а на этомъ основаніи могъ развиваться начатокъ государственной карательной власти и судебной практики.

Кто преступалъ выработанныя обычаемъ рамки при приведеніи въ исполненіе кровавой мести, кто уклонялся выступить по судебной жалобѣ оскорбленной имъ стороны, тотъ приглашался предъ трибуналъ новой власти, а если онъ не являлся, то исключался изъ всякаго общества (также изъ родового) и объявлялся нарушившимъ миръ; онъ долженъ былъ жить, какъ волкъ, въ лѣсу, никто не смѣлъ давать ему кровъ и пристанище, каждый могъ его убить безнаказанно. Государство, однако, не добилось того, чтобы совершенно подавить кровавую месть; его дѣятельность вообще, могла лишь тогда наступать, если оскорбленный взывалъ къ нему, если онъ не предпочиталъ, по своему праву, путь вражды. Во всякомъ случаѣ, достигнутое вліяніе было довольно значительнымъ, чтобы отнять

отъ рода судебную практику, до того выполнявшуюся имъ однимъ и по-
ставить на ея мѣсто общественно-признаваемый судъ.

Сотенная община земляковъ марки была въ то же время также и
судебная община. Начальникъ занималъ предсѣдательское мѣсто. Онъ
правилъ судъ, т. е. онъ поддерживалъ внѣшній порядокъ и спокойствіе
во время судопроизводства. Сама община объявляла рѣшеніе. Наоборотъ,
веденіе процесса, ходъ судебнаго разбирательства былъ почти исключитель-
дѣломъ сторонъ. У франковъ даже приглашеніе на судъ слѣдовало черезъ
истца. Онъ-же обращалъ къ отвѣтчику обвинительный вопросъ. И если это
происходило въ предписанной для того формѣ и постановкѣ, то можно было
отвѣчать только *да* или *нѣтъ*. Разныя возраженія, условныя прибавленія или
отрицанія были исключены. Если дѣло оспаривалось, то было ужъ задача
чей суда требовать отъ одной изъ сторонъ доказательства. Важнѣйшимъ
средствомъ доказательства была клятва, которая часто должна была еще
подкрѣпляться вспомогательной клятвой многихъ другихъ лицъ. Но эти со-
присяжники присягали однако не относительно объективной, а только субъек-
тивной правильности первой клятвы. Имъ, значитъ, не нужно было ни-
чего знать о самихъ обстоятельствахъ дѣла, они клялись только въ
правдивости сородича, такъ какъ соприсяжники брались обыкновенно
изъ рода присягающаго. На рѣшеніе, которое слѣдовало по предложенію
одного изъ участниковъ въ судѣ и должно было быть одобрено остальны-
нымъ народомъ, не существовало никакой аппеляціи, хотя обвиняемый
и могъ его порицать. Отсюда тогда возникалъ новый процессъ между по-
рицающимъ и порицаемымъ, который обыкновенно рѣшался поединкомъ.
Поединокъ, вообще, могъ заступить судъ, если потерпѣвшій этого требо-
валъ; онъ отказывался тогда, какъ отъ обвинительной жалобы, такъ и
отъ родовой мести. Бой ограничивался двумя личностями, которыхъ ка-
салось дѣло, и его исходъ имѣлъ силу доказательства. Итакъ, бой былъ
такимъ же средствомъ для доказательства, какъ и присяга.

Своеобразность германской судебной практики заключается собствен-
въ двухъ пунктахъ. Прежде всего—въ совершенно непонятномъ для насъ
значеніи, которое имѣетъ форма сравнительно съ содержаніемъ; кто ого-
варивался въ возбужденіи жалобы или въ защитѣ, употреблялъ невѣрное
слово, вообще, отклонялся отъ установленой формы, тотъ терялъ процессъ,
будь его дѣло даже совсѣмъ правымъ; потомъ — въ самостоятельно-
дѣятельности сторонъ. Судъ, собственно, даетъ имъ лишь почву, на
которой они борются. Онъ судитъ не о правильности самого дѣла,
стоящаго на очереди, а только о томъ, соблюдены-ли со всѣхъ сто-
ронъ обычныя формальности, все остальное—дѣло сторонъ. И такъ
можно видѣть, что вліяніе рода еще властно врывается въ государствен-
ное судоговореніе. Какъ ни чуждымъ кажется это право современному
взгляду, все же нельзя отрицать, что, при постановкѣ рѣшенія, въ совмѣст-
номъ дѣйствіи всѣхъ свободныхъ лежалъ залогъ того, что судоговоре-
ніе останется постоянно въ тѣснѣйшей связи съ потребностями народа.
И именно на это надо свести также то обстоятельство, что основы такого
судопроизводства могли сохраниться неослабленными втеченіе всего средне-
вѣковья.

Общество.

Общество древнѣйшаго государства распадалось на свободныхъ и несвободныхъ,—различіе, которое могло выработаться лишь тогда, когда перестали просто убивать военноплѣнныхъ, когда научились въ собственныхъ интересахъ эксплуатировать ихъ силы. Съ правовой точки зрѣнія несвободный не могъ имѣть никакихъ притязаній на жизнь, которую онъ велъ; всегда оставалась она даромъ господина, который этотъ послѣдній могъ отнять во всякое время. Несвободные были безправны, какъ животное или какъ вещь. Они не могли пріобрѣтать никакой себственности или вступать въ браки иначе, какъ между собою. Если свободная женщина имѣла дѣтей отъ раба, то она сама исторгалась изъ-подъ покровительства семьи и государства, а ея дѣти, также какъ она сама, если сохраняла свою жизнь, становились несвободными. Однако свободный мужчина могъ имѣть отъ рабыни свободныхъ дѣтей. Также и съ внѣшней стороны несвободные отличались отъ свободныхъ особенностями одежды и прически. Однако, какъ ни была сурова судьба съ точки зрѣнія права, она все же, въ дѣйствительнести, многимъ смягчалась. Простота образа жизни касалась одинаковымъ образомъ свободныхъ и несвободныхъ. Къ тому же ежедневное житейское сообщество, сосѣдское сожитіе, одинаковая зависимость отъ случайностей жизни, отъ здоровья стадъ, исхода жатвы, измѣнчивости боевого счастья, все это должно было сближать другъ съ другомъ оба сословія, можетъ быть даже ближе, чѣмъ въ настоящее время стоитъ свободный рабочій по отношенію къ работодателю. Далѣе, въ то время, какъ свободнымъ угрожали на войнѣ и на охотѣ тысячи опасностей, несвободный могъ себѣ въ безопасности обработывать пашню, стеречь скотъ и заниматься домашними работами.

Относительно числа несвободныхъ недостаетъ свѣдѣній; во всякомъ случаѣ оно было очень колеблющимся; если же ихъ случалось слишкомъ много, то они продавались или устранялись какимъ-нибудь другимъ образомъ. Отпущеніе на волю также могло имѣть мѣсто въ отдѣльныхъ случаяхъ, но масса отпущенныхъ, позднѣйшіе *литы*, были обязаны своимъ лучшимъ положеніемъ скорѣе, однако, мягкому проведенію въ жизнь военнаго права, чѣмъ происхожденію отъ отпущенныхъ на волю отцовъ. Если завоевывались цѣлыя мѣстности съ обитателями кельтскаго или римскаго происхожденія, то было невыгодно поставить наравнѣ съ безправными рабами на долгое время эту культурно высшую расу; имъ предоставляли, по крайней мѣрѣ, извѣстныя личныя права, въ особенности, пріобрѣтеніе собственности.

Масса народа состояла изъ простыхъ свободныхъ. Надъ ними возвышалось извѣстное число семей, которыя можно назвать благородными. Прежде всего здѣсь надо упомянуть о вождяхъ во время войны и мира. Было естественно, чтобы они при раздѣлѣ добычи, а значитъ и при раздѣлѣ земли, больше принимались въ разсчетъ, чѣмъ простые воины. Они имѣли право имѣть больше рабовъ, большее количество скота

*

пригонять на пастбища; ихъ дворъ и домъ могли быть выстроены боль
и крѣпче, ихъ боевая и праздничная одежда могла быть болѣе бога
и лучшей работы. Такимъ образомъ, предводительство въ войнѣ и пр
сѣдательство въ судебныхъ и марковыхъ собраніяхъ давало и уваже
и вліяніе, и благосостояніе; не смотря на это, сомнительно, сущест
вало-ли уже въ доисторическое время настоящее дворянство съ особы
преимуществами. Конечно, условія, при которыхъ могло оно выработать
имѣлись на лицо. И въ дѣйствительности намъ попадается въ болѣе по
нее время у нѣкоторыхъ племенъ замкнутое дворянское сословіе съ оче
значительными преимуществами. У саксовъ и фризовъ, напр., эдели
пользовался въ слѣдующемъ періодѣ какъ высшею вирою, чѣмъ прост
свободный, такъ и большимъ довѣріемъ передъ лицомъ суда; онъ м
въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ давать очистительную присягу, та
гдѣ тотъ нуждался въ соприсяжникахъ.

Такъ-же неясно, какъ происхожденіе и сущность дворянства, возни
новеніе королевской власти. Только то ясно, что она должна была р
виться изъ дворянства. Нѣкоторыя народности и вовсе не имѣли корол
гдѣ же короли были, тамъ выбирались они изъ одного изъ извѣстнѣйши
родовъ. На этомъ, именно «королевскомъ родѣ», которому не рѣдко пр
писывали божественное происхожденіе, останавливался выборъ, но и ту
довольно независимо, такъ-какъ только доблестному мужу подчинял
народъ. И вотъ, когда избранный подымался на щитѣ, привѣтствова
радостнымъ крикомъ мужчинъ, и когда уже было ему передано копье, ка
знакъ власти надъ войскомъ, тогда становился онъ королемъ, т. е. вы
шимъ военнымъ предводителемъ, ибо въ этомъ положеніи—все значен
но зато также и ограниченіе власти, такъ-какъ характеръ этихъ гос
дарствъ былъ еще насквозь демократическимъ. Король, правда, им
предсѣдательство въ народномъ собраніи, но не пользовался правомъ г
лоса, болѣе широкимъ, чѣмъ простой свободный, да и постановленіе р
шенія было исключительно дѣломъ народа. Главари низшихъ подраздѣ
ній были также не королевскими чиновниками, а избранниками наро
какъ и самъ король. Военная добыча, особенно, земля, принадлежала н
роду, а не королю. Конечно, получалъ онъ изъ добычи богато отмѣр
ную часть, также не былъ обиженъ и земельными владѣніями и уж
конечно, не принималъ участія въ годовомъ раздѣлѣ земли, какъ э
было описано выше.

Своими бо̀льшими средствами пользовались короли, обыкновенно, д
содержанія дружины изъ свободныхъ воиновъ. Дружинники обязывали
своему господину клятвой въ вѣрности и рукодательствомъ; они сраж
лись рядомъ съ нимъ въ бою, и обязанностью чести было не возвр
щаться домой безъ него. Умиралъ-ли онъ, они старались отомстить за не
и умереть съ нимъ. Если брали его въ плѣнъ, низвергали съ трона и
изгоняли изъ страны, они раздѣляли также съ нимъ его участь и ш
вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ или въ «неволю». Но они были и участн
ками его радостей. Кровлю, пропитаніе, оружіе и коня получали они о
него. Они спали въ его домѣ и раздѣляли его трапезу. Сами они
имѣли ни женъ, ни дѣтей, ни дома, ни двора. Въ дружину вступа
тотъ, кто не хотѣлъ быть ничѣмъ обремененнымъ, а только быть в

номъ [1]). Кто впослѣдствіи измѣнялъ образъ мыслей, тотъ могъ уйти, такъ какъ договоръ былъ во всякое время расторжимымъ съ обоюднаго согласія. Позже, поступали въ дружину также сыновья болѣе знатныхъ семей, которые въ обстановкѣ значительнаго князя надѣялись выучиться тому, что считали необходимымъ для собственной будущей карьеры предводителя. Число дружинниковъ опредѣлялось средствами князя, но больше тѣмъ—въ крайнемъ случаѣ—нѣсколько сотенъ человѣкъ трудно могли быть соединимы въ одной дружинѣ. Зато они образовывали ядро могущества короля или главаря. Они доставляли ему не только блескъ и престижъ, но и вліяніе и силу. Они замѣняли постоянное войско и бюрократію позднѣйшаго времени и въ этомъ отношеніи много содѣйствовали развитію королевской власти. Феодальный строй покоится также однимъ изъ своихъ корней въ дружинѣ, а столь важныя впослѣдствіи придворныя должности развились также изъ нее. Челядь—также и несвободная—составляла съ дружиной ближайшую среду короля и изъ нея бралъ онъ средства для организаціи, какъ двора, такъ и государства.

Жизнь и нравы.

Жилище, одѣяніе и пищу германцевъ слѣдуетъ себѣ представить очень простыми и грубыми. Жилище — тростниковая хижина, грубо сдѣланная изъ грубыхъ стволовъ, подлѣ—землянка, покрытая назёмомъ, въ качествѣ кладовой и убѣжища въ зимнюю стужу. Платье—блузка изъ шкуръ, или грубой матеріи, ноги, закрытыя полотняными повязками или штанами, ступни ногъ—кожаными башмаками. Женщины носили дома только одну длинную безрукавную рубашку, въ качествѣ верхняго платья—плащеподобный кусокъ полотна, часто украшенный красной обшивкой. Волосы мужчинъ и женщинъ не обрѣзались и заботливо убирались, скрываясь у первыхъ подъ головнымъ покрываломъ, а у вторыхъ завязываясь въ узелъ такъ, что остатокъ ниспадалъ внизъ хвостомъ. Пища состояла изъ молока, меду, дико растущихъ плодовъ и изъ плодовъ пашни, еще бѣдно обработываемой; къ этому присоединялась добыча на охотѣ и мясо пастбищныхъ животныхъ. Эта пища суровая, но, конечно, имѣвшаяся въ изобиліи, ежедневное купанье и постоянное пребываніе на чистомъ воздухѣ сохраняли тѣло сильнымъ и здоровымъ и закаляли его противъ невзгодъ суроваго климата.

Несвободные, женщины и дѣти производили работу въ полѣ, лѣсу и дома, въ то время, какъ мужчины проводили свою жизнь на охотѣ и въ битвахъ и отправляли свои общественныя обязанности въ собраніяхъ народной или сотенной сходки. Остальное время мужчины проводили въ лѣнивомъ бездѣльѣ за пьянствомъ или игрою въ кости. Изъ большихъ роговъ или глиняныхъ сосудовъ нацѣживали они громадное количество пива и меду, и въ пьянствѣ ярко выказывалась необузданная страстность дѣтей природы, которые могли при игрѣ въ кости поставить въ закладъ все свое имущество, собственную свободу и даже женъ и дѣтей.

[1]) *Kaufmann.* I. 128.

Если подрастающій сынъ могъ уже носить оружіе и помѣр
непріятелемъ, то отецъ передавалъ ему въ собраніи народа копье
лалъ его этимъ способнымъ носить оружіе и политически соверш
нимъ. Но изъ своей опеки освобождалъ онъ сына, да и дочь, т
ихъ выходомъ изъ домашняго общества. Сынъ становился тог
себѣ господиномъ, дочь же мѣняла отцовскую защиту на защиту свое
Этотъ послѣдній платилъ роду дѣвушки вѣно, залогъ, соотвѣтс
обыкновенно вирѣ дѣвушки. Потомъ ему передавалъ отецъ коп
символъ защитительной власти и отдавалъ этимъ ему и власть, и
Кромѣ брака покупкой, бывали и браки увозомъ. Дѣвушка у
какъ Туснельда Германомъ; и ея семья получала тогда право, есл
она не пользовалась своимъ правомъ мести, на мировыя (от
деньги; потомъ же эти послѣднія заступили именно мѣсто по
денегъ.

Мужчина господствовалъ надъ женщинами, дѣтьми и дом
безусловно, и, если было нужно, съ ужасной строгостью. Обезче
жену или дочь могъ онъ убить или выгнать прутьями нагую въ
Отъ него зависѣло сохранить новорожденное дитя и тѣмъ сам
признать или отвергнуть его, если оно имѣло какой-нибудь недо
или не нравилось ему,—такъ какъ характеръ мужчинъ былъ с
грубъ и суровъ, какъ и жизнь. Жизнь и нравы требовали того,
держать себя съ суровостью и строгостью по отношенію къ себ
другимъ. Обычаю же было все подвластно, онъ требовалъ себѣ в
германцевъ. Ошибка—представлять себѣ германца свободнымъ
дующимъ лишь своимъ склонностямъ и желаніямъ: онъ связанъ об
и закономъ, и предъ лицомъ суда уже уклоненіе отъ предписанно
превращало самое ясное право въ несправедливость съ правовой точки

Основной чертой въ характерѣ германцевъ была чистота и
ность. «Въ царствѣ готовъ», такъ писалъ Сальвіанъ изъ Марсел
430 г., «нѣтъ ни одного развратнаго человѣка, за исключеніемъ ри
Браки заключались лишь по достиженіи физической зрѣлости; д
также должна была перейти двадцатый годъ. На этомъ отчасти
вается плодовитость германскихъ браковъ, возбуждавшаяся уди
ужасъ римлянъ.

О вѣрности германцевъ много пѣлось и говорилось во всѣ в
и еще въ наши дни считаемъ мы ее охотно въ числѣ самыхъ
щихся чертъ въ характерѣ нашего народа. Сородичъ — своему
дружинникъ—господину, хозяинъ—гостю обязывался вѣрностью
жалъ ее; было-бы неслыханнымъ преступленіемъ нарушить данно
тамъ, гдѣ обычай заповѣдалъ его держать. Наоборотъ, вѣрнос
все не была нужна въ сношеніяхъ народовъ другъ съ другомъ.
невѣрность была правиломъ. Въ политической жизни признавались
хитрость и вѣроломство. Какое отвращеніе чувствуемъ мы, нащ
разсказѣ, что даже такой человѣкъ, какъ остготъ Теодерихъ пр
зарубить на пиру своего великаго противника Одоакра, съ которы
только что заключилъ послѣ долгой войны миръ и дружбу! Истор
нихъ вѣковъ—это исторія политическихъ клятвопреступленій и н
сти знати по отношенію къ королямъ.

) довольно объ этомъ. Германцы имѣли недостатки и преимуще-
развитыхъ народовъ. Дикіе и храбрые въ битвѣ, суровые и над-
при побѣдѣ, униженные и покорные въ несчастьи — такъ какъ и
е мало примѣровъ, — склонные къ пьянству и страстные, были они
ми дѣтьми своей дикой родины. Но они были также полны упор-
стойчивости, жажды и способности къ знанію; полны тѣлес-
ы и здоровья и одарены рѣдкой свѣжестью и подвижностью
акимъ образомъ, они были богато одарены для призванія стать
елями новой культуры.

Римское вліяніе.

ка германцы оставались ограниченными своими мѣстожительствами
ку отъ Рейна и на сѣверъ отъ Дуная, ремесла были у нихъ еще
ало развиты. Что было нужно каждой семьѣ, то она сама и про-
. Женщины и дѣвушки пряли, ткали и шили платья, рабы ру-
съ, убирали хижину, конюшню, нехитрую телѣжку и что было
но. Только кузнечное ремесло требовало отъ работниковъ извѣстнаго
а, поэтому и пользовалось оно высокимъ уваженіемъ, какъ уже
етъ Виландова сага. Насколько промыслы войны, охоты и рыбной
арше, чѣмъ промыслы осѣдлой жизни, настолько и орудія первыхъ
значительное преимущество выдѣлки передъ орудіями вторыхъ.
имѣлись ловушки съ замысловатыми приспособленіями для механи-
захлопыванія въ то время, какъ человѣческое жилище еще было
всякаго удобства и пашня еще обработывалась самыми жалкими
.

стема землепашества въ доисторическое время — по крайней мѣрѣ
в-цезаревское — была переложная. Если какой нибудь участокъ па-
поля истощался частыми посѣвами, его оставляли отдыхать вте-
огихъ лѣтъ, пользуясь имъ только какъ пастбищемъ, чтобы онъ
правиться, такъ-какъ унавоживаніе полей было еще неизвѣстно,
акъ и различіе между озимымъ и яровымъ полемъ. Однако, пере-
двухпольному, а отсюда — къ трехпольному хозяйству послѣдовалъ
концѣ этого періода.

едметами земледѣлія были прежде всего овесъ, ячмень, просо, ленъ,
ого, но менѣе часто, рожь и пшеница. Огородъ имѣлъ только не-
виды овощей, какъ то: рѣдьку, морковь, лукъ и единственное
дерево — яблоню.

ще важнѣе, чѣмъ земледѣліе, было скотоводство. Большія стада
ли для пропитанія народа гораздо больше, чѣмъ скудно обрабо-
я пашня. На нихъ опиралось истинное благосостояніе народа.
ылъ важнѣйшею мѣновою цѣнностью, по головамъ рогатаго скота
ись почти исключительно судебныя пени и мировыя деньги. Кромѣ
скота принималась во вниманіе особенно свинья. Но ѣли также
у, именно, при жертвоприношеніяхъ. Поэтому церковь вездѣ за-
ѣду конины и отсюда, конечно, ведетъ начало то отвращеніе,
еще въ наше время широко распространено къ этому роду пищи.

Итакъ, германцы первыхъ столѣтій нашей эры были поистин
бѣднымъ народомъ. Но чѣмъ живѣе и тѣснѣе были ихъ сношенія съ ре
лянами, тѣмъ болѣе должно было давать себя знать образующее вліян
высокоразвитой культуры этихъ послѣднихъ. Уже во время Цезаря про
ходилъ извѣстный ввозъ римскихъ произведеній промышленности въ гер
манскія пограничныя страны. Но не всегда при этомъ германцы бы
въ барышѣ. За свои прекрасные предметы обмѣна, рабовъ, скотъ, пер
шубы, янтарь, получали они частенько только дурные товары, блестящ
бездѣлки, или одурманивающее вино, дѣйствіе котораго свевы считал
настолько опаснымъ, что запретили у себя его ввозъ. Но все же, иног
вымѣнивали они и хорошее оружіе, какое нибудь полезное орудіе.

И какія только сокровища могъ бросить въ германскую хижи
одинъ удавшійся разбойничій набѣгъ на богатую сосѣднюю страну! В
римскихъ военноплѣнныхъ пріобрѣтали сильныхъ работниковъ въ зем
дѣліи и ремеслѣ и часто, конечно, услужливыхъ учителей въ другихъ
лезныхъ вещахъ. Все больше становилось, далѣе, число германцевъ,
которыхъ родина являлась слишкомъ узкой, а римская служба золотым
диомъ; нѣкоторые изъ нихъ, все же, возвращались назадъ, домо
богатыми, почитаемыми, исполненными всего, чему выучились и видѣ
въ чужихъ краяхъ, и готовыми подѣлиться этимъ съ другими. Такимъ
образомъ, постоянный пограничный торговый обмѣнъ создалъ массу отн
шеній и познакомилъ германцевъ съ важными и подходящими для ни
произведеніями римской культуры. И если, сначала, они съ любопытство
дикарей принимали все, что она предлагала, то мало по-малу выучил
они различать между нужнымъ и ненужнымъ, распознавать полез
и примѣненіе отдѣльныхъ вещей. Но отсюда до продолженія разви
и самостоятельнаго творчества былъ еще большой шагъ. Тольк
когда они сами переселились въ рейнскія и дунайскія земли и здѣсь по
чинили себѣ остатки римскаго населенія съ остатками его благосостоян
когда они увидѣли за работой ремесленника и виноградаря, нашли наш
лучше обработанной, а домъ болѣе удобнымъ только тогда эти облом
культуры могли оказаться для нихъ благословенными и возбудить
ихъ къ подобнымъ же работамъ. Вѣдь, только теперь имѣли они так
необходимый отдыхъ. Послѣ переселенія народовъ настало время сравн
тельнаго покоя; вѣчная борьба, стремленіе впередъ и нашествія прин
къ концу, и миръ вошелъ въ свои права. Отъ этого времени первыхъ
селеній въ римской области происходятъ многочисленныя заимствованія
слова, которыя перешли съ латинскаго на нѣмецкій языкъ еще до введе
христіанства. Съ пятаго до шестого вѣка продѣлываетъ нашъ верхнем
мецкій языкъ такъ называемую перестановку гласныхъ звуковъ; значит
всѣ слова, происходящія отъ латинскаго, въ которыхъ обнаруживает
этотъ процессъ, должны были быть, такимъ образомъ, приняты до и
втеченіи этого времени. Только мы, всетаки, не имѣемъ права выводить и
каждаго изъ этихъ словъ заключеніе, что обозначаемая ими вещь тог
уже сдѣлалась достояніемъ всѣхъ и принадлежала культурной стадіи герма
скаго народа. Многіе германскіе термины камнестроенія, какъ кирпич
известь, стѣна, окошко, погребъ, кладовая, кафель, столбы, косяки, черда
и др., какъ доказано, взяты были въ это время изъ латинскаго языка. Зн

ію и названію этихъ вещей сначала выучились въ захваченныхъ римкихъ домахъ, и очень возможно, что примѣняли ихъ, въ отдѣльныхъ лучаяхъ при новыхъ постройкахъ, но объ общемъ введеніи камнестроенія се же еще долго не можетъ быть никакой рѣчи; ужъ если даже церкви ще въ девятомъ и десятомъ вѣкѣ почти всѣ построены изъ дерева, то ѣмъ болѣе дома! Другой примѣръ даетъ мельница. Германцы знали только учную мельницу, по-готски quairnus, по древне-верхненѣмецки quirn, uern. Это былъ нехитрый снарядъ, въ которомъ хлѣбъ размалывался вумя приспособленными одинъ къ другому *камнями*. Когда же они потомъ ознакомились съ римской водяной мельницей, они образовали изъ поздѣйшаго латинскаго слова molinae слово mulin, нынѣшнюю мельницу (Mühle). Но эта водяная мельница была очень искусной машиной, одной изъ немногихъ машинъ, которыя, вообще, знало средневѣковье. Ея постановка была настолько трудна, дорога, и требовала столь многихъ приготовленій, какъ запруда воды, пріобрѣтеніе правъ на воду, на землю и прочее, что она могла только мало-по-малу найти распространеніе, въ то время, какъ соотвѣтствующее слово давно уже образовалось и употреблялось. Ручная мельница, во всякомъ случаѣ, жила еще втеченіи столѣтій, и только потомъ была совершенно забыта вмѣстѣ съ названіемъ. Однако, его напоминаютъ еще Querner, Kerner, Körner, которыя, слѣдов., равнозначущи съ теперешнимъ «мельникомъ» (Müller) и названія мѣстъ, какъ Quirnbach, Querfurt, Körnbach и др. «Что цѣлыя мѣстности», говоритъ Арнольдъ [1]): «были названы по имени ручной мельницы Quirn, показываетъ опять-таки, что должны же были существовать мельницы и большихъ размѣровъ, причемъ попадались онѣ не въ каждомъ домѣ, даже не въ каждомъ мѣстечкѣ, такъ-какъ иначе онѣ не могли бы дать никакого отличительнаго признака для своего обозначенія. Вѣроятно, позднѣе, онѣ настолько увеличились, что были перевозимы животными, въ то время, какъ на ряду съ ними оставались въ обиходѣ еще дома маленькія ручныя мельницы».

Но если слово часто возникаетъ быстрѣе, чѣмъ вещь успѣетъ пріобрѣсть себѣ права гражданства, то, все же, масса принятыхъ вплоть до XI вѣка заимствованныхъ словъ доказываетъ, какую громадную выгоду извлекла домашняя и хозяйственная жизнь германцевъ уже въ доисторическое время, благодаря римской культурѣ. Земледѣліе ихъ обогатилось новыми орудіями, каковы напр., серпъ, молотильный цѣпъ, wanne (житная ссылка) и новыми сортами хлѣба, какъ полба, горохъ, укропъ. Ихъ огребъ наполнился виномъ, добываемымъ ими самими, садъ ихъ новыми овощными, зелеными и фруктовыми сортами, какъ чечевица, горохъ, капуста, горчица, тминъ, кервель (Chaerophyllum), вишня, сливы, айва, грѣшкіе орѣхи и т. д. Ремесло и домашняя работа пошли цѣлесообразнѣе съ пріобрѣтеніемъ лучшихъ орудій. Одежда становилась лучше, питаніе—разнообразнѣе, жилище—удобнѣе. Но съ умноженіемъ добра и улучшеніемъ орудій росло также и уваженіе передъ работой. Слишкомъ ужъ ясно чувствовалась ея польза, чтобы не порвать мало-по-малу съ старымъ воззрѣніемъ, которое въ дѣятельности земледѣльца и ремесленника усматривало

[1]) Wilhelm Arnold. Deutsche Urzeit. S. 237.

что-то просто безчестное и недостойное свободнаго человѣка. Такимъ о
зомъ, очевидно, что главное значеніе культурныхъ пріобрѣтеній был
томъ, чтобы заключить чисто-военный періодъ въ жизни германскаго
рода и сдѣлать его все болѣе воспріимчивымъ къ благословенной ра

Духовная жизнь.

При испытаніи божественной воли, при ворожбѣ и гаданіи, опы
въ священныхъ обычаяхъ жрецъ бросалъ буковыя палочки на б
платокъ. Каждая палочка имѣла *руну*, т. е. нацарапанный знакъ
рисунокъ, какъ символъ бога или вещи, наименованіе которыхъ но
руна. Руна и буковая палочка были, значитъ, одно и тоже. Только позд
и не безъ римскаго вліянія, сдѣлались руны буквами въ нашемъ см
слова и были употреблены, какъ таковыя, прежде всего Ульфилой
четвертомъ вѣкѣ. Первоначально-же, руны были таинственными и по
ными только ученымъ значками, и еще теперь связываемъ мы со слов
raunen, происходящимъ отъ Rune, понятіе таинственнаго. Изъ палоч
лежащихъ въ безпорядкѣ, жрецъ подымалъ нѣкоторыя наудачу, угады
по нимъ божественную волю и объявлялъ ее въ какомъ нибудь и
ченіи, которое содержало въ себѣ имена взятыхъ имъ рунъ. Изрѣч
превратилось въ стихъ, а рунныя палочки въ стопы. Поэтическій сек
этихъ стиховъ состоялъ въ подчеркиваніи важнаго при помощи слов
одинаковымъ начальнымъ звукомъ. Какъ руны стиха, такъ и глав
слова съ одинаковымъ начальнымъ звукомъ назывались штабиками.
возникла штабная риѳма (Stabreim) или аллитерація, а съ ней—и
нѣйшая форма нашей поэзіи. И такъ какъ она возникла изъ обряд
примѣнявшихся при сношеніяхъ съ божествомъ, то она сама слу
также этому общенію. Древнѣйшими пѣснями были молитвы, хоры, ко
пѣлись при плескѣ толпы и подъ звуки трубъ, роговъ и арфъ во в
жертвоприношенія, бракосочетаній или передъ битвой. Область поэзіи
всеобъемлющей. Поэзія сопровождаетъ всю жизнь германца, она сопутств
ему при всѣхъ важныхъ дѣлахъ, при всѣхъ радостныхъ, всѣхъ го
ныхъ обстоятельствахъ; вездѣ, гдѣ его желаніе и настроеніе треб
сильнаго выраженія, оно выливается въ поэтической формѣ. Не т
молитвы и заклятія, волшебныя формулы и изрѣченія благости, но т
всѣ юридическія формулы носятъ этотъ характеръ. Присяга и закли
изгнанія говорились въ аллитерирующей формѣ. «Виновный долженъ
изгнанъ въ чужіе края и такъ далеко, гдѣ только горитъ огонь и
нѣетъ земля, дитя ходитъ за матерью, а мать рождаетъ дитя, гдѣ т
ходитъ корабль, блеститъ щитъ, солнце растапливаетъ снѣгъ, гдѣ лет
птицы, растетъ сосна, ястребъ летитъ весь долгій весенній день и в
стоитъ подъ его обоими крыльями, гдѣ только небо раскинулось сво
стоитъ міръ, шумятъ вѣтры и воды вливаются въ море» [1]).

Ничто не выказываетъ болѣе высокопоэтическій характеръ
юридическихъ формулъ, чѣмъ фризійское постановленіе о «трехъ

[1]) Wilhelm Scherer. Geschichte der deutschen Litteratur. S. 16.

лахъ», трехъ условіяхъ, при которыхъ мать имѣетъ право коснуться наслѣдства ребенка, потерявшаго отца. «Первая нужда, если ребенокъ взятъ въ плѣнъ и закованъ въ цѣпи къ сѣверу, за моремъ, или за горами, къ югу: тогда мать можетъ продать наслѣдство сына и освободить свое дитя, помочь ему этимъ спасти свою жизнь. Вторая нужда: если наступятъ тяжелые годы и жгучій голодъ гуляетъ по землѣ и ребенокъ долженъ умереть съ голоду: тогда мать можетъ продать его наслѣдство и купить ему изъ него корову и хлѣба, чтобы тѣмъ помочь его жизни, такъ какъ голодъ—самый острый изъ всѣхъ мечей. Третья нужда: если ребенокъ голъ или безпріютенъ, а пасмурная ночь и ледяная холодная зима шагаетъ черезъ заборы, и всѣ люди спѣшатъ въ свой дворъ и свое жилище и даже дикій звѣрь ищетъ глухого лѣса или горныхъ лощинъ, чтобы коротать тамъ свою жизнь: тогда плачетъ безгласное дитя, и жалуется на свои обнаженные члены и сѣтуетъ, что у него нѣтъ пристанища, что его отецъ, который долженъ былъ-бы ему помочь противъ холодной зимы и жгучаго голода, спитъ такъ глубоко въ потемкахъ, подъ землей и дубовымъ деревомъ, закрытый и покрытый четырмя досками: тогда мать можетъ взять наслѣдство ребенка и продать».

Но истиннымъ полемъ поэзіи все-таки была героическая пѣсня. Уже Тацитъ сообщаетъ о пѣсняхъ въ честь Германа-освободителя, и навѣрно, было въ обращеніи порядочное количество подобныхъ героическихъ пѣсенъ, если посмотрѣть на періодъ времени до шестого вѣка. Но до насъ дошелъ лишь отрывокъ Гильдебрандовской Пѣсни, да англосаксонскій Беовульфъ. Такимъ образомъ, наше знаніе, въ сущности, ограничивается во всѣхъ отношеніяхъ могучимъ дѣйствіемъ, которое эти пѣсни могли оказывать еще въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкѣ и которому мы обязаны большими народными сагами того времени, какъ напр., пѣсней о Нибелунгахъ. На основаніи этого вліянія Вильгельмъ Шереръ прямо заключилъ, что первая молодость германской нашей поэзіи относится къ 600-мъ годамъ. Развѣ можно», говоритъ онъ: «дать болѣе сильное доказательство творческой силы слова, какъ то, если поэтическіе образы продолжаютъ жить безъ письменной записи и все-таки неизмѣнившимися въ своихъ основныхъ чертахъ,—даже, если они кажутся исчезнувшими на долгое время,—чтобы послѣ опять возродиться и снова завоевать сердце народа?» Поэтому, если мы въ правѣ заключать отъ тѣла и духа этого эпоса къ содержанію его великихъ прообразовъ, то прежде всего мы распознаемъ мощную историческую подкладку, на которой проходитъ и отражается судьба героевъ и ихъ мужей. Правда, за это и названы эти пѣсни поэтическимъ осадкомъ переселенія народовъ; но, все же, историческій интересъ въ нихъ—побочный. Важнѣе—сами герои, ихъ поступки, ихъ натура, ихъ вѣрность и невѣрность; и вотъ, тогда-то мы и увидимъ, что ихъ надо понимать, какъ носителей народныхъ идеаловъ, всего нравственнаго и религіознаго міра ихъ времени. Они были то привлекающими, то отталкивающими прообразами добра и зла, ненависти и любви и всѣхъ сильныхъ волненій людской души. Ихъ дѣла и страданія заполняли всѣ сердца, и поэтому-то стали они безсмертными вмѣстѣ съ самыми пѣснями.

Собственно-религіозный элементъ этой древнеязыческой поэзіи, ко-

нечно, долженъ былъ потерять въ христіанской переработкѣ свое значе
и прежнюю силу. Но онъ не исчезъ совершенно, и осталось отъ него
же довольно (хотя и въ блѣдномъ и трудно понимаемомъ видѣ), что
современныя ученыя изслѣдованія были въ состояніи возстановить его
его основныхъ чертахъ и, напримѣръ, доказать, что въ основѣ Зигфр
довой саги лежатъ древнѣйшія миѳическія представленія о борьбѣ свѣ
со тьмой. Зигфридъ—это лучезарный богъ неба, убивающій дракона-ноч
пробуждающій спящую на небесныхъ высотахъ въ мерцающемъ отблес
утренней зари Брунгильду-солнце и поглощаемый затѣмъ снова вечером
силами мрака [1]).

Здѣсь мы только что коснулись религіозныхъ воззрѣній доисторич
скаго періода. Онѣ покоятся на обожаніи природы и тянутся въ своих
основаніяхъ далеко въ индогерманскую древность. Смѣна свѣта и тьм
лѣта и зимы, жизни и смерти, наполняла сердца германцевъ живымъ с
знаніемъ зависимости человѣческой судьбы отъ таинственно дѣйствующих
силъ природы. Ихъ вѣра населяла небо и землю сверхъестественными с
ществами, гнѣвъ которыхъ надо было искупать, а благосклонности доб
ваться, чтобы стать и остаться счастливымъ [2]). Три главныя божест
ихъ, Ziu, Wodan и Thor, были воплощеніями неба или же такихъ сил
происхожденіе и дѣйствіе которыхъ казались пространственно связанным
съ небомъ. Ціу—это древне-арійскій богъ неба, который уже своим
именемъ позволяетъ угадать родство его съ греческимъ Зевсомъ и рим
скимъ Юпитеромъ. Воданъ—богъ вѣющаго вѣтра и всепроникающаго во
духа, вмѣстѣ съ тѣмъ богъ мертвыхъ, который переноситъ въ вихр
души усопшихъ и еще понынѣ живетъ въ фантазіи народа, какъ патрон
дикой охоты. Другую сторону небесныхъ силъ представляетъ братъ
Торъ, когда онъ съ громомъ и трескомъ ѣздитъ по облакамъ и кидает
внизъ трепетную молнію, символомъ которой является молотъ, никог
не дающій промаха и постоянно возвращающійся вновь въ руки бога. Пр
томъ выдающемся значеніи, которое пріобрѣла война въ жизни герман
цевъ, конечно, не могло обойтись безъ того, чтобы боги эти не оказа
лись прежде всего богами войны. Какъ таковымъ, въ жертву имъ при
носили также людей, и надъ льющейся кровью сѣдоволосыя, одѣты
въ бѣлое, жрицы произносили предсказанія объ исходѣ войны. Каждый
изъ этихъ боговъ имѣлъ также свой особенный культъ. Къ священно
рощѣ Ціу, напр., люди, точно плѣнники, могли приближаться лишь свя
занными, а у хаттовъ молодые люди носили желѣзныя кольца до тѣх
поръ, пока не освобождались отъ рабства страшнаго бога войны убій
ствомъ перваго непріятеля. Каждый богъ имѣлъ также своихъ особен
ныхъ священныхъ животныхъ, горы, деревья, недѣльные дни и, прежд
всего, свой отдѣльный кругъ народностей, которыя посвящали себя, соеди
няясь на собранія культа, его служенію преимущественно, если тольк
не исключительно. Ціу былъ главнымъ богомъ народовъ семнонской
свевской вѣтви, Тору молились германцы Сѣвера, Водану—племена Запад

[1]) Объясненіе крайне натянутое. Во всякомъ случаѣ, къ этимъ космиче
скимъ миѳамъ тѣсно примѣшивались этнографическія и бытовыя черты. *Ред.*
[2]) Karl Lamprecht. Deutsche Geschichte. I. 189.

Но это различіе—отнюдь не строгое. Особенно, почитаніе Водана распространилось и у всѣхъ прочихъ народовъ, исключая свевовъ. Можетъ быть, произошло это подъ вліяніемъ болѣе высокой культуры Запада. Во всякомъ случаѣ, Воданъ является носителемъ всякой культуры, онъ всевѣдущъ, опытенъ въ рунахъ, живителенъ и всемогущъ. Вообще, боги позднѣйшаго времени уже не являются больше только олицетвореніями силъ природы, имъ прибавлены также этическія свойства и духовныя силы, они—носители и охранители благородныхъ благъ и полезныхъ искусствъ и знаній. Такъ, Торъ становится скоро богомъ земледѣлія, такъ какъ онъ оплодотворяетъ землю своимъ грозовымъ дождемъ.

Мы не будемъ перечислять массу прочихъ боговъ, богинь и демоническихъ существъ, которыми населяли каждый ручей, каждое дерево. Важнѣе другія воззрѣнія. Боги и богини находятся въ постоянной борьбѣ съ гигантами и драконами, воплощеніями мрачныхъ подземныхъ силъ, угрожающихъ истребить всякую цвѣтущую жизнь. Борьба заключается, наконецъ, всемірнымъ пожаромъ, muspilli, погибелью всего существующаго. Сѣверная миѳологія, которая удерживала свою самостоятельность передъ христіанствомъ еще цѣлымъ пятисотлѣтіемъ дольше общегерманской, могла, поэтому, развить дальше также и этотъ кругъ идей. По ея представленіямъ эта погибель—вовсе не погибель навѣки, но изъ хаоса «поднимется новое небо и новая земля, гдѣ будутъ царствовать блаженные боги надъ блаженными-же людьми, которые не будутъ жаждать золота и убивать другъ-друга изъ-за жадности, такъ-какъ утренняя роса будетъ ихъ трапезой».

Если мы разсмотримъ общую картину германской религіи, то она явится намъ политеизмомъ, который, именно, вслѣдствіе запутаннаго множества своихъ боговъ очень легко могъ обратиться въ свою противоположность.

Да въ сѣверной миѳологіи первый шагъ къ этому былъ уже сдѣланъ. Боги не являются уже здѣсь болѣе обладающими всемогуществомъ, но мыслятся зависимыми отъ высшей силы судьбы, таинственно витающей надъ ними. Итакъ, если германская религія обладала уже въ самой себѣ только незначительной силой сопротивленія противъ возможнаго натиска монотеистическаго ученія, то, съ другой стороны, она могла ожидать лишь небольшой поддержки, такъ какъ для того, чтобы выступить энергично для ея охраны, ни германское государство не чувствовало необходимаго для этого призванія, ни германское жречество не обладало необходимой для этого силой. Были, конечно, жрецы, и они имѣли назначеніе въ качествѣ знающихъ руны блюстителей священныхъ обычаевъ, посредничать между народомъ и божествомъ; но каждая отдѣльная личность, при исполненіи богослужебныхъ дѣйствій, не была непремѣнно связана жреческимъ посредничествомъ. Вслѣдствіе этого не было ни замкнутаго могущественнаго жреческаго сословія, ни, вообще, чего-нибудь такого, что могло бы быть названо церковнымъ распорядкомъ. Безъ устоевъ внутри, безъ защиты извнѣ, германское язычество должно было, поэтому, рано или поздно стать добычей христіанства.

Знакомство съ христіанствомъ относится, конечно, уже ко второму, вѣку, такъ-какъ немыслимо, чтобы между безчисленными римскими воен-

неплѣнными, напр., въ маркоманскія войны, не было-бы тысячъ вѣрны послѣдователей новаго ученія. Но принятіе его готами послѣдовало, в же, лишь въ четвертомъ вѣкѣ, т. е. въ то время, когда христіанство было больше исповѣданіемъ только низшихъ сословій римской имперіи, уже религіей государственной. А это должно было обусловить значите ное различіе въ оцѣнкѣ его со стороны германцевъ. Ученіе, снабжен штемпелемъ римской имперіи, уже заранѣе принимали съ подобающи уваженіемъ, какъ одинъ изъ тѣхъ подарковъ, который долженъ сдѣла культурный народъ некультурному, принимали, конечно, не подозрѣв что этотъ подарокъ—важнѣйшій изъ всѣхъ. Въ этомъ смыслѣ можно в дѣть въ принятіи христіанства одно изъ дѣйствій романизирующаго пр цесса, которому болѣе или менѣе подчинены всѣ германцы. Однако, пр нятіе это не было исключительно политическимъ актомъ, чисто внѣшни дѣломъ, которому не говорили ни сердце, ни вѣра. Что это хоть у г товъ, было такъ, за то ручается уже хотя-бы великая личность и апостола Ульфилы. Онъ былъ истиннымъ христіаниномъ, въ полно смыслѣ слова,—натурой, глубоко внутренне-озаренной. Онъ съумѣлъ п помощи лишь примѣра и проповѣди совершенно преобразить жизнь дики воителей, и его мирное вліяніе оказалось, въ концѣ концовъ, столь вел кимъ, что предводители стали бояться за боевую энергію своего народ Ульфила долженъ былъ, поэтому, оставить родину, и обратился съ часть своего народа къ южнымъ склонамъ Балкановъ, гдѣ приверженцы с жили 200 годами позднѣе въ качествѣ мирнаго пастушьяго народа. Е вліяніе выходило далеко за предѣлы узкихъ общинъ. Своимъ переводо Библіи на готскій языкъ и тѣмъ, что сочинилъ самъ и побудилъ дру гихъ написать извѣстное количество сочиненій на этомъ языкѣ, создал онъ для своего народа письменный языкъ и начало теологической ге манской литературы. Къ внѣшнему исповѣданію присоединилъ онъ д нихъ этимъ духъ христіанства и создалъ возможность возникновенія ге манской національной церкви. Въ молодости Ульфилы борьба между Аріем и Анастасіемъ не была еще рѣшена. Ульфила, а черезъ него готы, ва далы, бургунды и т. д. принадлежали къ направленію Арія. Въ этом была и выгода, и невыгода. Религіозный антагонизмъ, въ которомъ он стояли къ католицизму римскаго міра, долженъ былъ освободить их духовно отъ Рима и рано указать на необходимость самостоятельна развитія въ области государства и церкви. Но, съ другой стороны, нель отрицать, что громадныя трудности, съ которыми во всѣхъ отношенія должны были бороться молодыя германскія государства, еще больше умн жились, благодаря этому антагонизму. Правда, между причинами быстра паденія этихъ царствъ никогда нельзя будетъ назвать на первомъ мѣс различіе исповѣданія, но оно, во всякомъ случаѣ, также дѣйствова Аріанство было продуктомъ теологическаго образованія четвертаго вѣка должно было исчезнуть, послѣ того, какъ была выполнена его задач содѣйствовать очищенію ученія. Какъ позже вестготы, бургунды и ла гобарды смѣнили его на католицизмъ, такъ точно сдѣлали-бы это так остготы и вандалы, если-бы царства ихъ могли вообще просуществова дольше.

Великое переселеніе народовъ.

«Это огромный народъ», пишетъ Амміанъ Марцеллинъ объ алеманъ, «съ перваго его прихода ослабляютъ его всѣми возможными поражіями, но такъ неистово подрастаетъ все новое поколѣніе, что можно думать, будто они въ теченіе столѣтій не подвергались никакимъ паденіямъ». Тоже говоритъ онъ и о бургундахъ; и тоже говоритъ Наній (около 320 года) о франкахъ; тоже подразумѣваетъ и Павелъ Діаконъ, когда онъ выводитъ названіе германцевъ отъ слова germinare (пускать ростки). Это вѣрно для всѣхъ германцевъ, и въ этой-то ихъ огромной плодовитости и приростѣ населенія лежитъ послѣдняя причина такъ-называемаго Великаго Переселенія. Голодъ—вотъ его настоящій двигательный мотивъ. Люди и народы растутъ быстрѣе и многочисленнѣе, чѣмъ сколько культура ихъ можетъ дать средства для ихъ пропитанія.

Въ первые вѣка доисторическаго времени римскіе пограничные валы на Рейнѣ и Дунаѣ противопоставили непреодолимое препятствіе къ стремленію къ распространенію западныхъ германцевъ, принудили дикій народъ къ осѣдлой жизни и болѣе дѣятельнымъ занятіямъ земледѣліемъ. Но потомъ опять наступила старая нужда, и чтобы избавиться отъ нея въ предѣлахъ ставшихъ границъ, потребовался-бы дальнѣйшій прогрессъ культуры, еще болѣе интенсивное земледѣліе, еще болѣе дѣятельная расчистка чащи. Однако, тѣмъ не менѣе можно было ожидать, что крѣпость римской централизаціи поколебалась уже съ третьяго вѣка, и у самихъ германцевъ выростали все большія средства къ нападенію, благодаря все увеличивающемуся числу населенія. Поэтому, вмѣсто того, чтобы трудной работой извлекать изъ земли все больше и больше плодовъ, чтобы можно было остаться дома въ нуждѣ и дома же умереть голодною смертью, они предпочли дать своимъ голодающимъ массамъ на пути завоеваній средства пропитанія, добывать которыя мирной работой не соотвѣтствовало ни ихъ культурному состоянію, ни ихъ наклонностямъ.

Но не отъ западныхъ германцевъ исходило возобновленіе римскихъ войнъ. Извѣстно, что въ половинѣ второго столѣтія готы, вандалы, а за ними еще и другіе народы покинули свои мѣста между Балтійскимъ моремъ, Вислой и Эльбой и отошли къ Черному морю. Во время этого похода, направленнаго на юго-востокъ, они прогнали помѣщающихся къ сѣверу отъ средняго Дуная маркоманновъ, квадовъ, а также славянскіе народы на римскую границу и подали поводъ, хотя и косвенно, къ Маркоманнской войнѣ; она была прообразомъ послѣдующихъ войнъ и окончилась послѣ шестнадцатилѣтней продолжительности безъ опредѣленнаго результата. Готы, между тѣмъ, достигли сѣвернаго берега Чернаго моря, послѣ болѣе, чѣмъ пятидесятилѣтняго блужданья, сраженій и короткаго покоя. Отсюда распространились они по широкимъ равнинамъ нынѣшней Россіи, наводнили римскую Азію и Европу своими разбойничьими набѣгами и нагнали на морѣ такой же страхъ, какъ и на сушѣ. Въ 263 г. сожгли они храмъ Артемиды Ефесской, въ 267 г.—Коринѳъ, Аѳины и Спарту, въ 269 году оставили они на *одномъ* полѣ битвы пятьдесятъ тысячъ убитыхъ. Императоръ Клавдій пишетъ про это сра-

женіе: мы уничтожили 320,000 готовъ и пустили ко дну 20,000 раблей. Пусть даже это преувеличено ради славы, но все же даетъ предст ніе объ ужасныхъ потеряхъ, которыя, обыкновенно, приходилось не сить германцамъ во время подобныхъ походовъ. И, все же, онѣ не мѣшали тому, чтобы въ 275 году храбрый Авреліанъ долженъ отдать готамъ и другимъ германцамъ Дакію (Седмиградію и Румынію) помогло также и то, что Діоклетіанъ (284—305) раздѣлилъ Импер устроилъ свое управленіе собразно съ потребностью защита. Имперія уж могла болѣе выдѣлять изъ собственнаго населенія воиновъ, необходимыхъ защиты необъятныхъ границъ и сама собою должна была обратиться помощи германцевъ. А со времени переустройства войска Констанги (323—337), потекли они все въ большемъ числѣ въ легіоны и су сдѣлать свои военные таланты необходимыми во всѣхъ должност вплоть до высшихъ, и во всякомъ родѣ оружія, вплоть до службы инженерномъ дѣлѣ. Къ этому присоединилось и то, что много тысячъ гер цевъ, больше всего въ пограничныхъ провинціяхъ, было поселено раз ными императорами въ качествѣ земледѣльцевъ, а въ пятомъ вѣкѣ зал цѣлыхъ провинцій, да даже втеченіи нѣкотораго времени и всей импе зависѣла исключительно еще отъ талантовъ и доброй воли такихъ манскихъ предводителей, какъ Арбогастъ, Рицимеръ, Стилихонъ и Одоа Такимъ образомъ, если не погибель, то, все же, постепенное варвар рованіе имперіи было уже съ начала третьяго вѣка несомнѣнно грозя опасностью.

Начало конца принесъ съ собою 375-ый годъ. Азіатскіе гу подчинили остготовъ и оттѣснили вестготовъ къ Дунаю. Съ разрѣше римлянъ эти послѣдніе перепли безоружными рѣку. Но когда имъ былъ доставленъ обѣщанный хлѣбъ, они добыли себѣ оружіе и побѣд императора Валента при Ардріанополѣ (378 г.). Укрощенные на нѣкото время великимъ императоромъ Θеодосіемъ, попытались они послѣ смерти вторгнуться въ Италію. Но вандалъ Стилихонъ, министръ им ратора Гонорія, храбро и искуссно заградилъ имъ доступъ. Однако, и резъ Альпы пробился сбродъ различныхъ народовъ. Британія и рейн страны должны были отдать свои гарнизоны, чтобы защитить матер скую землю. Въ то время, какъ Италія была еще разъ спасена Стили номъ, саксы и англы обрушились около середины вѣка на беззащитн Британію, вандалы и аланы съ другими толпами прорвались черезъ Рей втеченіи трехъ лѣтъ опустошили Галлію и отступили потомъ къ Испа (406—408). Между тѣмъ, Стилихонъ палъ жертвой зависти римскі придворныхъ, готы прошли Италію, сожглидва раза Римъ и тщетно т тались овладѣть Африкой. Похоронивъ на возвратномъ пути своего ге короля Аларіха въ Бузенто, Атаульфъ повелъ народъ, жаждущій зе и родины, дальше къ юго-западной Галліи. Здѣсь только нашли они чего искали, а именно, были расквартированы между гражданами подъ вид наемнаго войска и обязались за римскій хлѣбъ сражаться на римскі поляхъ. Но это была лишь переходная ступень; они стали скоро наст щими господами страны (419 г.), хотя формально все еще признавал верховная власть короля.

Спустя десять лѣтъ, Африка стала добычей удаляющихся изъ Ис

ніи вандаловъ и алановъ; въ 439 г. завоевали они Карѳагенъ, и слѣдующія десятилѣтія видѣли ихъ смѣлыми мореплавателями и бичемъ итальянскихъ береговъ.

Потомъ, около половины вѣка, гроза гуннскаго войска подъ предводительствомъ Аттилы пронеслась надъ Галліей; отбитые у Тура соединенными силами римлянъ и вестготовъ, обратились они въ слѣдующемъ году на Испанію. Но и здѣсь также Аттила долженъ былъ отступить безъ успѣха; вскорѣ затѣмъ онъ и умеръ, а его имперія распалась. Если и теперь еще Италія была спасена, то убійство Аэція лишило имперію ея послѣдняго великаго защитника. Въ 476 году герулъ Одоакръ свергъ послѣдняго римскаго призрачнаго императора и заставилъ сдѣлать самого себя королемъ Италіи. Внѣшнимъ образомъ, однако, еще и онъ признавалъ высшую власть Восточной Римской Имперіи; на дѣлѣ же Италія была германскимъ завоеваніемъ, и сдѣлалась имъ еще болѣе, благодаря вестготскому королю Теодериху, который прогналъ Одоакра въ 493 году.

Такимъ образомъ, восточные германцы втеченіи одного вѣка овладѣли почти всѣми частями западно-римской имперіи. Однако, скоро оказалось, что они были совершенно не въ состояніи оборонить чистоту и силу своей народности отъ многочисленныхъ опасностей римскаго культурнаго міра. Германскій воинъ, освободившійся отъ условій, на которыхъ основывалась на его родинѣ его хозяйственная и политическая свобода, долженъ былъ теперь, вдругъ богато снабженный землею, хозяйничать на себя и войти въ мирное соперничество съ покоренными римлянами, и это тотъ германскій воинъ, которому земледѣліе было знакомо лишь въ грубой формѣ общинной обработки. Это уже a priori было безнадежное начинаніе. Сюда присоединилось и то, что обыкновенно не приходили въ какую-нибудь область компактными массами, а селились разбросанно по всей странѣ и этимъ самымъ отдѣльныя личности отдавались всецѣло вліянію римской культуры. Только великій вандалъ Гейзерихъ предвидѣлъ опасность разбросанныхъ поселеній и удержалъ свой народъ въ предѣлахъ ограниченной области. Но и онъ не могъ охранить непорочную силу своихъ вандаловъ ни отъ разнѣживающаго дѣйствія африканскаго солнца, ни отъ соблазновъ пышныхъ нравовъ и внезапнаго богатства, а разъ она была потеряна,—пропало лучшее наслѣдіе ихъ народности.

Да и вообще, какимъ образомъ могли бы отъ одного до двухъ милліоновъ восточныхъ германцевъ (такъ-какъ ихъ было не больше) господствовать продолжительное время надъ въ десять или двѣнадцать разъ большимъ числомъ римскихъ провинціаловъ, если не чрезъ посредство самаго широкаго примѣненія своихъ господскихъ правъ? Они покорили бы и подчинили культуру и религію римлянъ, они одни остались бы полноправнымъ народомъ, тогда какъ другіе должны были бы стать безправными рабами. Но уваженіе передъ римской имперіей и ея культурой коренилось у этихъ же самыхъ германцевъ слишкомъ глубоко, чтобы они могли хоть когда-нибудь вздумать править по турецкому способу. Послѣдствіемъ однако, было то, что каждый шагъ, который приближалъ ихъ къ культурѣ, которой они удивлялись, стоилъ имъ частички ихъ народности и покорялъ неудержимый процессъ романизированія. И безъ оружія восточно-римскаго императора Юстиніана, который разрушилъ (533 и 553 г.)

царства остготовъ и вандаловъ, германская народность въ нихъ, все
погибла-бы. Ни франки во внутренней Галліи, ни лангобарды, ни друг
какой-нибудь изъ народовъ, которые заняли старо-римскую культурну
землю съ преобладающимъ римскимъ населеніемъ, не могли долго уде
жать свою національность. Необходимое примиреніе между римской ку
турой и германскимъ варварствомъ было возможно только при посредст
тяжкихъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ. Римляне были германизированы
только благодаря значительному притоку свѣжей германской крови,
также чрезъ посредство массы представленій германскаго умственнаго м
и чрезъ принятіе важныхъ учрежденій германской государственной жизни.
Новое положеніе, проистекшее отъ соединенія обоихъ народовъ, покоилось
во всѣхъ главныхъ пунктахъ въ государственныхъ, военныхъ и прав
выхъ понятіяхъ, равно какъ и въ распорядкѣ общественной и хозяйств
ной жизни, существенно, чтобы не сказать исключительно, на герман
скихъ основаніяхъ. Германцы, съ своей стороны, были романизирова
постепеннымъ сближеніемъ съ римлянами, превосходившими ихъ числом
въ десять разъ, потерей своего языка и своей національности. Тольк
такимъ образомъ могла быть добыта почва для совмѣстной культурно
работы чистыхъ германцевъ и новыхъ римлянъ во франкскомъ государ
ствѣ и въ римской церкви.

Съ чисто внѣшней точки зрѣнія явленіе великаго переселенія нар
довъ представляется во всѣхъ отношеніяхъ огромной потерей для герма
цевъ. Та широкая полоса земли между Балтійскимъ и Чернымъ моремъ
которая обнимаетъ большую часть нынѣшней Россіи и Австро-Венгр
была потеряна отступленіемъ восточныхъ германцевъ въ пользу славя
скихъ и другихъ иноплеменныхъ народовъ. Единственное, съ простра
ственной точки зрѣнія, однако, очень скудное, замѣщеніе этого предста
ляли завоеванія, которыя сдѣлали западные германцы въ Британіи и м
стностяхъ по обѣ стороны Рейна и верхняго Дуная и въ альпійскихъ
линахъ. Они, значитъ, извлекли политическую выгоду изъ боевыхъ р
зультатовъ своихъ восточно-германскихъ братьевъ.

Въ высшей степени замѣчателенъ также и совершенно различны
способъ странствованія обѣихъ народныхъ группъ. Восточные германц
покинули свои старыя мѣста на всегда. Положеніе номадовъ, въ которо
они находились еще передъ переселеніемъ, облегчило имъ возможность
ступиться землями, въ которыхъ они не успѣли еще акклиматизироваться
гдѣ ничто не могло ихъ привязывать. Гонимые голодомъ, обходятъ
въ поискахъ земли южные полуострова Европы и проникаютъ вплоть
сицилійскаго пролива, даже до сѣвернаго края Сахары. Совершенно иное
ихъ западные братья. Привыкнувъ уже къ осѣдлой жизни, они вообще
не выселяются такъ, какъ тѣ. Они удерживаютъ свои первоначальны
поселенія и расширяютъ свои границы лишь медленно и на сравнительно
небольшія пространства на югъ, западъ и сѣверъ. Оставаясь въ постоя
номъ общеніи съ оставленными позади своими земляками, заполняют
они своими массами завоеванную и очищенную отъ всѣхъ иноплеменны
элементовъ страну, чтобы жить въ ней по образу родины.

Это передвиженіе западныхъ германцевъ сопровождалось въ высш
степени значительными измѣненіями въ ихъ внутреннемъ строѣ. Очев

коро по возобновленіи римскихъ войнъ должна была почувствоваться
отребность въ большихъ политическихъ военныхъ организаціяхъ. Малень-
кая народность, въ которой отражалась политическая жизнь первобытнаго
ремени, никакъ не могла удовлетворить задачамъ, которыя наложила-бы
на нее тяжелая борьба съ римской военной монархіей. Такимъ образомъ
ыло естественно, что народы, связанные сосѣдствомъ и кровнымъ род-
твомъ, сходились теперь для совмѣстныхъ дѣйствій; сначала, правда,
ишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, потомъ же все чаще и продолжительнѣе,
ока, наконецъ, не выросли они до политическихъ единицъ, т. е. тѣхъ
ременъ, изъ которыхъ, столѣтіями позже, возникло единство нѣмецкаго
ода. Съ внѣшней стороны это движеніе узнается прежде всего потому,
то имена многихъ маленькихъ народностей, которыхъ Тацитъ насчиты-
алъ до полусотни, исчезаютъ и замѣщаются именами алеманновъ, фран-
овъ, саксовъ, тюринговъ и баварцевъ.

Алеманны, упоминаемые впервые въ 213 году, сидѣли первоначально
ъ нынѣшнемъ Бранденбургѣ, гдѣ находилась ихъ роща, посвященная
іу, къ которому они могли приближаться лишь связанными. Именно за
ихъ особенное почитаніе Ціу, сосѣди называли ихъ то ціувари (люди
іу), то алеманнами (людьми святилища, alah), то семнонами, что
означаетъ связанный. Сами они называли себя то по народности, къ
оторой каждый принадлежалъ, то общимъ названіемъ швабы. Съ своихъ
ѣстъ между Эльбой и Одеромъ двинулись они при многообразныхъ стыч-
ахъ и битвахъ съ гермундурами, бургундами и другими народами на
раницу Десятинной земли, того крайняго пункта римской культурной об-
асти на лѣвомъ дунайскомъ и правомъ рейнскомъ берегахъ, который
хватываетъ большую часть нынѣшняго Вюртемберга и Бадена. Они со-
тояли изъ десяти до двадцати народностей, каждая подъ начальствомъ
обственныхъ королей, нѣкоторые же также и съ своими собственными
олитическими интересами, которые они преслѣдовали отдѣльно отъ дру-
ихъ или въ противность имъ. Самыми могущественными и многочислен-
ыми были ютунги, которые выставили однажды римлянамъ вспомогатель-
ое войско въ 80.000 человѣкъ. Во второй половинѣ третьяго вѣка але-
анны вновь прошли Десятинную Область, раззоривъ Галлію и Италію, такъ-
го заставили бояться даже за Римъ. Съ половины четвертаго вѣка стали
они твердой ногой также въ Эльзасѣ, и даже ужасное пораженіе, кото-
ое понесли они при Страсбургѣ отъ Юліана (357 г.) немного измѣнило
оложеніе дѣлъ. Послѣ войнъ съ Юліаномъ обратились они на нѣкото-
ое время на сѣверъ до Веттерау и въ нассаусскую область. На лѣ-
омъ берегу Рейна протѣснились они до Кобленца, Кельна и Аахена. Но
они потеряли вновь эти области въ пользу франковъ. Съ такъ называе-
ой битвы при Цюльтихѣ (496?) они являются ограниченными тѣми об-
астями, которыми еще понынѣ обладаютъ въ Эльзасѣ, Базенѣ, Вюртем-
ергѣ и Швейцаріи. Въ битвѣ при Страсбургѣ, въ которой, однако, при-
нимала участіе лишь одна треть народа, сражались они еще съ семью
оролями, сотню лѣтъ позже всѣ они стояли уже подъ *однимъ* герцогомъ,
и такимъ образомъ закончили развитіе племеннаго единства.

*

Франки также распадались на нѣсколько группъ. Салiи заняли, начи
съ третьяго по пятое столѣтiе, изъ своихъ племенныхъ земель на п
вомъ берегу Нижняго Рейна, мало-по-малу нынѣшнюю бельгiйскую и ф
цузскую равнину отъ Шельды и Мааса до и Соммы. На юго-вост
отъ нихъ, по обѣ стороны Рейна до Тавна и Эйфеля, сидѣли берего
франки, а къ нимъ примыкали съ юга, по Рейну и по равнинѣ Мос
и Nahethal'ю вверхъ до лотарингской возвышенности, гессiйскiе фран
Каждая изъ этихъ главныхъ частей снова распадалась на многихъ
родцевъ, которые жили между собою то въ союзѣ союзъ, то въ распр
Но вотъ, въ 481 году королемъ одной части салическихъ франковъ с
лался Хлодвигъ. Онъ былъ сыномъ короля Хильдериха и былъ въ возра
лишь пятнадцати лѣтъ. Прошло пять лѣтъ, и онъ уже побилъ римск
намѣстника Сiагрiя при Суассонѣ.

Этимъ былъ уничтоженъ послѣдній остатокъ римскаго владычест
въ Галлiи; государства франковъ, вестготовъ, бургундовъ и алеманно
тѣсно скучивались другъ подлѣ друга, и должно было рѣшиться, кото
изъ нихъ было сильнѣйшимъ. Алеманны и франки были язычника
бургунды и вестготы арiанами, римское населенiе во всей Галлiи—ка
лическимъ и далеко превосходило германцевъ по численности и обра
ванности. Легко было видѣть, что арiанство было только помѣхой для
коренiя римскаго населенiя и вообще, не имѣло никакой будущности.
въ самомъ дѣлѣ, бургундскiе и готскiе короли растратили значительну
часть своихъ силъ въ распряхъ съ неуступчивыми католическими е
скопами ихъ странъ.

Бургундская королевская фамилiя отчасти уже перешла въ като
цизмъ и самъ Хлодвигъ былъ женатъ на бургундской принцессѣ эт
вѣроисповѣданiя. При подобныхъ обстоятельствахъ переходъ въ като
чество могъ для него явиться вопросомъ. Но какъ внѣшне и грубо о
малъ онъ объ этомъ, показываетъ лучше всего молитва, въ которой он
молилъ о помощи христiанскаго Бога въ тяжелой битвѣ съ алеманна
при Цюльпихѣ: «Iисусъ Христосъ... я склоняюсь передъ Тобою и про
Твоей помощи. Если Ты поможешь мнѣ побѣдить этихъ враговъ, и
я такимъ образомъ узнаю самъ, что Ты силенъ, то я крещусь
именемъ. Я призывалъ моихъ боговъ, но они остаются далеко. И я вѣ
поэтому, что они не имѣютъ никакой силы, и взываю къ Тебѣ и
*вѣрить въ Тебя, но только, если Ты спасешь меня отъ этих
враговъ*».

Христiанство его не исправило, онъ остался тѣмъ-же грубымъ вар
ромъ, которымъ и былъ, и продолжалъ убiйства послѣ, какъ и ран
Отвратительныя убiйства, посредствомъ которыхъ онъ устранилъ коро
другихъ франкскихъ государствъ, случились почти всѣ уже послѣ его об
щенiя. Но какъ ни были презрѣнны его средства, все же ими былъ
стигнутъ великiй результатъ: Хлодвигъ соединилъ подъ своей властью вс
франковъ и обезпечилъ этимъ связь своихъ западныхъ завоеванiй съ
манскимъ Востокомъ.

Побѣда надъ аллеманами изгнала ихъ не только изъ франкскихъ
тей на среднемъ Рейнѣ, но и отняла у нихъ всякое желаніе стре-
я въ Галлію. Рѣшительный моментъ палъ здѣсь на 507 годъ въ
ти Пуатье. Хлодвигъ побѣдилъ вестготовъ и расширилъ свои границы
Луары до Гаронны. Полное изгнаніе вестготовъ изъ Галліи было на
замедлено остготскимъ королемъ Теодерихомъ.

Четверо сыновей Хлодвига, между которыми онъ раздѣлилъ свое цар-
не нарушая, однако, его единства, продолжали съ успѣхомъ завое-
своего отца. Съ помощью саксовъ разрушили они государство тю-
овъ, которое простиралось отъ Гарца и Унштрута до Дуная при Ре-
бургѣ. Также и племя баварцевъ, которое, будучи смѣшано изъ мно-
германскихъ народныхъ осколковъ (маркоманновъ, квадовъ и дру-
), вступило около 520 года въ область между Инномъ, Лехомъ, Ду-
мъ и Альпами, оказалось спустя нѣсколько десятилѣтій въ первона-
ной зависимости отъ франковъ. Послѣ того, какъ въ 533 году госу-
ство бургундовъ было разрушено, а за нимъ были пріобрѣтены послѣднія
готскія области и кельтская Бретань, основаніе франкскаго государства
о въ главныхъ чертахъ закончено.

По смерти Лотаря I, который еще разъ, отъ 558—561 г., объеди-
ъ государство, обыкновенно, различаютъ три главныя части его:
стразію (вост. землю) съ Реймсомъ и Мецемъ, Нейстрію (зап. страну)
Суассономъ и Парижемъ и Бургундію съ Орлеаномъ. Положеніе только
названныхъ городовъ, возлѣ которыхъ, но не въ которыхъ короли
ыкновенно располагали свое мѣстопребываніе, показываетъ, что три цар-
ва столкнулись въ серединѣ Галліи и каждое занимало кусокъ земли,
гда-то отнятой Хлодвигомъ у Сіагрія. Въ этихъ областяхъ съ сильно
мѣшаннымъ германо-римскимъ населеніемъ лежалъ тогда центръ тяжести
осударства, въ то время, какъ чисто германскія и чисто романскія земли.
особенности Гасконь и кельтская Бретань, отошли на задній планъ,
ціональныя противоположности еще не возникли тогда между этими
ремя государствами и, значитъ, также и не вызвали и не обострили
жасныя гражданскія войны, которыми государство было страшно потря-
ено втеченіе пятидесяти лѣтъ до 613 года. Это случилось скорѣе благо-
аря глубокому нравственному упадку меровингской королевской фа-
иліи.

Уже сыновьями Хлодвига были произведены дѣла ужасающей грубо-
сти. Когда Хлодомеръ Орлеанскій умеръ, оставивъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей,
его братья, короли Хильдебертъ и Лотарь, завладѣли ими, чтобы подѣ-
лить ихъ будущее наслѣдство. Они отправили бабушкѣ Хротихильдѣ, вдовѣ
Хлодвига, ножъ и ножницы: она должна была выбрать, должны-ли дѣти
умереть, или потерять свои локоны и заточить въ монастырь свою жизнь.
Королева въ гнѣвѣ воскликнула: «Пусть лучше они умрутъ, чѣмъ я увижу
ихъ постриженными!» Когда посолъ вернулся съ этимъ рѣшеніемъ, Лотарь
и Хильдебертъ находились въ залѣ съ двумя изъ мальчиковъ. Старшему
было десять лѣтъ, младшему семь. Лотарь схватилъ старшаго, бросилъ
его на земь и воткнулъ ему въ бокъ ножъ. Когда младшій это увидѣлъ,
онъ подбѣжалъ къ Хильдеберту, обнялъ его колѣна и просилъ о защитѣ.
Хильдебертъ былъ тронутъ и хотѣлъ его спасти. Но Лотарь грубо его

оттолкнулъ и выбранилъ трусомъ. Тогда Хильдебертъ выпустилъ
чика, а Лотарь убилъ также и его.

Еще чаще и ужаснѣе случались вещи подобнаго рода въ слѣд
періодъ пятидесятилѣтней распри. Убійство ближайшихъ родственн
у Меровинговъ было обычнымъ средствомъ для пріобрѣтенія могуш
или удовлетворенія самыхъ низкихъ страстей. Жадность, жажда м
свирѣпость и необузданная страсть къ наслажденіямъ, вотъ выдаю
черты этихъ королей и вообще высшаго германскаго общества того
мени. Брачныя отношенія, чистота которыхъ прославлялась еще въ пя
столѣтіи римскими писателями, теперь неизлѣчимо были сокрушены.
добное же явленіе замѣчаемъ мы и у готовъ, а, въ особенности, у
даловъ. Это—все усиливающееся отравленіе германской жизни рим
культурой. И, безъ сомнѣнія, какъ разъ въ этомъ и лежала одна изъ
ныхъ причинъ ранней погибели государствъ восточныхъ германц
У франковъ, правда, дѣло не зашло такъ далеко; однако, дошло до значит
наго ослабленія королевской власти въ пользу вельможъ, которые сдѣ
себя втеченіе гражданскихъ войнъ необходимыми и отхватили въ с
пользу часть королевскихъ имѣній и правъ.

Очень характерны для грубости этого періода—тѣ обстоятельс
при которыхъ въ концѣ концовъ вновь водворились миръ и единство
государствѣ. Войска Лотаря II изъ Нейстріи и старой королевы Бр
гильды Австразійской, которая сражалась за права своего несовершен
лѣтняго внука, сошлись готовыя на битву другъ съ другомъ въ 613 г
Вельможи тогда покинули свою королеву. Мелкіе короли были выда
Лотарю и убиты имъ. Брунгильда, захваченная во время бѣгства, снач
была подвергнута трехдневной пыткѣ, а потомъ привязана за волосы, р
и ногу къ дикой лошади и растоптана на смерть. Ей было отъ шест
десяти до семидесяти лѣтъ, и цѣлыхъ 46 лѣтъ носила она имя корол
франковъ.

Но на самомъ дѣлѣ событія 613 года означали скорѣе побѣду дв
рянства надъ королевствомъ, а не побѣду одного короля надъ другим
Лотарь долженъ былъ не только признать для Австразіи и Бургундіи сам
стоятельное управленіе подъ *однимъ* майордомомъ, онъ долженъ бы
также согласиться на требованіе назначать на будущее время графо
только изъ земельныхъ собственниковъ волости. Въ этомъ онъ поступ
нился какъ-разъ правомъ распоряженія той должностью, на безусловном
подчиненіи которой королю покоилась незыблемость и сила франкской
правительства.

Изъ королей послѣ 613 года только два первыхъ, самъ Лотарь
его сынъ Дагобертъ, имѣютъ еще извѣстное значеніе. Стоя въ нравствен
номъ отношеніи, правда, не выше своихъ предшественниковъ, они были
по сравненію съ ихъ послѣдователями, все же, по крайней мѣрѣ, силь
ными мужами, которые умѣли поддерживать свою самостоятельность пр
тивъ вельможъ. Правленіе Дагоберта обыкновенно даже причисляютъ к
счастливымъ временамъ франкской исторіи, а его самого, хоть и очень
несправедливо, называютъ «добрымъ» королемъ. Внутренній миръ в
общемъ еще сохранялся, а также и внѣшніе враги, хотя и съ порядочной
трудностью, но все-таки отражались. На востокѣ и юго-востокѣ тѣсни

лись тогда славяне и родственные гуннамъ авары на границы государства. Славяне воздвигли большое государство, западная граница котораго отъ Эльбы у Магдебурга тянулась до Дуная у Пассау. Дагобертъ несчастливо сразился съ ними въ большой трехдневной битвѣ въ Богеміи (630 г.) и долженъ былъ предоставить отраженіе этихъ враговъ тюрингамъ и баварцамъ. Они имѣли успѣхъ, но именно поэтому возникла у нихъ мысль объ отпаденіи и расшатывала ихъ отношенія къ государству въ его цѣломъ. Еще хуже была при послѣдующихъ королях опасность внутреннихъ распрей. Эти короли были или на самомъ дѣлѣ мальчиками, или же дѣтской энергіи и благоразумія. Они растеряли всю свою власть надъ своими майордомами, а эти послѣдніе бились въ свою очередь между собою за власть.

Майордомъ былъ при позднѣйшихъ франкскихъ королях ничѣмъ другимъ, какъ высшимъ домовымъ чиновникомъ. Съ расширеніемъ *имперіи* и благодаря развитію королевской власти росло также и его вліяніе. Онъ былъ предводителемъ королевской свиты, антрустіоновъ, и какъ таковой, руководитель знатныхъ молодыхъ людей среди нея. Такимъ образомъ вышло, что онъ могъ забрать въ свои руки также и воспитаніе молодыхъ несовершеннолѣтнихъ королей и пріобрѣсти значительное вліяніе на веденіе политическихъ дѣлъ. Сначала борцы за королевскую власть противъ непокорныхъ вельможъ,—майордомы потомъ перемѣнили роли и въ 613 году предводителями дворянства вырвали Австразію и Бургундію изъ-подъ королевскаго управленія. Съ тѣхъ поръ они постарались все больше стереть должностной характеръ съ своего положенія и сдѣлать его мало-по-малу истинно княжескимъ и наслѣднымъ отъ отца къ сыну.

Среди распрей дворянскихъ партій, которыми снова было потрясено государство послѣ смерти Дагоберта (638 г.), возвысился наконецъ побѣдоносно, лишь впослѣдствіи такъ названный, родъ Каролинговъ. Основа его могущества покоилась въ богатыхъ земельныхъ владѣніяхъ, которыя около 630 года черезъ посредство брака дочери старшаго Пипина (Ланденскаго) съ сыномъ Св. Арнульфа, который былъ епископомъ Меца и совѣтникомъ молодого короля Дагоберта, были заключены между Маасомъ, Мозелемъ, Рейномъ и Роеромъ. Уже въ 650 году Гримоальдъ, сынъ Пипина Ланденскаго, стремился къ меровингской коронѣ, но въ своей преждевременной попыткѣ былъ побѣжденъ и убитъ. Пипинъ средній (Геристальскій) снова поднялъ свой домъ изъ этого паденія и вмѣстѣ съ тѣмъ закрылъ пропасть гражданской войны, которая грозила поглотить государство. При Тестри на Соммѣ побѣдилъ онъ въ 687 году силою австразійскихъ ополченій нейстрійское дворянство и сталъ единымъ майордомомъ государства Франковъ. Этой побѣдой былъ вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленъ политическій перевѣсъ германскихъ австразійцевъ надъ романскимъ населеніемъ Нейстріи и Бургундіи.

Но также и Пипинъ могъ только съ трудомъ и несовершенно сохранить единство государства, и, когда онъ умеръ, оно казалось въ большей опасности, чѣмъ когда-либо. Баварцы на юго-востокѣ, аквитанцы на юго-западѣ отпали, а изъ Испаніи надвигались арабы, угрожая франкскому государству и его культурѣ полнымъ уничтоженіемъ. Отъ всѣхъ этихъ опасностей, однако, въ концѣ концовъ, спасло государство счастье

и сила Карла Мартелла, побочнаго сына Пипина. Побѣдой надъ арабами (въ 732 г.) и усмиреніемъ непокорныхъ, онъ сдѣлался вторымъ основателемъ франкскаго государства.

Государственное устройство и внутреннее состояніе.

Король или вождь доисторическаго времени господствовалъ не въ силу собственнаго права, а по порученію народа, во главѣ котораго онъ стоялъ. Народъ былъ источникомъ всякой общественной власти. Его дѣломъ было рѣшеніе относительно войны и мира и всякаго политическаго акта, онъ избиралъ должностныхъ лицъ и самого короля. Только въ войнѣ, гдѣ все сводилось на быстрое рѣшеніе предводителя, положеніе этого послѣдняго было свободнѣе и сила его больше. Когда впослѣдствіи, въ третьемъ вѣкѣ, снова вспыхнула борьба съ Римомъ, и военное положеніе сообразно съ этимъ сдѣлалось постояннымъ, тогда съ большими задачами и обязанностями короля выростали и его вліяніе и права. Дѣятельность Хлодвига совершенно устранила народность, какъ политическую инстанцію, и поставила на ея мѣсто совокупность свободныхъ людей новаго государства. Но собирать ихъ хоть разъ въ годъ для пользованія ихъ политическими правами мѣшала разбросанность государства и трудность средствъ сообщенія. На представительной системѣ нашего времени не могли остановиться, такъ какъ это не соотвѣтствовало-бы тогдашнему правовому міросозерцанію. Такимъ образомъ, единственнымъ наслѣдіемъ старыхъ народныхъ правъ осталось только временное созваніе свободныхъ. Если же право постановки рѣшенія въ большинствѣ случаевъ могло быть сведено къ обязанности одобренія, то все же еще вплоть до временъ Карла Великаго сохранился обычай, не только сообщать войску о цѣли похода или назначеніи имѣющаго появиться закона, но и добиваться его одобренія, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ даже возбуждать въ немъ воодушевленіе. Не смотря, на это, конечно, не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь политическомъ самоуправленіи, о какомъ-нибудь благоразумномъ трактованіи предмета, стоящаго на очереди, для этихъ сплоченныхъ, стоящихъ подъ военной командой и совершенно отвыкшихъ отъ обсужденія политическихъ вопросовъ, массъ. Конечно, бывали случаи, когда народное войско отвергало предложеніе короля и вынуждало другое, пріятное для себя рѣшеніе. Но это были лишь исключенія; также неизвѣстно, на какія собственно основанія можно было свести это противодѣйствіе. Вѣрно, однако, что никогда не умирало воззрѣніе, что право и законъ могутъ реализоваться только благодаря совмѣстному дѣйствію короля съ народомъ. Король, по германскимъ понятіямъ, никогда не выступалъ изъ ряда земляковъ. Неприступность и богоподобіе римскихъ деспотовъ были всегда далеки отъ него. Преступленія противъ короля наказывались не необыкновеннымъ образомъ, а деньгами, а когда почти уже исчезло сословіе простолюдиновъ свободныхъ, его права все же не умерли, но перешли по наслѣдству дворянству, которое одно еще было политически дѣеспособнымъ.

Какъ предводитель на войнѣ, представитель правосудія и охра-

ель внутренняго и внѣшняго мира, король обладалъ принудительной
стью, банномъ, а надъ политически несовершеннолѣтними правомъ за-
ты. Съ этими правами, область которыхъ, такъ какъ они никогда не
ли твердо ограничены, могла по желанію быть расширена, первые мero-
нги господствовали и распредѣляли новыя отношенія. Безъ народа не
ли они, правда, издать ни одного закона, однако-же могли въ силу
ва банна создавать распорядки, которые заступали мѣсто закона или
дѣлали его безсильнымъ. Это было время насильственнаго развитія, и
ли только король обладалъ силой, онъ обладалъ и правомъ.

Однако, средства его могущества необыкновенно разрослись во вре-
ка завоеваній. Они проистекали изъ германскаго и римскаго источника.
старой судебной и военной власти короли прибавили право взиманія
датей и конфискаціи имущества. Римская земельная и подушная подать,
торую они стали взимать по прежнему способу въ болѣе широкихъ
лѣхъ, давала вначалѣ, правда, еще богатые сборы; но зато, не только
удалась попытка распространить ее на франковъ, но и на римской
ѣ, мало-по-малу, долженъ былъ изсякнуть этотъ источникъ, по мѣрѣ
го, какъ расширявшееся натуральное хозяйство вытѣсняло прежнее де-
ное хозяйство римлянъ. Такимъ образомъ, управленіе короля опира-
ось почти исключительно на доходы богатаго земельнаго фонда, который
ыпалъ ему на долю, благодаря занятію всѣхъ римскихъ государственныхъ
ластей и большихъ массъ безхозяйнаго добра, и при посредствѣ права
онфискаціи еще постоянно увеличивался.

Но насколько велики были эти владѣнія, настоль трудна ихъ эксплуа-
нія. Такъ какъ золото все больше переставало быть всеобщей мѣрой
ѣны, то, въ концѣ концовъ, и король могъ награждать услуги своихъ
иновниковъ и вельможъ не иначе, какъ натуральнохозяйственными да-
ніями, т. е. раздачей земли, при эксплуатаціи которой онѣ могли оста-
аться невредимыми. Но это было все же очень опаснымъ средствомъ.
йствительно, какимъ образомъ можно было предотвратить то, чтобы съ
млей не ушли также и люди, которые на ней жили и права, которыя
ъ ней тяготѣли? И на самомъ дѣлѣ вещи приняли такое развитіе. Уже съ
льмого вѣка чиновники и вельможи умудряются дѣлать наслѣдствен-
ыми полученныя ими отъ короля должности, имущества и права. Этимъ
ало положено основаніе государственно-подобнымъ образованіямъ вну-
ри государства. Но было-бы несправедливымъ дѣлать Меровинговъ однихъ
твѣтственными за это. Конечное основаніе лежало въ системѣ нату-
льнаго хозяйства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ совершенномъ отсутствіи опыт-
ости относительно того, какимъ образомъ основать на однихъ нату-
льнохозяйственныхъ средствахъ управленіе такимъ обширнымъ госу-
рствомъ съ столь затруднительными путями сообщенія и съ столь же
удными контролемъ. Это гибельное развитіе было ускорено, во всякомъ
учаѣ, уже потомъ дурнымъ управленіемъ третьяго поколѣнія Меровин-
въ. Разсматривая государство, какъ частное владѣніе, созданное лишь
ля удовлетворенія ихъ необузданныхъ страстей, вступали они обыкно-
енно уже при раздѣлѣ наслѣдства въ ссоры и войны другъ съ другомъ,
черезъ это въ затрудненія, изъ которыхъ успѣвали выпутаться
олько чрезъ посредство раздачи казавшихся неисчерпаемыми сокровищъ

короны угодливымъ вельможамъ. Они жили изо дня въ день, безъ мысли о будущемъ и безъ общихъ интересовъ и поступали, какъ люди, которые, вмѣсто того, чтобы жить на проценты, проживаютъ капиталъ. Такимъ образомъ, не было ничего удивительнаго, что, въ концѣ концовъ, они оказались банкротами и должны были уступить господство болѣе сильному роду Каролинговъ. Заслуга этихъ послѣднихъ заключается въ томъ, что они связали раздачу земли крѣпкими формами, которыми были охранены интересы государства (насколько это еще было возможно при существовавшихъ обстоятельствахъ).

Важнѣйшимъ политическимъ чиновникомъ былъ графъ; область его управленія была волость. Эта послѣдняя обнимала обыкновенно часть области, принадлежавшей народности, или, при меньшихъ народностяхъ, даже и всю область. Сами волости распадались снова на сотни и сильно различались между собою по величинѣ, числу и роду населенія и хозяйственнаго значенія. Графъ управлялъ въ качествѣ замѣстителя короля, который его поставилъ и во всякое время могъ отставить. Онъ собиралъ подати со всѣхъ сотенъ своей волости и доставлялъ ихъ королю. Каждый свободный, обладалъ-ли онъ земельными владѣніями или нѣтъ, былъ обязанъ военной службой. Почти ни одинъ годъ не проходилъ безъ войны, и часто при этомъ шло дѣло о цѣляхъ, которыя большинству свободныхъ были непонятны или безразличны. Часто велись эти войны въ отдаленныхъ странахъ, и человѣкъ, котораго постигалъ призывъ графа, былъ отрываемъ на недѣли и мѣсяцы отъ своего хозяйства, при томъ же онъ долженъ былъ втеченіи похода прокармливать себя самого и заботиться о платьѣ и оружіи. Вторгался въ страну непріятель, раззорялись жатвы и дома, уводились скотъ и рабы. Все это были потери, которыхъ никто не замѣщалъ. Правда, не каждый годъ призывались всѣ свободные, но часто—лишь часть ихъ, сообразуясь съ надобностью и преимущественно въ такихъ областяхъ, которыя были близки къ театру войны. Тѣмъ не менѣе, воинская повинность была для мелкаго крестьянскаго сословія удручающимъ бременемъ, подъ которымъ многіе падали.

Не менѣе тяжелой была судебная повинность. Старый сотенный судъ, такъ называемый «настоящій судъ» (echte Ding) или волостной, происходилъ въ каждой области отъ 8 до 9 разъ въ годъ, такъ что если волость, напр., состояла изъ четырехъ сотенъ, каждая изъ нихъ была обязана два раза выставлять общество для (обязательнаго всегда для всей волости) суда. Гораздо чаще еще, обыкновенно каждыя двѣ недѣли, происходило старостскій судъ (gebotene Ding). При обѣихъ повинностяхъ должны были присутствовать всѣ полноправныя свободныя сотни, при «настоящемъ судѣ» даже три дня подрядъ. Кто отсутствовалъ безъ серьезной нужды или же уклонялся, подпадалъ тяжелому штрафу. Настоящій судъ собирался на старо-заведенныхъ мѣстахъ подъ предсѣдательствомъ графа, который со времени Хлодвига вытѣснилъ стараго, свободно-избиравшагося народнаго чиновника, тунгина (tiuna), и судилъ во всѣхъ процессахъ, въ которыхъ дѣло шло о жизни, свободѣ и земельной собственности. Старостскій судъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ сотеннаго представителя, центенарія или сельскаго старосты, который былъ назначаемъ гра-

фомъ при содѣйствіи общины. Онъ не былъ связанъ мѣстомъ и временемъ и занимался болѣе мелкими спорными вещами, которыми не могъ или не имѣлъ права заниматься графскій судъ.

Штрафы этихъ судовъ были необыкновенно высоки. Которая изъ сторонъ пропускала срокъ, должна была заплатить 15 солидовъ, или 15 коровъ, или 5 быковъ и одну корову. Кто убивалъ франка, платилъ 200 коровъ или 100 быковъ, каждое сильное поранѳніе глаза, носа, ушей или ногъ вознаграждалось 100 коровъ, а каждый ударъ—одной коровой. Бранное слово «ты заяцъ»! стоило 6 коровъ, а ложное обвиненіе, что бросилъ свой щитъ, 3 коровъ. Кто не могъ платить, брался въ залогъ и считался должникомъ. Если взвѣсить высоту этихъ и подобныхъ имъ штрафовъ, которые легко могли поглотить среднее состояніе, далѣе частое повтореніе судебныхъ засѣданій, которыя отнимали у каждаго рабочее время тридцати и болѣе дней въ году, и, наконецъ, опасность самого процесса, гдѣ простая оплошность въ выраженіи и жестѣ вела къ потерѣ даже самаго справедливаго дѣла, то нужно будетъ сказать, что, благодаря всему этому, свободные, въ особенности, мелкіе собственники, были отягощены въ высшей степени.

Еще тяжелѣе сдѣлалась эта тягость благодаря злоупотребленіямъ, которыя, обыкновенно, графы допускали при своей военной и судебной власти. Громко и часто жаловались, что эта послѣдняя для нихъ лишь средство, чтобы повергнуть ничтожнаго крестьянина штрафами и придирками всякого рода въ долги и отчаяніе, чтобы присвоить себѣ его рухлядишку и землишку. Несомнѣнно, самая сущность этого военнаго и судебнаго порядка сильно обусловила исчезновеніе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія и тревожный наплывъ крупныхъ помѣстій, но не это было главной причиной сказанныхъ превосходящихъ все остальное по значенію, явленія того времени, они были обусловлены скорѣе общимъ положеніемъ хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ обстоятельствъ съ шестого до десятаго вѣка.

Франкскіе короли при завоеваніи Галліи разбили значительное количество римскихъ латифундій на маленькія сошныя помѣстья для своихъ свободныхъ. Вездѣ, гдѣ эти послѣдніе сидѣли достаточно плотно, они придерживались родного учрежденія—марковой общины и, несомнѣнно, первыя поколѣнія нашли въ немъ поддержку для сохраненія ихъ хозяйственной самостоятельности. Но въ прогрессирующей странѣ общинное земледѣліе по способу предковъ не было болѣе возможнымъ: каждая отдѣльная личность должна была хозяйничать сама и видѣть, какъ она справлялась съ новыми обстоятельствами. Къ этому присоединилось и то, что владѣлецъ сохи съ шестого вѣка пріобрѣлъ гораздо большое право распоряженія своимъ имуществомъ, чѣмъ прежде. Соха была наслѣдственна не только сыну, но и внуку и брату; она дробилась, становилась больше или меньше, не оставалась тѣмъ, чѣмъ была и должна была быть—полной, недѣлимой наслѣдственной собственностью правоспособнаго человѣка, которая давала ему возможность исполнять свои общественныя обязанности. Между когда-то равностоящими въ хозяйственномъ отношеніи земляками возникла противоположность богатаго и бѣднаго. Если одни обладали значительными крестьянскими имуществами, то другіе должны были

удовлетворяться малымъ имуществомъ и изнемогали отъ требованій государства. А тѣ, кто не имѣлъ ничего, не могли уже, какъ прежде, отправляться въ лѣсъ и расчищать новыя пашни: такихъ лѣсовъ давно уже болѣе не было въ староримской культурной странѣ. Имъ не оставалось другого убѣжища, какъ служба у вельможъ.

У франковъ, ко времени ихъ переселенія, не было дворянства; оно возникло лишь вслѣдствіе и втеченіи завоеванія изъ многочисленныхъ слугъ и помощниковъ королей, услугами которыхъ эти послѣдніе не могли не пользоваться при своихъ широкозадуманныхъ предпріятіяхъ. Сюда принадлежала, прежде всего, свита, а потомъ политическія и частныя должностныя лица короля. Къ этому чиновному дворянству присоединились впослѣдствіи потомки старыхъ римскихъ сенаторскихъ фамилій, которые принадлежа, собственно, къ покореннымъ и полусвободнымъ, все же выдвигались впередъ, благодаря богатству и образованію, а обладая епископскими и высшими священническими мѣстами, по этой самой причинѣ были отличены тройной вирой свободныхъ людей, истиннымъ признакомъ дворянства. Въ рукахъ всѣхъ ихъ и находилось крупное земле-владѣніе.

Имѣнія этихъ вельможъ, обыкновенно, не лежали плотно одно подлѣ другого, а въ пестрой черезполосицѣ съ чужими владѣніями; это совпадало съ тѣмъ способомъ, какъ эти имѣнія соединялись подъ одною рукою. Такая разбросанность положенія препятствовала, счастливымъ образомъ, возникновенію латифундіальнаго хозяйства римскаго образца. Можетъ-быть, все владѣніе разбивалось на рядъ отдѣльныхъ дворовъ и деревень, которыя управлялись не изъ одного, а изъ многихъ центральныхъ пунктовъ.

На этихъ имѣніяхъ сидѣла масса несвободныхъ людей, которые обработывали поля и занимались мало еще развитыми ремеслами. Рядомъ съ ними стояли полусвободные, которые хозяйничали на свой собственный счетъ за процентную и рабочую плату. Въ подобное же отношеніе вступилъ и обѣднѣвшій свободный, въ качествѣ-ли арендатора господской земли, или съ отдачей господину верховной собственности надъ своимъ участкомъ и принятія его обратно для дальнѣйшаго хозяйствованія за процентную плату. За это господинъ поддерживалъ его при исполненіи военныхъ и судебныхъ обязанностей и во время хозяйственной нужды. Свободный, становясь такимъ образомъ зависимымъ отъ господина, сохранялъ, однако, свою свободу. По закону онъ и теперь еще долженъ былъ исполнять военныя и судебныя обязанности, на самомъ-же дѣлѣ и въ тѣхъ и другихъ поддерживалъ или даже заступалъ его господинъ. И если онъ, такимъ образомъ, высвобождался отъ своихъ гражданскихъ обязанностей, не было вовсе дивомъ, что онъ, или его потомки потеряли наконецъ также и гражданскія права, т. е. свободу, что они спустились на ступень «менѣе свободныхъ» людей земельнаго собственника. Этотъ послѣдній обладалъ издревле правомъ защиты и наказанія надъ своими крѣпостными; онъ отвѣчалъ за поврежденія, которыя они производили, и мстилъ за тѣ, которыя они получали, онъ наказывалъ ихъ по свободному желанію. Въ этихъ правахъ лежалъ уже зародышъ будущаго вотчиннаго суда. Развился онъ вполнѣ лишь въ десятомъ вѣкѣ, но зачатки его тянутся далеко назадъ вплоть до седьмого и шестого столѣтія. Вотчинному суду подчинился въ

концъ концовъ первоначально свободный человѣкъ, и съ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ступевывается въ классѣ несвободнаго населенія.

Это развитіе начинается ранѣе всего въ германо-романскихъ частяхъ страны и продолжается, медленно двигаясь на востокъ—въ нынѣшнюю Германію, вплоть до десятаго вѣка. Напрасно Карлъ Великій пытался остановить его своимъ законодательствомъ, онъ также не могъ уже болѣе сообщить обратный ходъ послѣдствіямъ его, разрушительнымъ для государства,—возникновенію леннаго порядка. Въ феодальномъ государствѣ договоръ заступилъ мѣсто закона. Вассалъ обѣщаетъ, какъ частное лицо, рукобитіемъ вѣрность, т. е. помощь въ войнѣ и во всякой нуждѣ. Но дѣлая это, онъ уже впередъ получаетъ награду за услуги, которыя онъ еще имѣетъ оказать, награду, въ видѣ земли съ правами относительно ея и съ людьми на ней, на судьбу которыхъ государство уже потеряло свое вліяніе. Если вассалъ нарушалъ вѣрность,—нарушалъ договоръ, государство не имѣло никакого другого средства обуздать его, какъ войну. Но вассалъ совершенно независимъ, если ему удалось провести наслѣдственность своихъ леновъ. Это совершенный крахъ общественной власти государства передъ частными властями вельможъ. Таковъ былъ конечный результатъ политическаго развитія франкскаго государства.

Какъ ни было разрушительно для государства изчезновеніе большинства свободныхъ, для нихъ самихъ поступленіе подъ охрану вельможъ было все же неизмѣримымъ благодѣяніемъ: они спасли этимъ свое хозяйственное иоложеніе. Одновременно поднялось значеніе несвободныхъ людей, къ которымъ они приблизились. Каждое изъ земельныхъ владѣній было въ тоже время для себя культурнымъ центромъ. Земледѣліе, садоводство, лѣсоводство и луговодство стали богаче и разнообразнѣе, ремесла начали разнообразиться и раздѣляться. Земельные владѣльцы держали для увеличенія своего могущества большія толны хорошо вооруженныхъ и искусныхъ воиновъ. Такимъ образомъ была нужда въ дѣятельныхъ силахъ всякаго рода, и вездѣ ихъ находили и брали изъ числа несвободныхъ; черезъ это же возрастало ихъ значеніе и соціальное положеніе. Этотъ ростъ нашелъ свое выраженіе въ возникновеніи вотчиннаго суда. Этотъ судъ охранялъ несвободныхъ не только другъ отъ друга, но и прежде всего противъ самого господина. Если этотъ послѣдній могъ раньше называть своихъ людей по личному произволу, то теперь онъ увидѣлъ себя передъ рамками, перешагнуть которыя не смѣлъ. Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что большія массы населенія государства, многочисленные классы несвободныхъ, полусвободныхъ и свободныхъ поселенцевъ, при послѣднихъ Каролингахъ были гораздо лучше обставлены въ соціальномъ хозяйственномъ и правомъ отношеніи, чѣмъ во время Меровинговъ. Въ этомъ лежитъ великій культурный прогрессъ этого періода.

Англія.

Составилъ профессоръ д—ръ *E. Mogk.*

По ту сторону канала простирается могучее островное государств восточную часть котораго Цезарь называлъ Британніей, а западную—Ги берніей. Кельты, которые отдѣлились отъ своихъ южныхъ сородичей, на селяли здѣшнія страны; на югѣ сидѣли бритты, область которыхъ дости гала обоихъ великихъ Феордовъ (Firde), гдѣ позже нашло свой конец римское господство. Ихъ культура была, насколько можно заключить из скудныхъ извѣстій, тою же, какъ и ихъ южныхъ сородичей, галловъ, с которыми они остались въ постоянныхъ сношеніяхъ. Они занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, стояли подъ господствомъ могущественнаг дворянства и всесильнаго духовенства—друидовъ, и привыкло враждоват другъ съ другомъ. Позднѣе, когда свобода ихъ была уничтожена римля нами и англосаксами, ихъ языкъ жилъ еще въ видѣ трехъ діалектовъ кимрійскаго въ Уэльсѣ, корнійскаго въ Корнуэльсѣ и бретонскго въ ны нѣшней Бретани, куда скрылись въ 5 и 6-мъ столѣтіи кельты Южно Британіи.

Въ то время, какъ эти народы въ первые вѣка нашей эры два раз перемѣнили своихъ господъ,—въ то время, какъ въ ихъ страну вторгласъ римская и англосаксонская культура,—кельтскія племена на высотах Шотландіи и Ирландіи передъ введеніемъ христіанства остались нетрону тыми чуждой культурой. Тамъ сидѣли каледонцы, или пикты, какъ их называли позднѣйшіе писатели, здѣсь гиберны, позднѣйшіе скотты иры. Языкъ ихъ былъ гэльскій, который развѣтвлялся на ирландско гэльскій и шотландско-гэльскій. Характерно для него, что онъ сохранил древній индогерманскій заднеязычный звукъ тамъ, гдѣ другія кельтскі нарѣчія имѣютъ губной звукъ; они знаютъ ceap верхушка, глава, у брит товъ pen, какъ это ясно изъ mons Peninus. Шотландскіе кельты были силь нымъ, грубымъ народомъ съ рыжеватыми волосами,—воинственное племя передъ которымъ современемъ не устоялъ даже римскій валъ. Ирланд скіе кельты также раздѣляютъ свойства характера своихъ сородичей они храбры, какъ и эти послѣдніе, и легко возбуждаемы, но быстр теряютъ энергію, коль скоро имъ не удаются ихъ планы. Со своего остров протѣснились они на востокъ и здѣсь соединились съ пиктами. Однак на ихъ родинѣ, прекрасномъ зеленомъ островѣ, рано уже развилась высо

ая культура, которая была оплодотворена раннимъ введеніемъ христіанства и достигла высокаго процвѣтанія.

Эта ирландская культура существенно отличается отъ римской, которая тогда господствоавла въ большей части западныхъ странъ. Вслѣдствіе своей легко возбудимой фантазіи ирландецъ болѣе идеалистъ, чѣмъ реалистъ; его стремленія направлены болѣе на духовныя вещи, чѣмъ на предметы практической жизни. Уже въ первые вѣка нашей эры мы находимъ у ирландцевъ своеобразную письменность, похожую на германскія руны, и употребляемую, какъ и эти послѣднія, главнымъ образомъ для могильныхъ надписей на камняхъ. Она состоитъ изъ точекъ и маленькихъ горизонтальныхъ штриховъ, которые прислоняются то справа, то слѣва, къ длинному вертикальному штриху, или «канту» (шнуру) камня. Это— Ogham, согласно съ сагой — изобрѣтеніе Огмы, имя котораго напоминаетъ галльскаго бога краснорѣчія, Огмія. Когда позднѣе, благодаря христіанству, латинскій алфавитъ нашелъ себѣ пріемъ и распространеніе, то и онъ былъ значительно измѣненъ ирами. Буквы въ новомъ видѣ перешли къ англосаксамъ, по которымъ онѣ, обыкновенно, называются англосаксонскими. У ирландцевъ, въ особенности, процвѣтала поэзія. Ихъ барды пѣли свои пѣсни подъ аккомпаниментъ арфы передъ королями, князьями или же передъ дворянствомъ. Это были частью лирическія произведенія, частью хвалебныя пѣсни, частью отрывки изъ ирландской героической саги. Послѣдніе большею частью разсказывались въ прозѣ; только тамъ и здѣсь проскальзывали строфы. Прежде всѣхъ пѣснь возвеличивала героевъ, которые дѣйствовали при короляхъ Ульстера. Въ центрѣ этого ульстеровскаго цикла преданій стоялъ Кухулиннъ, который, по позднѣйшей передачѣ, долженъ былъ жить около времени рожденія Христа. Съ его единственнымъ единокровнымъ братомъ и позднѣйшимъ соперникомъ Ферліакъ-макъ-Домайномъ связались въ 7 вѣкѣ черты, которыя перешли въ Ирландію съ германскимъ Зигфридомъ.

Въ исходѣ 4-го вѣка было проповѣдано ирландцамъ святымъ Патрикомъ Евангеліе. Теперь вмѣстѣ съ христіанствомъ вступила и римская культура, многочисленные ирландскіе монастыри были ея обычными мѣстами. Семь свободныхъ искусствъ ревностно здѣсь изучались, въ особенности астрономія и математика. Отцы церкви переводились и комментировались, священное писаніе должно было быть прочитано каждымъ монахомъ, который хотѣлъ принять посвященіе. Такимъ образомъ Ирландія во времени великаго переселенія оказалась страною, которая должна была сохранить на западѣ греко-римскую культуру. Здѣсь занимались греческимъ,—даже короли понимали этотъ языкъ, — читали стихотворенія Горація, Овидія, Виргилія, произведенія Ливія, Присціана и другихъ римскихъ писателей. Наряду съ наукой и искусство находило особенныя поощренія. Съ зари до ночи развлекались пѣніемъ и игрою на арфѣ. Особенно процвѣтало церковное пѣніе. Поэтому въ западныхъ странахъ учителя пѣнія вызывались изъ Ирландіи. Другими искусствами, нашедшими здѣсь распространеніе, были живопись и скульптура. Ирландскія рукописи содержали прелестныя миніатюры. Въ этомъ также ирландцы стали учителями остальной Европы, такъ-какъ ихъ проповѣдники и странствующіе монахи переносили съ собой развитое ими искусство на материкъ. Новая

орнаментика образовалась въ Ирландіи, которая не была навѣяна ни Римомъ, ни Византіей, ни какимъ бы то ни было германскимъ народомъ. Переплеты книгъ содержали головки животныхъ, рыбы и хвостъ, откуда развилась совершенно своеобразная животная орнаментика, которая лишь въ X вѣкѣ уступила болѣе природному изображенію живыхъ существъ.— Поэзія также пользовалась у ирландцевъ большимъ почетомъ. Нигдѣ въ Европѣ поэзія въ VII и слѣдующихъ вѣкахъ не была такъ дома, какъ въ Ирландіи. Ирландскихъ поэтовъ находимъ мы поэтому при дворѣ франкскихъ королей; одинъ Hiberius exul воспѣлъ при дворѣ Карла Великаго побѣду франкскаго короля надъ Тассилономъ Баварскимъ, Sedulius Scotus возвеличилъ одного за другимъ Карла Лысаго, Лотаря и Людвига Нѣмецкаго. Подобный родъ поэзіи культивировали ирландцы уже у себя на родинѣ. Большая часть этихъ стихотвореній построены очень художественно: они состояли обыкновенно изъ длинныхъ стиховъ, которыя попарно риѳмовали другъ съ другомъ. Наряду съ ними жила еще и героическая пѣснь.

Обладая, такимъ образомъ, массой идеальныхъ сокровищъ, ирландецъ имѣлъ мало смысла и дара находчивости въ практическихъ вопросахъ жизни. Совмѣстное житье въ обширныхъ мѣстностяхъ было неизвѣстно ирландцамъ, къ торговлѣ у нихъ не было никакого интереса, лишь норвежцы выучили ихъ основывать города и воздвигать порты. Ихъ жилища состояли большею частью изъ маленькихъ круглыхъ башенъ, лишенныхъ всякаго блеска, и равнымъ образомъ не знали они монетъ. Искусство ковать оружіе является у нихъ также незначительнымъ: они получили боевой топоръ лишь чрезъ норвежцевъ. Ихъ челны, такъ называемые Curraghs, были малы и приспособлены собственно лишь для берегового плаванія. Они, однако, отваживались выходить на нихъ далеко въ море, такъ какъ болѣе чѣмъ другому народу, ирландцамъ было свойственно стремленіе къ одиночеству и на чужбину. Въ этомъ стремленіе оказались они тѣми, кто прежде другихъ открыли и заселили Фарэрскіе острова и Исландію, такъ-какъ, когда въ IX вѣкѣ на эти острова пришли норвежцы, они нашли здѣсь христіанъ и узнали по книгамъ, колоколамъ и искривленнымъ палочкамъ, что это были ирландцы. Въ рѣзкой противоположности съ этими кельтами европейскаго Сѣвера стоятъ германскія народности тѣхъ странъ, которыя многообразно приходили въ соприкосновеніе съ кельтами: англосаксы и скандинавы.

Англосаксы въ Британніи.

Потокъ великаго переселенія народовъ захлеснулъ свои волны вплоть до Кимврійскаго полуострова. Здѣсь сидѣли, подлѣ датчанъ, юты, англы, саксы. Они также снялись въ исходѣ IV и въ V столѣтіи со своихъ мѣстъ, предпринимали разбойничьи и разрушительные походы на западъ на фризійскій и галльскій берегъ, доходя до Британніи. Вначалѣ римскіе легіоны въ союзѣ съ бриттами отбрасывали ихъ назадъ; когда же римляне покинули островъ, и пикты и скотты сѣвера возобновили съ удвоенной энергіей свои старые набѣги, бритты сами призвали въ свою

ду незначительныхъ германскихъ королей, чтобы съ ихъ помощью от-
ть болѣе искусныхъ въ военномъ дѣлѣ сородичей. Но помощники въ
ть скоро сдѣлались господами страны. Послѣ того, какъ ихъ первые
лишки утвердились въ Кентѣ, начинается англосакское вторженіе.
о середины V столѣтія слѣдуетъ одна германская толпа за другой;
онѣ стремятся на новую родину, на новыя поселенія. На югѣ и во-
ъ осѣдаютъ преимущественно саксы и юты, въ то время какъ на
ѣ англы основываютъ свое новое мѣстожительство. Разгорѣлась упор-
борьба съ бриттами, германцы тѣснились все дальше на западъ, пока,
нецъ, за исключеніемъ гористаго запада, не сдѣлались господами всего
ова. По старогерманскому обычаю эти толпы стоятъ подъ властью
ихъ королей. Такимъ-то образомъ возникаетъ здѣсь большое количе-
маленькихъ, независимыхъ королевствъ, властители которыхъ стре-
я расширить свою область въ борьбѣ съ бриттами или собственными
дичами. Между этими незначительными королями въ VI вѣкѣ возвы-
тся нѣкоторые надъ своими родственниками и соединяютъ подъ сво-
скипетромъ многія маленькія королевства. Историки позднѣйшихъ сто-
й называютъ этихъ возвысившихся мелкихъ королей Bretwalda, шесть
семь изъ которыхъ приводятся Бэдой и поздними лѣтописцами. Въ
е раннее время подъ ихъ властью выступаютъ на первый планъ осо-
ю ютскій Кентъ и англійская Нортумбрія, которая возникла изъ ко-
вствъ Берниціи и Дейры. Когда они сыграли свою роль, ихъ смѣнили
VII и VIII столѣтіяхъ англійская Мерсія и саксонскій Вессексъ, коро-
тво, расположенное далѣе всего на западъ. Между этими обоими по-
дними царствами дошло до продолжительной сильной борьбы за геге-
ю, которая окончилась въ 825 году битвой при Эллюндунѣ, въ кото-
Беорнвульфъ изъ Мерсіи былъ разбитъ Эгбертомъ Вессекскимъ. Вскорѣ
ѣ этого мы находимъ Эгберта Вессекскаго въ качествѣ властителя,
ѣдъ которымъ склоняются другіе короли, даже если они, какъ напри-
ъ короли Нортумбріи и Восточной Англіи, еще продолжаютъ носить
олевскій титулъ и сохраняютъ господство надъ своимъ царствомъ.

Ко времени, когда Эгбертъ достигъ верховной власти надъ англій-
ми и саксонскими царствами [1]), въ странѣ повсемѣстно процвѣтала не
ачительныя культура, которая развилась именно послѣ введенія хри-
ства и благодаря сношеніямъ съ Западомъ и кельтами Сѣвера.

Но она скоро должна была померкнуть, такъ-какъ уже при Эгбертѣ
ались вторженія датчанъ, которыя, увеличиваясь при слѣдующихъ вла-
телѣхъ, повели за собой время упадка въ новомъ государствѣ, пока
фредъ Великій не поставилъ, во второй половинѣ VIII вѣка, препят-
іе дальнѣйшему упадку.

Религія англосаксовъ.

Когда германскія племена разселились въ Британіи, они были еще
чниками. Они почитали, какъ и другіе нѣмецкіе и сѣверогерманскіе

[1]) Названіе „англосаксы“ (Anglisaxones) относится къ Павлу Діакону, ко-
ый впервые употребляетъ его въ своемъ Origo gent. Langob. IV, 22. VI. 15.

народы, массу боговъ, изображенія которыхъ они себѣ дѣлали и кот
рымъ воздвигали храмы. Во главѣ ихъ находился Воданъ, который у
на родинѣ стоялъ въ центрѣ культа. Сначала богъ вѣтра, сдѣлался он
въ Сѣверной Германіи высшимъ божествомъ и въ особенности богомъ войны
Отъ него короли различныхъ царствъ ведутъ свой родъ. Ему посвящ
четвертый день недѣли, ему приписывалось изобрѣтеніе магическихъ зн
ковъ, рунъ, онъ—богъ лукавства и хитрости. Повсюду находятся город
которые названы по его имени.—Рядомъ съ нимъ почитали старогерма
скаго бога неба *Tiw* подъ различными наименованіями. Въ Tiwesdaeg
четвергъ, продолжаетъ онъ жить подъ первоначальнымъ названіемъ; ря
домъ съ этимъ онъ является, какъ Ear и Saxneat (Schwertgenosse—
товарищъ по оружію). Вѣроятно, и богъ грома Thunor почитался ан
лами и саксами, какъ показываетъ названіе пятаго дня недѣли, которы
ему посвященъ. Наряду съ этими божествами можно бы назвать еще н
которыхъ другихъ, которыхъ не упоминаютъ скудные источники и
древнѣйшаго христіанскаго времени. — Наряду съ вѣрой въ высшія ли
ныя существа продолжалась также по старому и вѣра въ демоновъ и д
ховъ, которые представлялись, какъ чудовища, Eoten (великаны), эль
и т. д.

Они жили въ лѣсахъ, ручьяхъ и потокахъ, въ горахъ и камнях
священныхъ деревьяхъ, и здѣсь принимали возліянія и жертвы. — На
судьбой людей висѣла сила судьбы, Vyrdh, которая связывала и разр
вала жизненныя нити людей.—Какъ у всѣхъ другихъ германскихъ н
родовъ, такъ и у англосаксовъ колдовство играло выдающуюся роль. О
примѣнялось при всѣхъ болѣзняхъ, улучшало или ухудшало погоду, изго
няло и прогоняло демоновъ, оплодотворяло поля и помогало находить вор
который завладѣлъ чужой собственностью.—Жизнь послѣ смерти для а
глосаксовъ походила на жизнь на этой землѣ. Душа, которая достига
при посредствѣ сожженія труповъ заоблачнаго міра, продолжала тамъ сво
жизнь подобнымъ же образомъ, какъ и на землѣ. Поэтому умершему д
вали съ нимъ вмѣстѣ въ могилу его оружіе, украшенія, сосуды, коро
все, чѣмъ онъ здѣсь пользовался, что ему здѣсь было дорого.

Съ этой древнеязыческой вѣрой и этими представленіями лег
могли смѣшаться, уже рано послѣ завоеванія Британіи, и христіанск
представленія. Сношенія съ христіанскими бриттами, торговыя и полит
ческія сношенія съ франками, брачные союзы англосаксонскихъ корол
съ христіанками не могли остаться безъ всякаго вліянія на религіозны
представленія англосаксонскаго народа. Поэтому также и среди него о
разовалась довольно скоро христіанская партія, когда въ исходѣ VI вѣк
Григорій I послалъ въ Британію своихъ миссіонеровъ, которымъ коро
не воспретили проповѣдывать. Отсюда начинается время религіозныхъ сп
ровъ. Что христіане не имѣли успѣха, какъ можно было бы ожидать
первымъ шагамъ, имѣло, главнымъ образомъ, свое основаніе въ упорст
древнѣйшихъ проповѣдниковъ, которые прежде всего защищали устано
ленное Римомъ время пасхальной вечери, въ то время какъ бритты
ихъ многочисленные приверженцы въ Нортумбріи придерживались стар
пасхальной жертвы. Такимъ образомъ дѣло дошло до недоразумѣ
между самими христіанами, которыя могли только усилить языческу

одность. Въ общемъ англосаксы стояли больше на сторонѣ бриттовъ, орыхъ мы находимъ даже почти вездѣ въ качествѣ ихъ учителей. же Освальдъ изъ Нортумбріи, который позднѣе былъ возведенъ римскою ковью въ національнаго святого англосаксонскаго народа, придержи-ся кельтскаго, а не римскаго христіанства. Но эти различные взгляды пасхальную вечерю отошли все же на задній планъ, пока Мерсія, зная опора язычества, играла вслѣдствіе своего могущества значитель-роль. Только, когда Пенда изъ Мерсіи въ 655 году потерялъ въ женіи при Лидсѣ противъ Освина изъ Берниціи побѣду и жизнь, и этимъ тавилъ сразу господство христіанскому дѣлу и партіи, вспыхнулъ по-ду пасхальный споръ, пока въ 664 году соборъ въ Стринесхалькѣ помогъ побѣдѣ римской пасхальной вечери.

Литература англосаксовъ.

Хотя христіанство въ болѣе древнее время вызвало мало перемѣнъ государственномъ устройствѣ, нравахъ, во всѣхъ жизненныхъ воззрѣ-хъ, литература приняла при немъ могучее развитіе. Уже введеніе ла-скаго шрифта, которому англосаксы преимущественно учились у ир-дцевъ, существеннымъ образомъ помогло этому. Они имѣли изъ своей ины таинственные знаки, руны, но эти послѣднія примѣнялись лишь чародѣйствѣ и предсказаніяхъ. Теперь, съ исхода VI вѣка, они стали ьзоваться новыми знаками для начертанія продуктовъ своего духа, своей зіи. А любителямм поэзіи англосаксы были уже на своей родинѣ, гдѣ ецъ, scôp, выступалъ въ хижинѣ князей и вельможъ и подъ аккомъ-иментъ арфы прославлялъ могучія дѣянія ихъ. Эти старыя пѣсни, ако, наслѣдовались лишь изъ устъ въ уста. Теперь онѣ были запи-ы и (чему нельзя удивляться при продолжительной устной передачѣ) ерполированы всевозможными вставками изъ древняго и поздняго вре-и, какъ языческаго, такъ и христіанскаго. Правда, только немного исано отъ древняго времени, но и отъ него сохранилось произведеніе, орое занимаетъ высокое мѣсто въ древне-германской литературѣ: это— съ о гаутскомъ князѣ *Беовульфѣ*, который приходитъ на помощь дат-му королю Хродгару и освобождаетъ его царственное жилище отъ оѣда-чудовища Гренделя, пѣсня о героѣ, который находитъ свою смерть е въ преклонномъ возрастѣ въ славной битвѣ съ дракономъ. Англы юты, вѣроятно, узнали эту сагу о Беовульфѣ отъ гаутовъ въ ны-ней Швеціи; на ихъ новой родинѣ она продолжала жить въ пѣснѣ. стихотвореніе пріобрѣтаетъ для насъ значеніе особенно тѣмъ, что оно тъ намъ возможность заглянуть въ жизнь и бытъ англосаксонскаго ода.

На ряду съ этими немногими произведеніями древненаціональнаго рчества большая часть поэзіи англосаксонскаго времени—христіанско-ковнаго содержанія. Англосаксы вступали къ ирландцамъ въ школы и ченіе, они сдѣлались также и наслѣдниками ирландской науки и ли-атуры. Въ англійскихъ монастыряхъ занимались не только теологіей ерковными предметами, но изучали также поэтовъ древняго Рима и

переписывали ихъ. Различныя школы ученыхъ въ странѣ принимали бы
строе развитіе, какъ напр., кентерберійская, мальмсберійская, уермутска
іоркская и др. Здѣсь учились и жили люди, какъ *Алдъгельмъ*, которы
какъ поэтъ и музыкантъ, далъ не мало великаго, или *Бэда*, которо
мы обязаны не только древнѣйшей церковной исторіей его народа, но
иатурфилософскими, метрическими и грамматическими трудами, книгам
по времясчисленію и многимъ другимъ. Ихъ труды писались больше
частью по-латыни, но наряду съ этимъ развивалась богатая поэзія и
родномъ языкѣ. Такъ *Кэдмонъ*, по древней сагѣ призванный самимъ бо
гомъ во снѣ на путь стихотворства, пѣлъ о началѣ міра и человѣка,
воплощеніи Христа и его небесномъ царствѣ. Другіе передавали изящ
ными стихами Книги Ветхаго Завѣта, Бытія, Исходъ, книгу Юдиѳ
Псалмы и др. под., или же поэтизировали проповѣди и молитвы. Межд
поэтами VIII вѣка выдается особенно нортумбріецъ *Киневульфъ*, сначал
странствующій пѣвецъ, который развлекалъ при дворахъ всѣхъ своей з
годочною поэзіей, впослѣдствіи духовное лицо, которое возвеличило
своемъ *Христѣ* рожденіе, вознесеніе и второе пришествіе Спасителя
прославило пѣсней различныхъ святыхъ.

Въ исходѣ VIII и началѣ IX вѣка начинается упадокъ англосак
сонской поэзіи. Англы Нортумбріи были раньше народомъ, гдѣ поэзія
особенно процвѣтала. Но начались датскія вторженія, и, благодаря имъ, дал
нѣйшее процвѣтаніе поэзіи сдѣлалось почти невозможнымъ. Въ самой
странѣ, послѣ долголѣтней борьбы, предводительство перешло къ Вессексу
также и въ культурномъ отношеніи Вессексъ скоро долженъ былъ сдѣ
латься путеводителемъ. Альфредъ Великій доставилъ это мѣсто родной
провинціи. Когда онъ побѣдой надъ датчанами добился мира, его внима
ніе направилось на то, чтобы снова поднять одичалые нравы и развит
своего народа. Чужеземные ученые были призваны въ страну, а тузем
ные поддержаны и укрѣплены въ ихъ стремленіяхъ. Большое количеств
латинскихъ трудовъ переводилось на англосаксонскій языкъ, вслѣдств
чего расцвѣла англосаксонская проза, которая вскорѣ очень пригодилас
для законодательной и исторической литературы. Самъ Альфредъ выступает
переводчикомъ: онъ перевелъ историческій трудъ Орозія, трудъ Historia
ecclesiastica Бэды, сочиненіе Боэція «Объ утѣшеніи философіи» и др
Другіе слѣдуютъ его примѣру. Еще разъ оживляется поэзія: но эт
издается лишь старый матеріалъ въ разжиженной формѣ. Духовные мо
щились; лошади, собаки, охота и бражничанье доставляли имъ больше уд
вольствія, чѣмъ духовная работа. Поворотъ къ лучшему наступилъ лиш
тогда, когда около половины X вѣка *Дунстанъ* выступилъ съ своим
реформаторскими идеями и добился возвращенія духовенства къ стар
умѣренности и простотѣ. Опять были основаны школы, въ которыхъ на
ряду съ латынью усердно изучался также и родной языкъ; король Эд
гаръ (958—975) поддерживалъ эти стремленія. Въ особенности дѣятель
нымъ былъ Этельвульфъ въ Винчестерѣ. Изъ его школы вышелъ *Эль
фрикъ*, тотъ высокообразованный священникъ, который составлялъ грам
матическія сочиненія, писалъ гомиліи, перевелъ большіе отрывки из
Библіи, описалъ жизнь своего учителя Этельвольда и написалъ еще много
другого. Побуждаемый Эльфрикомъ, принимается еще разъ англосаксон

монахъ за писательскую работу и притомъ въ національномъ смыслѣ. уже выказываются слѣды новаго духа: вѣтеръ дуетъ черезъ каналъ приноситъ около 1000 года сѣмена, изъ которыхъ выростетъ рыцарская романтика среднихъ вѣковъ.

Страна и народъ.

Когда германскія народности материка овладѣли Британіей, они принесли съ собой на новую родину свое родное устройство и удержали его здѣсь втеченіи столѣтій. По древнегерманскому обычаю сперва при завоеваніи господствовали еще патріархальныя отношенія. Отецъ имѣлъ высшую власть надъ семьею, жена, дѣти и рабы стояли подъ его господствомъ. Женщина, однако, занимала важное, во всѣхъ отношеніяхъ достойное положеніе. Родственники держались самымъ тѣснымъ образомъ вмѣстѣ, образуя родъ (англ. maegdh), члены котораго селились другъ подлѣ друга въ hâm (сравн. мѣстности, какъ Birmingham). Родъ охранялъ личность и собственность каждаго изъ своихъ членовъ, а въ древнее время бралъ на себя и кровавую месть, если какому-нибудь сочлену была причинена обида. Въ своей совокупности родъ образовывалъ деревенскую общину, которая называлась у англовъ *by*, у Саксовъ—tûnscipe. При низкими условіями разселяющагося народа были земледѣліе и скотоводство. Земля и почва, необходимыя для этого, дѣлились совокупностью общины между отдѣльными членами. Для этой цѣли сходились на собранія, на которыхъ обсуждались также и другія внутреннія дѣла и на которыхъ предсѣдатель общины выбирался ею самой (tûngerêfa). Владѣнія отдѣльныхъ семей состояли изъ фамильныхъ и участія въ общинной землѣ. Нѣсколько общинъ вмѣстѣ образовывали волость или сотню, которая по берегамъ была невелюка, въ глубь же страны довольно объемиста. Сотня также сходилась въ опредѣленные сроки и на установленныхъ мѣстахъ (подъ священными деревьями, на горахъ, у ручьевъ) для общаго совѣщанія (hundredsgemôt). Но въ то время какъ дѣятельность общиннаго собранія—соціально-хозяйственная, дѣятельность сотни больше судебная. Она должна судить о всѣхъ правовыхъ обстоятельствахъ волости и даже рѣшать въ послѣдней инстанціи споры внутри общины. Въ болѣе старое время *вся* сотня объявляла окончательное рѣшеніе, въ болѣе позднее—эту задачу имѣли 12 свѣдущихъ въ правѣ людей (Schöffen). Какъ деревенская община, такъ и волостная выбирала своихъ чиновниковъ: hundredsealdor'а, который предсѣдательствуетъ, и hundredsman'а, который, съ помощью деревенской общины, долженъ приводить въ исполненіе принятое рѣшеніе.

Рядомъ съ деревенскими общинами свободной страны являются также уже рано городскія общины (burh), т. е. поселенія переселившихся германцевъ на уже имѣвшихся укрѣпленныхъ мѣстахъ, въ старыхъ британскихъ или римскихъ городахъ или лагеряхъ, позднѣе вблизи монастырей. Управленіе городской общины тоже самое, что и деревенской; также и здѣсь собраніе направлялось gerêfa. Но такъ какъ города раньше, чѣмъ вольныя села, вступаютъ въ зависимыя отношенія къ

мелкимъ королямъ, то предсѣдатель этихъ общинъ большею частью на
начался королемъ.

Съ VIII-го вѣка мы находимъ въ Англіи зачастую названіе sci
(shire), которое примѣняется къ епископскимъ епархіямъ или къ боль
шимъ округамъ. Съ Альфреда все государство было подраздѣлено на
«ширы». Свободные «ширы» сходились на сходки, которыя направлялись
ealdorman'омъ. Эти послѣднія совѣщались о войнѣ и мирѣ, объ измѣне
ніяхъ въ народныхъ законахъ, о дорогахъ и защитѣ округа. Предсѣда
тель, который наблюдалъ за рѣшеніями, имѣлъ также предводительство на
войнѣ.

Какъ и на родинѣ, переселявшіяся германскія племена Британіи
распадались на благородныхъ, свободныхъ, полусвободныхъ (литовъ или
лаццовъ) и рабовъ. Всѣ эти сословія приняли участіе въ переселеніи.
Свободные переселялись подъ предводительствомъ дворянства, поэтому и
на новой родинѣ находимъ мы дворянъ-предводителей мелкими князьями.
Бо́льшую массу составляли свободные, главною цѣлью которыхъ было
землевладѣніе. Литы были, главнымъ образомъ, вольнотпущенными рабами
или полусвободными, которые отдавались подъ руку кого-нибудь силь
наго. Рабы, наконецъ, были или привезенными со старой родины или за
покоренными на новой. Съ теченіемъ времени наступило, какъ и въ Гер
маніи, измѣненіе этихъ прагерманскихъ отношеній: свободный пріобрѣ
таетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ больше онъ имѣетъ владѣній, а ра
домъ съ нимъ возвышается до высокаго значенія королевскій «человѣкъ»
(Königsmanne, thegn).

Благодаря спеціальнымъ условіямъ, которыя влечетъ за собою за
воеваніе новыхъ странъ, возникла англосаксонская королевская власть,
которой на родинѣ не знали. Она развилась изъ древняго дворянства,
такъ какъ англосаксонскіе короли непремѣнно происходили изъ старыхъ
родовъ, которые вели свое происхожденіе большею частью отъ боговъ.
Эта королевская власть была наслѣдственна въ родѣ, но вельможи страны
(witan) все же не всегда назначали преемникомъ — старшаго сына
умершаго короля, но иногда брата, или какого-нибудь другого родствен
ника. Задачей короля было защищать государство и церковь и ограж
дать право. Это онъ могъ тѣмъ легче, что, обыкновенно, онъ былъ бо
гатѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ. Онъ не только обладалъ большими
родовыми помѣстьями, но получалъ также завоеванную землю и конфи
скованное имущество осужденныхъ преступниковъ. Кромѣ этого, ему при
надлежало право пользованія нераздѣленной государственной землей; онъ
получалъ часть штрафныхъ денегъ (королевская пеня) доходовъ съ ка
меноломенъ, съ пошлинъ, портовыхъ налоговъ, приморскихъ помѣстій и
др. Изъ этого имущества король награждалъ и содержалъ свиту (gesidh),
содержать которую онъ одинъ имѣлъ право и на которую король, именно
и опирался. Отважные юноши и мужи, большею частью благородные,
отказываются отчасти отъ своей личной свободы и поступаютъ на коро
левскую службу, давая королю клятву въ вѣрности, чѣмъ они обѣщаютъ
находиться при немъ въ счастливые и бѣдственные дни. Это—thegn. Такъ
какъ король—лицо, высшее въ государствѣ, они сами получаютъ повы
шенное значеніе, что выражается уже въ величинѣ виры, имъ опред

ой. Скоро добились они отъ короля также и земель: чрезъ это сдѣ-
сь они земельными собственниками, но остались и впослѣдствіи,
же какъ и раньше, въ тѣхъ же зависимыхъ отношеніяхъ къ своему
одину. Изъ этихъ королевскихъ людей, съ теченіемъ времени, разви-
, какъ и на германскомъ материкѣ, новое дворянство, служебное, ко-
е вытѣснило старое—родовое. Изъ этой же свиты выросли также ко-
вскіе чиновники, между которыми высшее мѣсто занимаетъ scîrgerêfa.
Король не былъ неограниченнымъ властителемъ. Около него стоялъ
ть вельможъ (witenagemôt), съ которыми глава государства обо
ть совѣщался и которые должны были также выбирать новаго короля.
ть совѣтъ вельможъ составлялся изъ епископовъ страны, древнихъ
родныхъ главарей, ealdormen, и опредѣленнаго числа королевскихъ му-
(cynigesthegn). Этотъ витенагемотъ обыкновенно собирался по боль-
ть церковнымъ праздникамъ и одинъ разъ осенью и совѣщался о за-
ахъ, о раздѣлѣ земель, о войнѣ и мирѣ. Онъ же выбиралъ новаго
ля по смерти стараго. И вотъ, благодаря этому, онъ получилъ зна-
льную силу, которую стремился расширить съ теченіемъ времени.
имъ образомъ, англосаксонское королевство рано уже было олигархи-
имъ королевствомъ.

Нравы и обычаи.

Лучшее проникновеніе въ нравы и обычаи англійскаго и саксон-
го народа въ Британіи даетъ намъ стихотвореніе о Беовульфѣ. Находки,
денныя въ землѣ и находящіяся въ англійскихъ музеяхъ, расширяютъ
дую картину. При этомъ оказывается, что римское вліяніе уже очень
о дало себя почувствовать этимъ германскимъ племенамъ, и что, съ
гой стороны, благодаря сношеніямъ съ ирландскими кельтами, куль-
а кельтовъ частью перешла къ англосаксамъ. Такъ культурное состояніе
го народа являетъ смѣсь германскихъ, римскихъ и кельтскихъ элемен-
ъ, которые не всегда можно рѣзко разграничить. Во всякомъ случаѣ,
лосаксы—народъ, достигшій уже высокой степени культуры, которая
вивается постоянно все дальше.

Жилища англосаксовъ были похожи на жилища сѣверныхъ герман-
ъ. Онѣ строились почти сплошь изъ дерева. Отдѣльныя балки скрѣп-
ись желѣзными скобами. Каждое жилище состояло изъ большой про-
анной залы, въ которой находились могучія колонны. На нихъ по-
лась крыша, которая снаружи нерѣдко была снабжена украшеніями.
большой залѣ примыкали маленькія горницы (bûr). У болѣе знатныхъ—
енная дорожка вела ко входу въ залу. Самый входъ замыкали боль-
двери, которыя поворачивались на петляхъ и вечеромъ запирались.
утри находился, прежде всего, каминъ, обложенный камнями, въ ко-
омъ горѣлъ огонь. По обѣ стороны его находилось досчатое возвыше-
на которымъ устраивались сидѣнья. Въ серединѣ возвышалось высо-
сѣдалище для хозяина дома, противъ него—для почетнаго гостя.
сь мужчины проводили часто цѣлые дни за пирами, въ шуткахъ и
ахъ; при веселыхъ и серьезныхъ разговорахъ. Вечеромъ та же зала

превращалась въ спальную: доски покрывались подушками и настил
на которыя и ложились мужчины. Съ ними лежали ихъ щиты, ш
копья. Скамейки бывали украшаемы рѣзной работой и золотомъ. На
пилахъ обыкновенно вѣшали побѣдные трофеи. Во время особенныхъ
днествъ стѣны зали увѣшивались пестрыми коврами.

Между тѣмъ какъ всѣ остальные мужчины проводили цѣлый
въ залѣ и здѣсь же вечеромъ ложились на покой, хозяинъ дома съ
ной уходили въ особую горницу. Таковая же предлагалась гостю,
рый своими подвигами заслуживалъ этого по мнѣнію хозяина. Всѣ
наты были на голой землѣ. Отверстія въ крышѣ выпускали дымъ
который непрерывно горѣлъ въ залѣ. Кровля, большею частью, какъ
жется, состояла изъ дерева, но все же отъ римлянъ узнали и по
черепичной кровли. Огонь въ каминѣ, который давалъ одновремен
теплоту, и свѣтъ, поддерживался дровами, которыя имѣлись въ изоб

Такъ, въ общемъ, устраивались жилища знати. Жилища просто
бодныхъ, вѣроятно, отличались не сильно; развѣ только въ убран
сказывалась большая или меньшая зажиточность. Въ главной ком
всего строенія, залѣ, происходили пиры и попойки. Иногда цѣлый
ѣли и пили. Главныя трапезы бывали утромъ около 9 часовъ и
полудня около 3. Вечеромъ время было неопредѣленнымъ. Обыкнов
сидѣли при этомъ за большимъ столомъ. Мужчины и женщины си
вперемежку. Блюда, которыя ѣли, были уже тогда различными у раз
ныхъ племенъ; съ теченіемъ времени онѣ неоднократно мѣнялись. Въ
лѣе древнее время преимущественно ѣли мясо, которое жарилось на
телѣ. Кромѣ того, ѣли ячменный хлѣбъ, масло, сыръ. Эти послѣдніе
меты были, повидимому, пищей слугъ, мясо—пищей свободныхъ людей. Нап
комъ служило молоко. Не рѣдка была рыба въ мѣстностяхъ, богат
водою. Особенно излюбленной сдѣлалась позже свинина. Она часто с
лась и потомъ просто варилась въ какомъ-нибудь сосудѣ. Встрѣчак
также упоминанія о курахъ и гусяхъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, та
подавали на столъ. Изъ овощей много разъ называются бобы.

Для разрѣзыванія пищи употребляли ножъ, который обыкнове
носили постоянно при себѣ. Вилокъ не знали. Подавались блюда въ бо
шихъ сосудахъ, вродѣ мисокъ, изъ которыхъ ѣли всѣ вмѣстѣ.—Такъ ка
при нѣкоторыхъ блюдахъ, вслѣдствіе отсутствія вилокъ, пачкались пальц
то, обыкновенно, послѣ стола мыли руки. Тоже часто бывало и передъ обѣдом

Большое удовольствіе находили въ попойкахъ, которыя начинал
непосредственно за пирами. Часто начинались онѣ уже рано и прод
жались до ночи. И послѣ введенія христіанства духовенство тоже отни
не отстало отъ этой старой привычки, какъ ни возставали противъ
болѣе серьезныя личности въ его средѣ. Главнымъ употреблявшимся
питкомъ были медъ и пиво. Первый добывался изъ сотъ, тогда ка
пиво (ealo, англ. ale) перегонялось изъ хлѣба (ячменя). Потомъ пили
болѣе крѣпкимъ или болѣе слабымъ, по желанію. Рано присоединило
сюда вельское пиво, напитокъ, заимствованный англосаксами отъ бриттов
Въ особенныхъ случаяхъ пили также и вино, съ которымъ познакомили
черезъ римлянъ и которое, вѣроятно, ими и ввозилось въ болѣе ран
эпохи.

Сосудами, которыми пользовались при этихъ пирушкахъ, были рогъ и кубки. Они зачастую художественно разукрашивались и дѣлались изъ глины или металла. Особые слуги разливали во время празднествъ напитки. Во время пирушекъ пили за здоровье другъ друга со взаимнымъ пожеланіемъ счатья. Очень нерѣдко первый кубокъ посвящался любви, памяти какого-нибудь усопшаго или какому-нибудь божеству. Въ общемъ, въ героическій періодъ принимали участіе въ пирахъ только мужчины, но, всетаки (особенно при особыхъ празднествахъ), присутствовала и хозяйка дома, или дочь. Тогда она предлагала героямъ кубокъ, переходила отъ одного къ другому, всѣхъ привѣтствовала и восхваляла тамъ, гдѣ это было у мѣста, или же возбуждала юношей къ геройскимъ подвигамъ. Во время пировъ велись самые разнообразные разговоры. Почти всегда выступалъ пѣвецъ (scôp) и восхвалялъ при звукахъ арфы дѣянія усопшихъ героевъ или чужеземныхъ мужей. Внимательно слушали его герои. Звуки арфы будили воиновъ уже по утру, читаемъ въ Беовульфѣ. Между тѣмъ кто-нибудь принимался разсказывать о своихъ собственныхъ приключеніяхъ и извлекалъ изъ превратностей, которыя претерпѣлъ, нравоученія на благо своихъ сотоварищей. Нерѣдко забавлялись разгадываніемъ загадокъ. Иногда мы слышимъ и споръ между героями, въ которомъ одинъ старается возвыситься надъ другимъ своими подвигами. Время между тѣмъ шло, и питье начинало оказывать свое дѣйствіе; тогда нерѣдко давались обѣты: торжественно обѣщали совершить тотъ или иной подвигъ.

Особенно торжественными были тѣ пиры, на которыхъ присутствовалъ какой-нибудь чужестранецъ, такъ какъ у англосаксовъ, какъ и у другихъ германцевъ, гостепріимство свято чтилось. Лишь только чужеземецъ переступалъ порогъ, онъ привѣтствовался хозяиномъ, послѣ чего этотъ послѣдній тщательно заботился объ устроеніи прибывшаго. Во время пира онъ занималъ почетное мѣсто и сидѣлъ противъ короля. Ему назначались особые прислужники, которые должны были позаботиться о покояхъ для гостя. Когда этотъ послѣдній уѣзжалъ, онъ богато одаривался. Оружіе и платье, а также и коней давали пришельцу съ собою—особенно, если онъ оказалъ услуги своему дарителю и его дому.

Но обратимся ко внутреннему устройству дома англосаксовъ. Кромѣ залы, гдѣ былъ собственно настоящій жизненный пульсъ, безъ сомнѣнія въ домѣ было еще много комнатъ: такъ,—конечно, спальня для хозяина дома и его жены, покой для гостей, безъ сомнѣнія также и комнаты для женщинъ. Всѣ эти комнаты были, въ общемъ, также просты. Сидѣли, обыкновенно, на стулѣ, болѣе похожемъ на скамейку; въ покоѣ для женщинъ находимъ наряду съ нимъ родъ скамейки. Столы въ этихъ комнатахъ въ древнее время были большею частью круглыми и покоились на трехъ или четырехъ ножкахъ; только изрѣдка находятъ столы, покоящіеся на одной колонкѣ. Уже рано въ англосаксонскихъ источникахъ можно найти упоминаніе объ очагѣ. Позже—удѣлялось особое мѣсто для приготовленія пищи. Было-ли это отдѣльной постройкой или только мѣстомъ, которое примыкало къ залѣ, нельзя точно установить; вѣроятнѣе—первое. Между нимъ и главнымъ пространствомъ лежалъ bellhûs, гдѣ, обыкновенно, содержалась прислуга.

Тогда какъ въ древнее время главный покой и освѣщался и нагрѣвался огнемъ очага, позднѣе, подъ вліяніемъ западной культуры, стали употреблять свѣчи для освѣщенія комнатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ познакомились и съ подсвѣчникомъ, который ихъ поддерживалъ. Для приготовленія этихъ свѣчей, кажется, пользовались по преимуществу саломъ и воскомъ. Послѣдній очень легко добывался, благодаря множеству пчелъ въ тѣхъ странахъ. Подсвѣчники часто художественно украшались; дѣлались они большей частью изъ металла, иногда изъ серебра. Отъ римлянъ англосаксы выучились также употребленію лампъ.

Относительно устройства постели источники не даютъ желаемой точности. Вѣроятно, она состояла изъ соломенныхъ плетенокъ, на которыя накладывались покрывала. Эти плетенки и покрывала втеченіи дня сохранялись въ постельныхъ ларяхъ. Покрывалами обыкновенно и закрывались. Излюбленными были мѣховыя покрывала, которыя получались въ торговлѣ съ сѣверными германцами. Если въ болѣе древнее время постель дѣлалась тамъ, гдѣ сидѣли днемъ, то позднѣе появляются особыя скамейки для постели, болѣе низкія поставки, которыя сохранялись въ отдаленныхъ уголкахъ комнаты. Собственно кровати—рѣдки и встрѣчаются, большею частью, у людей съ положеніемъ.

Семья.

Семейныя узы для англосаксовъ, также, какъ и для всѣхъ германцевъ, были священны. Правда, женщина была безправна, но она была вѣрной, любвеобильной подругой своего мужа во всѣхъ положеніяхъ жизни и высоко имъ почиталась. Она принимала участіе во всемъ, что касалось мужа, помогала ему, когда нужно было обдумать что-нибудь новое или важное, сидѣла рядомъ съ нимъ на пиру, привѣтствовала гостей и прославляла ихъ, если они совершили какой-нибудь подвигъ на службѣ ея супруга. Жена пріобрѣталась покупкой. Обрученіе было настоящей торговой сдѣлкой, которая заключалась между родственниками невѣсты и жениха. Послѣ того, какъ покупка невѣсты была завершена, между обѣими сторонами опредѣлялся размѣръ утренняго подарка и вѣно, т. е. состояніе, которое женщина должна получить, если бы она овдовѣла. Самой дѣвушкѣ бракъ не навязывался, но ей позволялось рѣшать по собственному желанію. Въ бракѣ женщина совершенно покорялась волѣ мужа, но, все же, послѣ, какъ и раньше, она оставалась въ юридической связи со своими родственниками. Разводъ не былъ труденъ въ доисторическое время, онъ зависѣлъ отъ соглашенія обоихъ супруговъ, но, все же, случался рѣдко. Рядомъ съ законной женой были, конечно, въ языческое время не рѣдки любовницы, незаконныя жены.

Важнѣйшей задачей жены было рожать своему супругу наслѣдниковъ. О самихъ дѣтяхъ послѣ ихъ рожденія не всегда заботилась женщина. Они передавались потомъ, особенно въ высшихъ сословіяхъ, кормилицамъ, которыя ихъ кормили и воспитывали. Уже рано у англосаксовъ находимъ мы обычай пеленанія дѣтей. Они лежали въ люлькѣ, которая зачастую была изящно разукрашена и богато убрана. Когда они могли

уже бѣгать, топтались они на земельномъ полу залы или на свѣжемъ воздухѣ передъ домомъ. Дѣти знатныхъ часто ходили къ воспитателю, который обучалъ ихъ владѣть оружіемъ. Дѣти рано становились совершеннолѣтними: по законамъ Кента и Вессекса, въ древнѣйшее время—уже съ 10-ти лѣтъ, позже съ 12-ти, и еще позже съ 15-ти. По объявленіи совершеннолѣтія, дѣти становились правоспособными, вступали въ общину и сотню, получали право на полную виру, сами могли управлять своимъ имуществомъ и приносить присягу передъ судьей.

Погребеніе у англосаксонскаго народа также было чисто германскимъ. Въ поэмѣ Беовульфъ мы находимъ одинаковые обряды, какъ и у сѣверныхъ германцевъ. Трупъ или сожигался на кострѣ или доставлялся на корабль, который потомъ отдавался морскимъ волнамъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, усопшему сбоку клались богатые дары: золото, кольца, оружіе, короче—все, что ему было дорого при жизни. Все это онъ долженъ былъ употреблять, по воззрѣнію народа, и за гробомъ. Если мертвый сожигался, надъ его пепломъ набрасывался холмикъ. Родственники же объѣзжаютъ или обходятъ могилу и поютъ хвалебныя пѣсни въ честь усопшаго. Дома пирушкой справляютъ поминки по немъ, пирушкой, въ которой невидимо принимаетъ участіе и усопшій. Сожженіе тѣлъ, конечно, прекратилось, лишь только появились начатки христіанства. Уже рано въ Британіи стало на его мѣсто погребеніе несожженнаго трупа, но, все же, и дары усопшему и поминки продолжались еще цѣлыя столѣтія; христіанство не было въ состояніи уничтожить ихъ.

Кромѣ сочленовъ семьи, почти у всѣхъ свободныхъ находимъ мы въ древнее время *рабовъ*, которые лишь по введеніи христіанства получили достойное человѣка бытіе. Они были лично несвободными, считались вещью и находились совершенно подъ властью своего господина, который могъ по желанію наказывать ихъ, и даже убить. Что обращеніе съ ними не всегда было наилучшимъ, показываетъ то обстоятельство, что зачастую слуги убѣгали отъ своего господина изъ-за страха наказанія. Однако, подобные случаи обусловливались личнымъ характеромъ господина; въ общемъ же, обращеніе со слугами не было дурнымъ. Пользовались ими для всевозможныхъ услугъ, больше же всего для пастьбы стадъ. Такъ мы находимъ рабовъ-конюховъ, свинопасовъ, или дѣвушекъ, которыя на ручной мельницѣ мололи хлѣбъ, смотрѣли за дѣтьми и т. п. Особенно часто упоминаются въ качествѣ рабовъ покоренные кельты (валлійцы). Но и изъ другихъ странъ рабы доставлялись въ Британію: они были хорошимъ предметомъ торговли. Если слуга оказывался виновнымъ въ какомъ-нибудь преступленіи, то ему назначались другія наказанія, чѣмъ свободному. Если онъ покусился на чью-нибудь жизнь, его вѣшали или побивали камнями, въ то время, какъ свободнаго обезглавливали или сбрасывали со скалы. Клеймленіе и бичеваніе, которыя зачастую практиковались надъ несвободными, не случались никогда со свободнымъ. Что касается наказанія свободныхъ, то оно различно въ различныя эпохи. Древне-германская месть рано уже,—вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанства, была замѣнена вирою. Противъ большихъ и повторныхъ преступленій—законы опредѣляютъ или тѣлесныя наказанія (отрѣзаніе отдѣльныхъ членовъ, сдираніе кожи) или потерю личной свободы, изгнаніе, тюрьму, смерть. Соб-

ственно тюремное заключеніе—рѣдко, и упоминается лишь позднѣе, хотя и тогда темница есть только средство обезпеченія, если кто-либо не находитъ поручительства для явки въ судъ, или если должно быть оставлено время для родственника виновнаго, чтобы его выкупить.

Подъ наблюденіемъ несвободныхъ стоялъ, какъ уже упомянуто, скотъ. Въ богатствѣ стадами состояло отчасти состояніе англосаксовъ. Между пастбищными животными мы находимъ рогатый скотъ, овецъ и, прежде всего, свиней. Изъ птицъ упоминаются гуси и павлины. Нѣкоторые богачи, кажется, имѣли также цѣлые табуны. Скотъ пасся на свободѣ, на тучныхъ лугахъ или же въ дубовыхъ лѣсахъ. Вблизи пастбища находился огороженный водоемъ, къ которому животныхъ водили на водопой.

Занятія англосаксовъ были различны въ отдѣльныхъ сословіяхъ. Дворянство, конечно, находило самое большое удовольствіе въ войнѣ, охотѣ, и попойкѣ, которая сопровождала и то, и другое. На войнѣ предводитель ѣхалъ верхомъ впереди войска, которое слѣдовало за нимъ пѣшимъ. Вооруженіемъ служили кольчуги, липовый, обитый мѣдью щитъ, мѣдный шлемъ, на которомъ нерѣдко изображался кабанъ. Между наступательнымъ оружіемъ самое важное—мечъ и копье. Первый, большею частью обоюдоострый, часто снабженъ на рукояти художественными украшеніями. На клинкѣ—иногда написано рунами имя перваго обладателя. Мечи носятъ особыя имена; согласно легендамъ, они—работы великановъ или же карликовъ и часто колдовствомъ дѣлаются неотразимыми. Кромѣ нихъ знали также въ качествѣ наступательнаго оружія—стрѣлы и лукъ. Передъ сражающимися развѣвалось знамя, которое никогда не исчезало изъ боя. Въ мирное время главнымъ развлеченіемъ была охота, для которой давали просторъ обширные дѣвственные лѣса страны. Почти каждый свободный имѣлъ свой охотничій округъ; округъ королей былъ самымъ обширнымъ. Даже духовенство въ христіанское время не могло отвыкнуть отъ этого унаслѣдованнаго развлеченія. Охота производилась въ лѣсахъ и на поляхъ, какъ съ собаками, такъ и съ соколами. Дрессировкѣ этихъ охотничьихъ собакъ удѣлялось большое вниманіе. Для собакъ зачастую назначался особый слуга. Особенно излюбленными были борзыя собаки. Между животными, за которыми охотились, особенно выдѣляются кабанъ, олени, серны, зайцы. Охотились и за пернатыми, причемъ соколъ исполнялъ свое дѣло. Четвероногихъ животныхъ убивали копьемъ или стрѣлой изъ лука; иногда завязывался поединокъ; тогда вынимался и мечъ. Изъ дальнѣйшихъ увеселеній, которымъ предавалось особенно дворянство, слѣдуетъ упомянуть верховую ѣзду и плаваніе.

Занятія просто свободныхъ были разнообразными. Они также, какъ и дворянство, принимали участіе въ войнѣ и въ вѣчахъ и охотились на своихъ выгонахъ. Наряду съ этимъ имъ же принадлежалъ надзоръ за своими землями, своими лѣсами, своими выгонами, ибо въ нихъ состояло ихъ богатство. Каждое владѣніе было ограничено и такимъ образомъ отдѣлено отъ сосѣдей. Пашня обработывалась уже раціонально, чему выучились, вѣроятно, отъ римлянъ. Въ болѣе поздній періодъ—англосаксонскихъ королей—не разъ упоминается плугъ, изготовлявшійся, какъ и много другихъ предметовъ, кузнецомъ, работникомъ по дереву и металлу. Изъ злаковъ сѣялся преимущественно ячмень, изъ котораго дѣлалось не

олько пиво, но и хлѣбъ. Скотоводствомъ тоже уже рано стали заниматься съ особенной заботливостью. Обязанность приготовленія масла и сыра лежала на женщинахъ. Обращали вниманіе и на пчеловодство. Были особые пасѣчники, а воровство пчелъ уже въ древнее время сурово карались. Вѣдь пчеламъ были обязаны сотами, которые были необходимы для приготовленія меда, и воскомъ, составлявшимъ хорошую отрасль торговли. Наряду съ земледѣліемъ и скотоводствомъ, свободный англосаксъ занимался преимущественно торговлей. Какъ норманнскіе, такъ и англосаксонскіе корабли бороздили сѣверное море. Повсемѣстно мы находимъ торговыя мѣста (ceapstôw), между которыми Лондонъ занимаетъ первое мѣсто. Въ мѣстностяхъ, гдѣ процвѣтала торговля, царствовалъ миръ. Почти сплошь были это укрѣпленныя мѣста, лишь торговля скотомъ производилась иногда на ровныхъ мѣстахъ. Въ важнѣйшихъ торговыхъ центрахъ мы находимъ portgerêfa, надсмотрщика надъ торговлей, который назначался королемъ и слѣдилъ за торговлей. Никакая торговая сдѣлка не могла по законамъ состояться безъ свидѣтелей. Торговать можно было во всѣ дни, только въ воскресенье было это строго запрещено послѣ введенія христіанства. Предметы торговли необыкновенно разнообразны: рабы, скотъ, медъ, масло, короче — все, что производила страна, являлось на рынкѣ. Англы вели торговлю особенно съ фризами и франками. Въ древнѣйшее время торговля была мѣновой, но уже очень рано выступаетъ платежнымъ средствомъ металлъ. Только пользовались имъ не въ монетномъ видѣ, а по вѣсу. Чеканная монета является лишь позднѣе и возникаетъ подъ вліяніемъ римской. Но и чеканъ-то получали лишь болѣе мелкія счетныя единицы: пфенниги. Счетнымъ металломъ было, главнымъ образомъ, золото и серебро. Единицу составлялъ взвѣшенный фунтъ,—подраздѣленіями были— шиллингъ и пфеннигъ. На одинъ фунтъ приходилось 240 пфенниговъ, на 1 шиллингъ въ Мерсіи—4, въ Вессексѣ—5 пфенниговъ. Въ Кентѣ подраздѣленіемъ шиллинга является скоэтъ (Skoet), который приблизительно имѣетъ цѣнность пфеннига. Равную цѣнность имѣютъ нортумбрійскія ѳримзы. Къ этимъ англосаксонскимъ счетнымъ цѣнностямъ прибавились, благодаря сношеніямъ съ датчанами, позднѣе—новыя, а именно, марка, цѣнность которой = ½ фунта = 120 пфенниговъ, манкусъ (Mancus) = ⅛ ф. = 30 пфенниговъ и ёръ (Ör) = 20 пфеннигамъ.

Путешествіе изъ страны въ страну происходило на лодкахъ, на сушѣ ѣздили на телѣгахъ. Иногда купецъ ѣхалъ верхомъ. Тогда его лошадь имѣла сѣдло, узду и недоуздокъ, онъ самъ стремена и шпоры. Рѣдко купецъ выѣзжалъ одинъ, обыкновенно многіе соединялись для совмѣстнаго путешествія. Прообразомъ для повозокъ, которыми пользовались для перевозки товаровъ, была римская двухколесная biga, такъ какъ лошади, которыхъ погоняли кнутомъ, припрягались не къ дышлу, но прямо передъ повозкой. Люди ходили большею частью пѣшкомъ. Старыя римскія дороги, по образцу которыхъ позднѣе возводились подобныя же, были хорошими путями сообщенія. Постоянно при такихъ странствіяхъ носили оружіе, большею частью, копье, которое было несомо горизонтально на плечѣ. Путешествіе затруднялось недостаткомъ гостиницъ, но все же на высотахъ саксонской Англіи имѣлись постройки, подобныя восточнымъ караванъ-сараямъ, гдѣ можно было останавливаться на ночь. Римскія постройки,

какъ кажется, служили именно для этого. Недостатокъ гостиницъ, между прочимъ, выкупало широкоразвитое гостепріимство, къ которому каждый обязывался какъ по свѣтскимъ, такъ и церковнымъ законамъ. Прежде всего надо было принимать странствующихъ священниковъ. Первый долгъ гостепріимства требовалъ омыть руки и ноги чужеземцу, затѣмъ предложить ему освѣжиться. Втеченіи трехъ ночей можно было принимать чужеземца, но нужно было предоставить его правосудію, если онъ совершалъ что-нибудь противозаконное, или, наоборотъ, защитить его права. Если пришлецъ былъ иностранцемъ, онъ пользовался покровительствомъ короля, почему король также имѣлъ право на виру за чужеземца.

тоже представлялась возможность обогатиться, да и тяжестей они немного. Но *свободные* обѣднѣли; отчасти, благодаря большимъ судимъ штрафамъ, они попали въ рабство за долги, отчасти имъ врели безпрестанныя войны, въ которыхъ они должны были принимать тіе. Угнетаемые крупными землевладѣльцами, они принуждены были лать имъ свои помѣстьица и отдаваться подъ ихъ защиту сперва на вахъ свободныхъ подзащитныхъ людей, потомъ какъ оброчные крестьяне, онецъ какъ несвободные и подчиненные; послѣдніе слились въ *одинъ* съ крѣпостныхъ.

Крупные помѣщики становились все болѣе и болѣе независимыми государства; они добились освобожденія отъ налоговъ, воинской повности и штрафовъ, они стали *привилегированными*. Они назначали овниковъ, которые пользовались одинаковыми правами съ королевскими; налагали подати на своихъ подчиненныхъ и были ихъ судьями и водителями. Короли тщетно противодѣйствовали этому возвышенію; удалось только ограничить его, но не подавить. Въ концѣ 9 вѣка вилегированные имѣли уже свои собственные низшіе суды. Точно также образовали мелкія воюющія державы.

Какъ въ старыя времена мелкіе короли окружали себя дружиной, еровинги антрустіонами, такъ и крупные помѣщики собирали вокругъ отряды всадниковъ, въ которые стекались во множествѣ обѣднѣвшіе бодные. Эти *вассы* присягали господину въ вѣрности, отдаваясь подъ защиту, и обѣщали поддерживать его въ борьбѣ и нуждѣ. Господа замедлили присоединить къ этому маленькому конному войску пѣхоту, тавленную изъ ихъ подчиненныхъ—свободныхъ, несвободныхъ и крѣтныхъ. Съ этими войсками помѣщики присоединялись къ болѣе многоленнымъ отрядамъ, которые графы собирали во имя короля въ своихъ стяхъ. И Каролинги всею своей властью поддержали это учрежденіе, орое готово было уже распасться при ихъ предшественникахъ. Карлъ икій неутомимо стремился привлечь какъ можно больше свободныхъ военной службѣ. Но это не удавалось: ихъ число все уменьшалось и до смерти императора они уступили отрядамъ землевладѣльцевъ и слѣдствіи войска состояли уже изъ однихъ вассаловъ. Эти послѣдніе тавляли и общинный судъ своего господина (senior, seigneur). Такимъ азомъ помѣщики совершенно ослабили государство и способствовали распаденію.

Такъ произошла *феодальная* или *ленная* система. Теперь король повалъ только знатью, а она своими вассалами, и это не только на войнѣ, и въ мирное время. Правда, Карлъ Великій отмѣнилъ, подобно своимъ дкамъ, наслѣдственность должностей, которая прокралась при позднѣйшихъ овингахъ. Но она была въ духѣ времени, и ее нельзя было уничтожить. овники, въ особенности графы, получали помѣстья, и ихъ жалованье тояло въ доходахъ съ сельскаго хозяйства. Это-то и вело къ ихъ самотельности и наслѣдственности: вѣдь они обладали источникомъ, изъ котоисходила ихъ плата [1]). Позднѣйшіе Каролинги утвердили этотъ принципъ, бы привязать къ себѣ чиновниковъ, въ качествѣ своихъ вассаловъ, орые теряли свою должность при нарушеніи вѣрности. Такимъ обра-

[1]) Lamprecht. назв. соч. стр. 105 и слѣд.

зомъ они сдѣлались неограниченными господами своихъ бенефицій, и ещ
до конца Каролинговъ послѣднія стали уже наслѣдственными. Государств
потеряло всякое вліяніе; чиновники были связаны только клятвой въ вѣр
ности, но не законными обязательствами.

Сеймы обратились въ собранія крупныхъ вассаловъ; уже не корол
спрашивалъ у нихъ совѣта, а они подавали ему совѣты, предостерегал
его, даже угрожали отпаденіемъ. На народъ государство тоже не имѣл
вліянія; оно исходило только отъ знати и церкви.

Чѣмъ болѣе падало могущество короля, подрываемое знатью, тѣм
большимъ блескомъ онъ окружалъ себя. Меровинги ѣздили по государств
на сеймъ по старинному, въ повозкѣ, запряженной быками: у нихъ н
было ни короны, ни скипетра, а только копье [1]). Каролинги, пользо
вавшіеся большимъ внѣшнимъ значеніемъ, присоединили мечъ и щитъ
Карлъ Великій—скипетръ и, вѣроятно, крестъ. Пипинъ учредилъ помаз
заніе, Карлъ Великій—коронованіе. Каролинги уже не разъѣзжали п
государству, чтобы чинить судъ. Но все-таки они не жили въ городах
какъ Меровинги, но въ загородныхъ дворцахъ. Если они предпринимал
путешествія, то подданные должны были доставлять придворному шта
помѣщеніе и средства для дальнѣйшаго слѣдованія; точно также иностра
нымъ посланникамъ и свѣтскимъ или духовнымъ сановникамъ, если он
путешествовали. Епископъ, отлучавшійся изъ своей епархіи, получа
ежедневно 10 хлѣбовъ, 3 поросенка, 1 свинью, 3 курицы, 15 яиц
3 бочки напитковъ и 4 четверика овса.

Во внѣшнихъ сношеніяхъ король одинъ представлялъ государств
внутри онъ стоялъ во главѣ общиннаго быта, въ которомъ онъ имѣ
мало власти, а былъ просто блюститель государственнаго порядка. О
заключалъ союзы и миръ и предводительствовалъ войскомъ. Но отъ во
послѣдняго зависѣло вести или окончить войну: ей долженъ былъ по
чиняться король.

Выше стояла власть короля въ *судопроизводствѣ*. Надъ нимъ
было судьи. Его судъ считался высшей инстанціей. Законы франков
Lex Salica, не были для него строго обязательны, лишь бы были соблюде
судебныя формальности при участіи коллегіи присяжныхъ.

Важнѣйшемъ правомъ короля было *коронное право* (*Bannrecht*
въ силу котораго онъ могъ издавать постановленія и запрещенія; о
имѣли силу по салическимъ законамъ, но лишь въ области королевск
суда; обыкновенные же суды руководились народнымъ правомъ. То
также его постановленія не были обязательны и для его преемниковъ.

При Каролингахъ *карательные законы* стали мягче, нежели о
были при Меровингахъ [2]). Пипинъ и Карлъ Великій примѣняли смер
ную казнь лишь въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ, а въ остальныхъ о
замѣнили ее для свободныхъ денежнымъ штрафомъ и тюрьмою, для во
ноотпущенниковъ и слугъ—тѣлеснымъ наказаніемъ. Если виновнаго пр
ставляли въ королевскій судъ для назначенія ему наказанія, то онъ в
цѣло зависѣлъ отъ милости короля.

---

[1]) Richard *Schröder*. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, Leipzig. 18
Стр. 109 и слѣд.

[2]) Schröder, то-же соч. S. 339 f.

Уже со временъ Карла Мартелла, Каролинги упразднили *герцогства*, лившіяся въ ущербъ королю при Меровингахъ, за исключеніемъ нѣторыхъ пограничныхъ областей; Карлъ Великій назначилъ туда погранчныхъ герцоговъ, или *маркграфовъ*, съ военнымъ назначеніемъ, чтобы щищать границы отъ внѣшнихъ враговъ. Зато при Меровингахъ совершенно пало учрежденіе *королевскихъ посланцевъ*, которые облегчали ошенія короля съ государствомъ; Карлъ Великій возстановилъ и расширилъ ихъ значеніе. Онъ раздѣлилъ всю имперію на округи, куда началъ ежегодно двухъ посланцевъ: одного свѣтскаго, другого духовнаго; но на самомъ дѣлѣ утверждалъ ихъ постоянно. Они вполнѣ замѣняли короля въ округѣ, были отвѣтственны только передъ нимъ, получали отъ него приказанія и отдавали ему отчеты. Они объѣзжали свою область и знакомились съ ея положеніемъ, а также съ положеніемъ ея жителей [1]).

При выборѣ чиновниковъ король отдавалъ предпочтеніе *двору*. Этотслѣдній самъ раздѣлялся на четыре придворныя должности: сенешала, аршала, камерарія и шенка. Во главѣ канцеляріи стоялъ референрій, во главѣ королевскаго суда (послѣ короля) одинъ или нѣсколько альцграфовъ. Майордомы, которые при Меровингахъ стояли во главѣ сего двора, были естественно упразднены при Каролингахъ, достигшихъ этой должности королевскаго титула.

При Каролингахъ собранія свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ происходили на «майскомъ полѣ» т. е. во время смотра войскъ, такъ что но получило характеръ сеймовъ. Это ввелъ Пипинъ, перенеся старое артовское поле, на которое собирались народные представители и когда роизводился смотръ войскамъ, на май мѣсяцъ. Карлъ Великій часто созывалъ собраніе только лѣтомъ; Людовикъ благочестивый не соблюдалъ никакого опредѣленнаго срока собраній. Мѣсто ихъ вообще никогда не было строго установлено. Король обсуждалъ съ избранными людьми доклады сейму. Эти собранія не имѣли строго ограниченныхъ полномочій; ихъ рѣшенія касались всевозможныхъ вопросовъ и назывались «капитуляріями» [2]), вслѣдствіе раздѣленія на главы (kapitel).

Доходы государства состояли изъ военной добычи, податей съ вассаловъ и покоренныхъ народовъ, подарковъ иностранныхъ государей, пошлины и отечественныхъ вельможъ, изъ доходовъ съ королевскаго суда, съ коронныхъ имѣній, съ церквей и монастырей (мужскіе монастыри должны были доставлять лошадей, женскіе — одежды), изъ поземельныхъ и подушныхъ податей, десятины съ лѣсовъ и луговъ, таможенныхъ и торговыхъ сборовъ, двухъ третей штрафовъ (изъ которыхъ графы удерживали одну треть) и т. д. Королю принадлежали также всѣ выморочныя имѣнія, необработанныя земли и завоеванныя области [3]).

Церковь, религія и суевѣрія.

Важной и даже главнѣйшей задачей политики Пипиновъ, особенно Карла Великаго, было дружественное отношеніе къ *церкви*; потому что въ

[1]) Schröder, то-же соч. 131 и слѣд.
[2]) Schröder, то-же соч. 181 и слѣд.
[3]) Schröder, 181 и слѣд.

ней они находили не только союзницу противъ строптивыхъ вельможъ, но и орудіе вліянія на народъ, въ смыслѣ порядка, спокойствія и преданности царствующему дому. Поэтому всѣ власти и служебныя мѣста были распредѣлены поровну между духовными и свѣтскими лицами; всѣ законы охраняли самымъ тщательнымъ образомъ—интересы церкви и религіи вообще. Падерборнскій капитулярій (785 г.) предписывалъ, главнымъ образомъ, чтобы христіанскія церкви въ Саксоніи пользовались большимъ почетомъ, нежели прежнія языческія святыни. Церкви имѣли право убѣжища; кто укрывался тамъ, тотъ избавлялся отъ преслѣдованія, покуда его не требовали въ судъ; и даже тогда его жизнь была въ безопасности, и его могли приговорить только къ штрафу или изгнанію. Отъ милости короля зависѣло отмѣнить изгнаніе. О могуществѣ и вліяніи церкви свидѣтельствуетъ и то, что смертная казнь присуждалась во всѣхъ случаяхъ церковныхъ кражъ и поджоговъ, и также убійства духовнаго лица, заговора язычниковъ противъ христіанъ; убійство же свѣтскихъ лицъ, даже графовъ, наказывалось только денежнымъ штрафомъ. Смертная казнь грозила даже нарушителямъ постовъ и крещенія. Далѣе, она назначалась тѣмъ, которые предавались распространенному тогда гнусному суевѣрію, напр. считали себя «одержимыми дьяволомъ», или вѣрили въ колдуновъ и колдуній, ѣвшихъ человѣческое мясо,— и сжигали ихъ, а мясо ихъ ѣли или давали ѣсть другимъ; или же приносили человѣка въ жертву дьяволу, т. е. старымъ богамъ, или злымъ духамъ [1]). Это наказаніе распространялось также и на національный языческій обычай сжиганія труповъ. Но рядомъ съ этимъ, — что опять-таки свидѣтельствуетъ о могуществѣ церквей, существовало постановленіе, смягчавшее суровый законъ, по которому совершившіе преступленіе, заслуживающее смертной казни, могли спасти свою жизнь искренней исповѣдью и покаяніемъ.

Значеніе церкви поддерживали и многія другія учрежденія. Каждая приходская церковь получала доходъ съ каждыхъ 120 душъ по двору и по два гуфа земли, а также одного парня и одну дѣвушку; кромѣ того, десятину съ дохода и заработка своихъ прихожанъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ запрещались народныя сборища и предписывалось посѣщеніе церкви. За упущеніе крестить ребенка въ первый годъ жизни дворяне платили 120, свободные 60, а крѣпостные 30 шиллинговъ; за заключеніе незаконнаго брака и соблюденіе языческихъ обрядовъ платили половинный штрафъ. Погребеніе внѣ кладбища строго запрещалось.

При такой сильной поддержкѣ, какую Карлъ Великій оказывалъ церкви, нечего удивляться, что именно въ его правленіе *христіанство* одержало окончательную побѣду въ средней Европѣ. Обращеніе язычниковъ началось съ 7-го вѣка на сѣверѣ государства, благодаря англосаксонскимъ миссіонерамъ, на югѣ — благодаря англо-ирландскимъ. Въ концѣ 7 вѣка произошло обращеніе Баваріи, благодаря Рупрехту и Эммерану; въ 8 в. прирейнскія земли были обращены англосаксонцемъ Винфредомъ или *Бонифаціемъ* (род. 680 г.), который скрѣпилъ связь нѣмецкой церкви съ Римомъ. Онъ срубилъ дубъ Донара въ Гессенѣ, сдѣлался майнцскимъ архіепископомъ и былъ убитъ въ 754 г.

---

[1]) Какую при крещеніи употребляли формулу отреченія отъ языческаго вѣрованія, которое считалось служеніемъ дьяволу, показано выше.

Франсландіи. Тѣмъ не менѣе, новое исповѣданіе сдѣлано старому нѣкоторыя уступки, именно, почитаніе святыхъ, которымъ приписывали такое покровительство въ различныхъ обстоятельствахъ, какъ прежде языческимъ богамъ. За то церковь нашла утѣшеніе въ томъ, что съ распространеніемъ христіанства не только улучшались правы населенія, но и усиливалось просвѣщеніе.

При Карлѣ Великомъ христіанство такъ сильно распространилось въ Германіи, что вскорѣ послѣ майнцскаго были учреждены архіепископства кирское, кельнское и зальцбургское, а также многія епископства.

Рядомъ съ епископствами важной поддержкой новаго исповѣданія были *монастыри*. Самый старинный и значительный въ Германіи на правомъ берегу Рейна былъ *Фульдскій*, устроенный въ 744 г. баварскимъ апостоломъ, пустынникомъ Штурмомъ. Пипинъ и Карлъ Великій защищали и почитали его. Онъ умеръ тамъ въ 779 г. первымъ игуменомъ. Мецскій епископъ Хродегангъ, который самъ жилъ монахомъ, учредилъ два монастыря, Горце подъ Мецомъ и Лоршъ близъ Вормса. Еще при жизни Бонифація вся Германія была усѣяна монастырями, которые имѣли сильное вліяніе на населеніе. Если заключались браки, недозволенные Римомъ по причинѣ близкаго родства, то ихъ расторгали, не смотря на любовь и дѣтей. Церковное покаяніе налагалось за дѣла, о преступности которыхъ виновные не имѣли никакого понятія. Церковь строго карала несоблюденіе церковныхъ службъ, исповѣди и постовъ; первыя налагались молитва, постъ и милостыня, позднѣе бичеваніе и другія кары. Уже тогда пытались ввести безбрачіе духовенства, но безуспѣшно. Впрочемъ церковь отмѣняла свои наказанія за плату, охотно брала подарки «во спасеніе души» и не только не запрещала крѣпостничества, но сама владѣла тысячами несвободныхъ, покупала и продавала ихъ.

Государство широко пользовалось могуществомъ церкви. Благодаря ей, оно достигало болѣе строгаго исполненія собственныхъ законовъ и наказывало черезъ нее многіе проступки, которые оно не могло преслѣдовать по собственнымъ законамъ. Каролинги предоставили *духовному суду* преступленія противъ нравственности и убійство родственниковъ и признавали церковныя наказанія наравнѣ со свѣтскими; они даже понуждали епископовъ приводить ихъ въ исполненіе и признавали отлученіе отъ церкви и гражданской смертью. Но какъ ни поощрялъ Карлъ Великій эти уступки, тѣмъ не менѣе, онъ заботился о томъ, чтобы духовенство не слишкомъ усиливалось. Онъ запретилъ ему поощрять волокитство и суевѣріе, носить оружіе, злоупотреблять правомъ церкви давать убѣжище преступникамъ, принимать клятву отъ несовершеннолѣтнихъ, покидать монастыри и т. д. Онъ рѣшалъ даже вопросы вѣры и былъ названъ однимъ соборомъ въ Майнцѣ «владыкой церкви». Онъ вообще стремился къ сближенію между мірянами и духовенствомъ; и если первые были достаточно подготовлены (какъ напр. Ангильбертъ и Эйнгардъ, которые впослѣдствіи сдѣлались тоже духовными), то онъ назначалъ ихъ игуменами, а епископамъ и игуменамъ давалъ свѣтскія должности.

Распространеніе христіанства не положило конецъ *суевѣрію*. Недостатокъ научнаго образованія, который сильно сказывался даже у духов-

ныхъ, поддерживалъ въ народѣ страсть къ чудесному, тѣмъ болѣе, что онъ еще не освободился отъ языческой вѣры въ колдовство. Отъ нея не были свободны даже ученые и писатели того времени. Лангобардскій историкъ *Павелъ Діаконъ* считалъ солнечныя и лунныя затменія предвѣстниками чумы и вѣрилъ, что ангелы опредѣляютъ, сколько жертвъ требовала эта зараза; онъ вѣрилъ также во временное превращеніе людей въ звѣрей. Историкъ *Эйнгардъ* сообщаетъ объ ангельскихъ видѣніяхъ, предотвратившихъ церковный пожаръ. Рейнскій архіепископъ *Гинкмаръ*, тожъ историкъ, разсказываетъ, будто епископъ орлеанскій Евхерій видѣлъ, въ состояніи экстаза, Карла Мартелла въ аду за церковную кражу; онъ не сообразилъ, что Евхерій умеръ раньше Карла Мартелла! Одинъ лѣтописецъ извѣстный лишь подъ именемъ монаха изъ Сенъ-Галлена, разсказывалъ о явленіи дьявола въ образѣ мула.

Уже тогда (въ 799 г. на одномъ соборѣ въ Риспахѣ, близъ Регенсбурга) стали угрожать наказаніемъ такъ называемымъ *колдуньямъ*, накликавшимъ непогоду или несчастіе. Но еще «не дошли» до ихъ сожженія.

Мощи святыхъ пользовались большимъ поклоненіемъ. Ихъ крали или поручали украсть въ Римѣ, чтобы имѣть въ собственной церкви. Это дѣлалъ даже Эйнгардъ, а монахи, какъ напримѣръ, Руодольфъ Фульдскій писали книги о перенесеніи мощей и происшедшихъ при этомъ чудесныхъ исцѣленіяхъ больныхъ и калѣкъ.

Святой Анскаръ, проповѣдникъ Сѣвера, видѣлъ въ *видѣніи* чистилищный огонь и небо, даже Христа и Бога. Его біографъ разсказываетъ, что дьяволъ хотѣлъ помѣшать его прибытію въ Швецію и послалъ туда человѣка, который по порученію боговъ отговаривалъ людей отъ принятія христіанства.

Наука, литература и искусство.

До Карла Великаго у франковъ совершенно отсутствовало высшее идеальное стремленіе,—любовь къ искусству, литературѣ и наукѣ. Завоеваніе Лангобардскаго государства, гдѣ соприкосновеніе съ остатками римской культуры сообщило господствующей народности значительную степень образованія, подало Карлу поводъ устроить то же самое для своего франкскаго королевства. Онъ привезъ изъ Италіи двухъ замѣчательныхъ для того времени ученыхъ—итальянца *Петра* Пизанскаго и лангобарда *Павла* Діакона. Къ нимъ присоединился англосаксъ *Алькуинъ*; его отечество уже давно, первое изъ всѣхъ германскихъ народностей, [1]) началъ усердно развивать умственные интересы по образцу древнихъ. Съ тѣхъ поръ, при дворѣ Карла Великаго пробудилась кипучая литературная жизнь, въ которой вскорѣ приняли участіе и франки, какъ напримѣръ, дѣльный *Эйнгардъ* и *Ангильбертъ*, вестготъ *Теодульфъ*, епископъ *Орлеанскій*, баварцы *Арно*, епископъ зальцбургскій и *Лейдратъ*, архіепископъ ліонскій, а также ирландцы Дунгалъ и Дикуилъ. Но главнымъ двигателемъ былъ Алькуинъ. Въ его отечествѣ уже было много школъ, которыя примѣняли методъ взаимнаго обученія, вновь возникающій въ послѣднее время. Онъ состоитъ въ томъ, что старшій ученикъ бесѣдуетъ о научныхъ пред-

[1]) Lamprecht, Deutsche Geschichte II, 58. и слѣд.

тахъ съ младшимъ; когда разговоръ не клеится, учитель помогаетъ и оставляетъ ихъ. Алькуинъ ввелъ этотъ методъ при франкскомъ дворѣ и написалъ о немъ учебникъ, которымъ пользовались сыновья короля. Дочери короля тоже не отставали въ ученіи. Возникла школа, куда франкскіе вельможи посылали своихъ сыновей и которою управлялъ Алькуинъ. Онъ основалъ и другую, большую школу въ монастырѣ св. Мартина въ Турѣ. Подобныя же школы возникли въ важнѣйшихъ монастыряхъ епископствахъ въ Кельнѣ, Фульдѣ, Мецѣ, Сенъ-Галленѣ, Зальбургѣ и др. Самъ Карлъ составлялъ съ названными учеными родъ академіи; члены ея запросто прозвали другъ друга различными древними и библейскими именами, особенно подходившими къ ихъ литературнымъ и художественнымъ стремленіямъ и способностямъ. Если члены отправлялись внутрь государства, чтобы распространять образованіе, то они переписывались между собою и съ монархомъ, который учился неутомимо. Карлъ любилъ астрономію, съ живымъ участіемъ занимался времясчисленіемъ и содѣйствовалъ исправленію календаря. Онъ принималъ живое участіе въ разработкѣ родного языка, написалъ самъ нѣмецкую грамматику и далъ мѣсяцамъ и странамъ свѣта нѣмецкія названія, которыя и теперь еще употребляютъ (имена мѣсяцевъ не вполнѣ). Сѣверъ, югъ, востокъ и западъ и производныя отъ нихъ названія, употребляемыя во всей Европѣ, введены имъ. Онъ собиралъ также нѣмецкія былины и саги, которыя, къ сожалѣнію, уничтожилъ его слабоумный наслѣдникъ.

Правда, въ кругу академіи господствовалъ языкъ Рима; но при Карлѣ очистился отъ жестокой порчи, печальнымъ свидѣтельствомъ которой служатъ документы отъ VI—VIII вѣка, и достигъ снова благородства и чистоты, хотя и не цицероновской; но все-таки онъ отличался грамматическою правильностью. Самъ Карлъ уже въ пожилыхъ годахъ учился читать и писать по латыни. Такъ что его время по справедливости можно назвать раннимъ Возрожденіемъ. Это-то античное направленіе и дало первый толчокъ мысли о возстановленіи Римской Имперіи, зародившейся, по всей вѣроятности, первоначально въ головѣ Алькуина [1]).

Но, какъ обыкновенно бываетъ, успѣхъ этого стремленія не соотвѣтствовалъ великодушному намѣренію. Друзья Карла хотѣли быть поэтами, но не были ими. Правда, была поэзія придворная и школьная; она процвѣтала, но не имѣла никакой связи съ народомъ и жизнью. Она имѣла исключительно церковный и христіанскій характеръ; да иначе и быть не могло. Могущество германскихъ государствъ, унаслѣдованное отъ христіанскаго Рима, развилось и пало съ христіанствомъ, а новая имперія соединила Франкское государство еще тѣснѣе съ Римомъ. *Ангильбертъ* назывался при дворѣ «Гомеромъ»; ему приписываютъ эпическое стихотвореніе о Карлѣ Великомъ и папѣ Львѣ III.

Позднѣе въ области поэзіи стали появляться болѣе удачныя произведенія. Въ концѣ IX вѣка, латинскій языкъ въ поэзіи сталъ уступать понемногу мѣсто нѣмецкому.

Первой попыткой на этомъ языкѣ было упомянутое выше стихотвореніе «Беовульфъ»; затѣмъ въ Германіи появилась «*Пѣснь Гильдебранда*», отъ которой, къ сожалѣнію, остался лишь одинъ отрывокъ.

---

[1]) Dahn. Deutsche Geschichte. 1. Bd. 2. Hälfte. Стр. 355 и слѣд.

Къ первобытнымъ временамъ Германіи относится также «*Вессобрунская молитва*», напоминающая пѣсни Эдды. Она воспѣваетъ сотвореніе міра; тогда какъ *Муспилли*, заимствовавшая имя изъ германскихъ миѳовъ, но содержащая христіанскія понятія, воспѣваетъ погибель міра. Оба произведенія возникли при Карлѣ. При Людовикѣ Благочестивомъ преобладала христіанская партія, но она пользовалась нѣмецкимъ языкомъ; замѣчательнымъ примѣромъ служитъ нижнегерманскій «*Геліандъ*», изображающій Спасителя въ видѣ нѣмецкаго принца. Слабое и сухое воспроизведеніе Священной Исторіи представляетъ, Евангельская гармонія монаха *Отфрида* изъ Вейссенбурга, оконченная въ 868 г. На нѣмецкихъ сагахъ основана также *Пѣснь Вальтгаріуса*, написанная по латыни санктгомлерскимъ монахомъ Эккегардомъ (930—940) и проникнутая языческимъ духомъ. Ко временамъ Каролинговъ (881) относится также *Пѣснь Людвига*, прославляющая на древнемъ верхнегерманскомъ нарѣчіи одну изъ современныхъ ей побѣдъ короля Людовика III. Съ конца царствованія Каролинговъ нѣмецкая поэзія изсякла на столѣтія, и возобновилось господство латинскаго языка почти исключительно въ прозѣ и гораздо худшей латыни, чѣмъ при Карлѣ Великомъ.

Наука ограничивалась въ эпоху Каролинговъ главнымъ образомъ исторіографіей; да и та была до того лишена критики, что почти не заслуживаетъ названія науки. Прямо вымышленныя исторіи совершенно серьезно выдавались за факты. Такъ разсказывали, будто въ 588 г. одинъ «персидскій императоръ», по имени Арнульфъ (!) слѣдуя примѣру своей супруги Цезарѣ (!) крестился въ Антіохіи съ 60.000 своихъ подданныхъ; а затѣмъ и весь его народъ обратился въ христіанство. Разсказывали даже объ одномъ крестовомъ походѣ Карла Великаго на югъ, гдѣ онъ встрѣтился съ императоромъ Аарономъ (Гарунъ). Но зато современная исторіографія оказала большія услуги. Съ одной стороны *Эйнгардъ* (умершій въ 844 г. въ монастырѣ Зелигенштадтскомъ; его жена Иммат оже поступила въ монастырь) написалъ исторію своего великаго покровителя, съ другой— внукъ императора, *Нитгартъ*, почетный аббатъ и вмѣстѣ храбрый воинъ, написалъ исторію борьбы между сыновьями Людовика до своей смерти (843).

Въ слѣдующія эпохи исторіографія и поэзія процвѣтали только въ монастыряхъ. Епископъ *Фрехульфъ* въ Лизье написалъ всемірную хронику, шотландецъ *Дикуилъ* составилъ учебникъ землевѣдѣнія; *Валафридъ*, прозванный Страбономъ, рейхенахскій аббатъ (842 — 849), написалъ дидактическое стихотвореніе «Гортулусъ», изобличающее ботаническія познанія; *Грабанусъ* Маврусъ, ученикъ Алькуина, аббатъ фульдскаго монастыря (822) и архіепископъ майнцскій (847 — 856) возобновилъ энциклопедію Исидора севильскаго. Эрмольдъ *Нигеллюсъ* воспѣвали въ льстивыхъ стихотвореніяхъ Людовика Благочестиваго. Многіе монахи писали хроники своихъ монастырей.

Изящныя искусства при Карлѣ Великомъ не отставали отъ литературы; но и они не пошли дальше первыхъ шаговъ [1]). Дворцы Карла представляютъ смѣсь архитектуръ римской и германской; одинъ походилъ на военный лагерь, другой на сельскохозяйственную усадьбу; посреди возвы-

[1]) Lamprecht S. 71 ff.

Характеръ средневѣковой культуры.

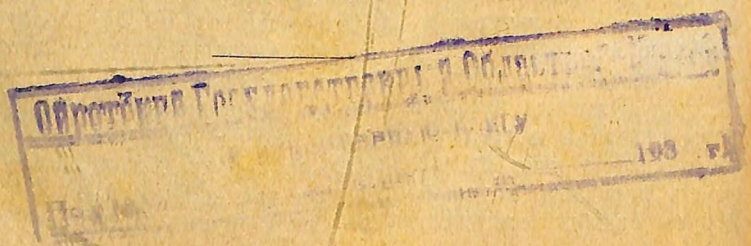
«Какъ въ умственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи европейское человѣчество въ эпоху Карла Великаго является юношески незрѣлымъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ естественному ходу развитія. Ни одинъ благоразумный человѣкъ не станетъ искать въ этой эпохѣ, ни въ позднѣйшихъ блеска идеальнаго просвѣщенія, какъ это нѣкогда сдѣлала романтическая школа. Никто не захочетъ вернуть настоящее на эту ступень развитія, даже если-бы это было возможно и не противорѣчило вѣчнымъ законамъ природы. Но никто не долженъ также забывать, что это положеніе вещей характеризуетъ тѣ фазы развитія, которыя народы должны были пережить также неизбѣжно, какъ отдѣльный человѣкъ свое дѣтство. Современная наука возвела въ аксіому, что каждый органъ тѣла, даже высшій, начиная съ незримаго зародыша, проходитъ множество ступеней развитія, и что исторія физическаго развитія особы есть не что иное, какъ краткое повтореніе исторіи его родословной. Къ тому же мы знаемъ, что этотъ біологическій законъ прилагается также и къ умственному ходу развитія, т. е. духовное развитіе человѣка есть также *не что иное, какъ краткое воспроизведеніе всей исторіи культуры.* Исторія культуры есть результатъ борьбы за существованіе, посредствомъ которой единичныя особи, въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ и въ цѣломъ, а также родъ, т. е. семейство, государство, народъ, становятся тѣмъ, чѣмъ они есть».

Присоединяясь къ этимъ словамъ Фридриха Гельвальда, мы не раздѣляемъ мнѣнія, что вѣка, обыкновенно называемые «средними», оправдываютъ свое названіе. Эта эпоха представляетъ «средній періодъ» между «древностью» и «новымъ временемъ», т. е. между прекращеніемъ классической культуры и ея возрожденіемъ съ 15 столѣтія лишь по отношенію къ годамъ, но не къ дѣйствовавшему человѣчеству и умственнымъ силамъ. Съ нимъ начинается скорѣе новый міръ, новый отдѣлъ въ исторіи культуры человѣчества; на историческое поприще вступаютъ народы сѣверной и средней Европы, полные свѣжихъ силъ. Такъ называемые средніе вѣка представляютъ на самомъ дѣлѣ лишь юношескій возрастъ этихъ народовъ, которые, смѣнивъ такъ-называемый классическій міръ, берутъ судьбы человѣчества въ свои руки. Отсюда начинается непре-

рывное культурное развитіе, и такъ-называемое новое время есть не больше, какъ его продолженіе.

Конечно, далекое будущее будетъ причислять и нашу эпоху еще къ «среднимъ вѣкамъ», которые протянутся и за 20 столѣтіе. Наше время представляетъ просто зрѣлый возрастъ тѣхъ народовъ, юность которыхъ мы называемъ «средними вѣками». Поэтому на эту эпоху нужно смотрѣть лишь какъ на время, когда *новые народы* начали пробовать свои силы—народы, еще не получившіе «воспитанія», и къ дѣяніямъ которыхъ мы можемъ приложить лишь мѣрку «юношеской незрѣлости», какъ справедливо говоритъ Гельвальдъ. Стыдиться этой «незрѣлости», какъ это долгое время было въ модѣ, также нелѣпо, какъ если-бы мужчина сталъ стыдиться того, что когда-то онъ былъ несвѣдущимъ и необразованнымъ ребенкомъ. Съ другой стороны взглядъ «романтической школы» также несправедливъ, такъ какъ человѣкъ не можетъ допустить, чтобы ребенкомъ онъ сдѣлалъ больше, нежели въ зрѣломъ возрастѣ. Но еще большее заблужденіе думать, что европейское человѣчество не сдѣлало никакихъ успѣховъ въ такъ-называемые средніе вѣка; что оно, такъ сказать, остановилось на одной и той же ступени развитія. Напротивъ, въ области земледѣлія, промышленности, торговли, искусства, литературы и даже науки того времени, можно указать на значительныя произведенія, и слѣдуетъ признать, что они не мало содѣйствовали развитію справедливо восхваляемаго новаго времени.

Да и странно было-бы, если-бы это было иначе. Исторія культуры состоитъ изъ постепеннаго *развитія*, которое не прекращается, несмотря на временныя и часто только кажущіяся остановки или движенія назадъ, которыя, напротивъ, скорѣе побуждаютъ элементы движенія къ новымъ успѣхамъ. Мы находимъ съ древнѣйшихъ временъ и на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія успѣхи, которые, какъ полагаетъ Фр. фонъ-Гельвальдъ представляютъ не только улучшенія жизненныхъ условій, но и настоящій прогрессъ въ смыслѣ совершенствованія человѣка, хотя это послѣднее положеніе онъ и оспариваетъ. Такъ человѣкъ не только перешелъ отъ сырой пищи къ вареной, отъ наготы къ одеждѣ, отъ пещерныхъ жилищъ къ домамъ, отъ каменной посуды къ металлической, отъ кочевой жизни къ осѣдлой, что, конечно, относится лишь къ улучшенію жизненныхъ условій, но шелъ и по пути нравственнаго улучшенія отъ умыканія женъ къ браку, отъ полигаміи къ моногаміи, отъ произвола къ законности, отъ суевѣрія къ религіи, отъ невѣжества къ наукѣ.



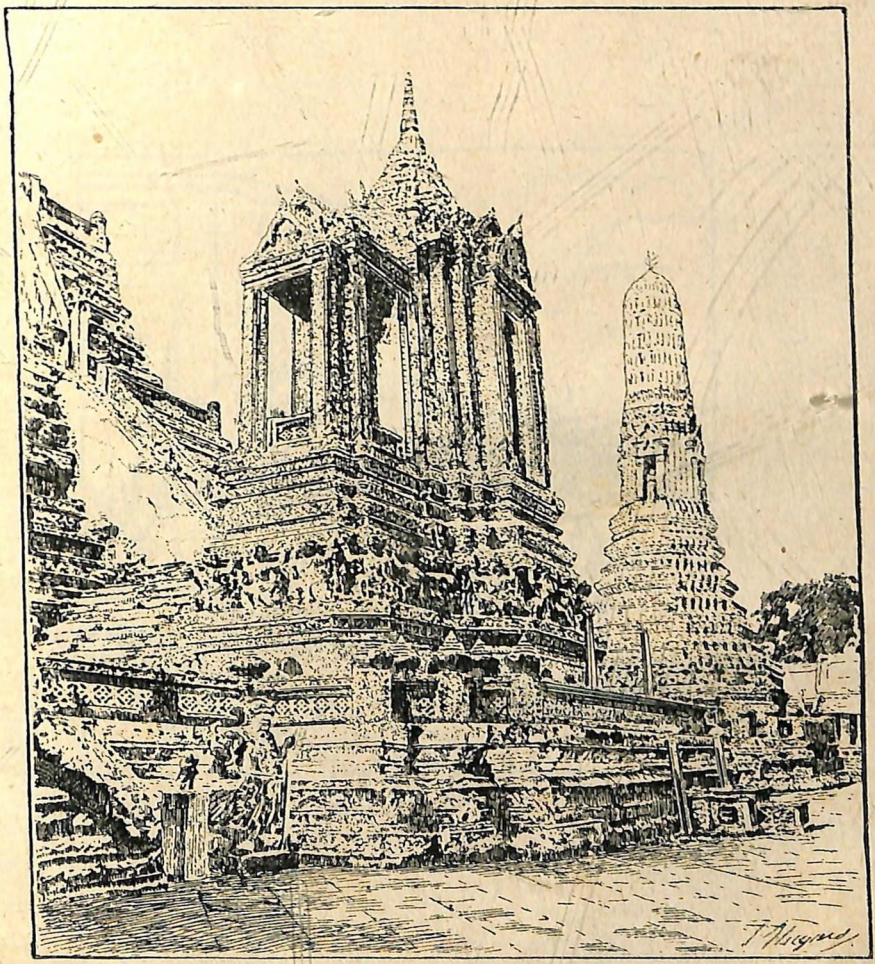


Табл. I. Рис. 1

Табл. I. Рис. 2.

Табл. II. Рис. 1.

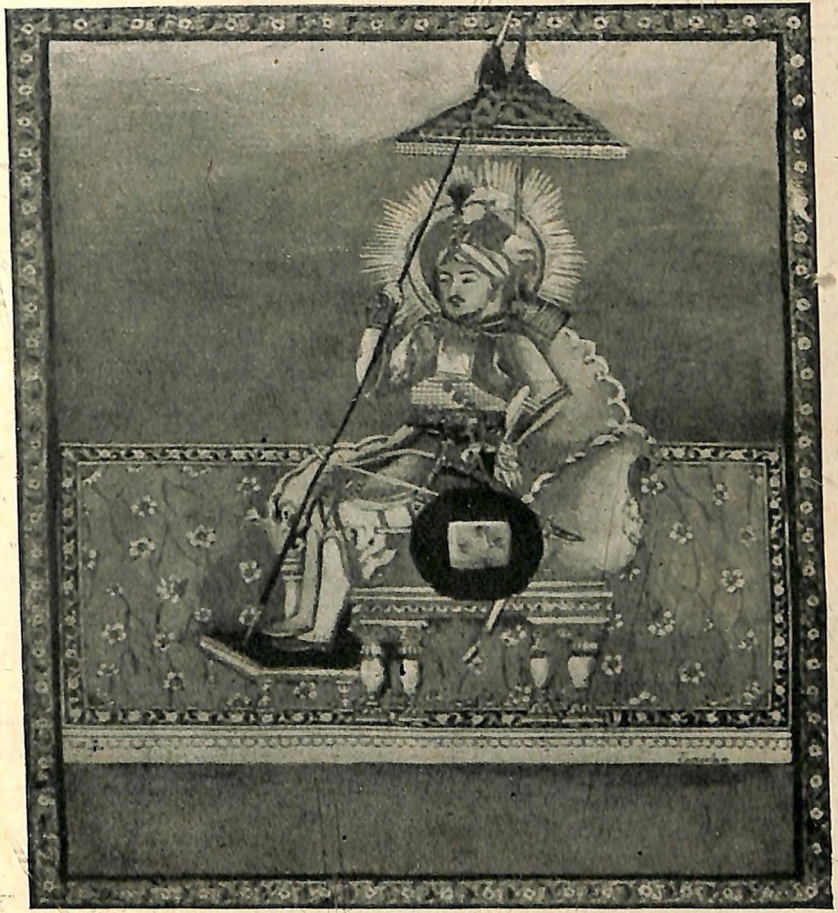


Табл. II. Рис. 2.

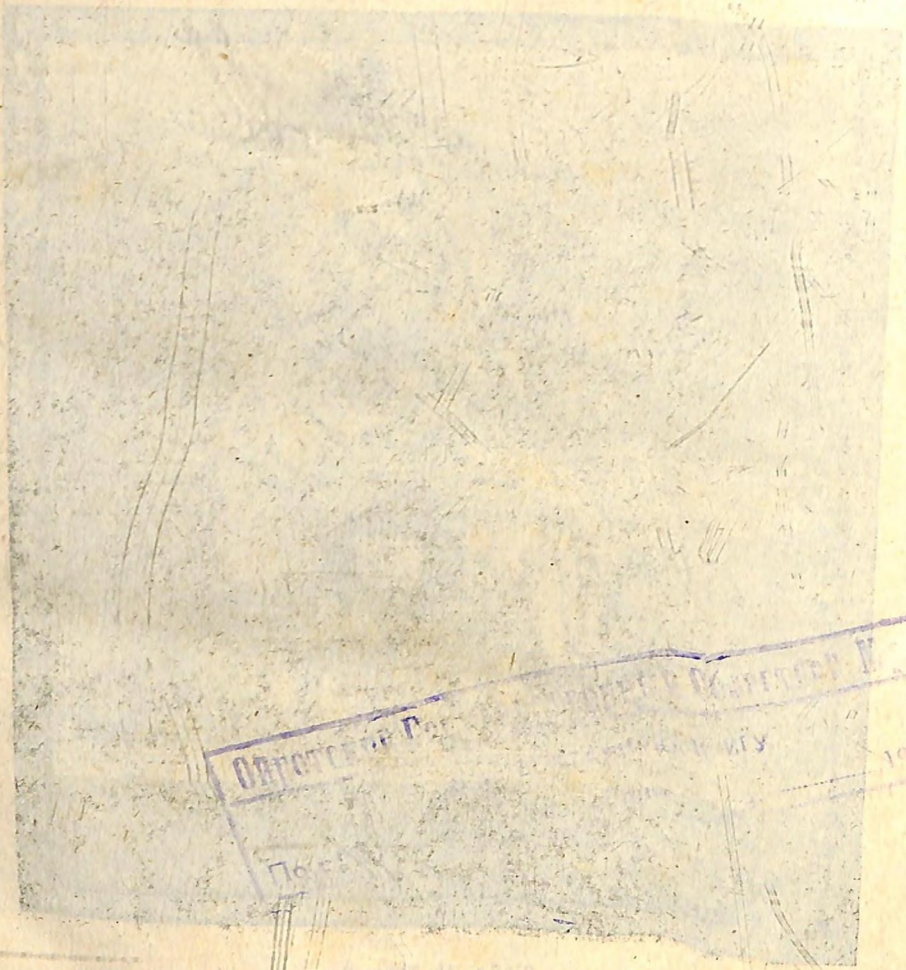


Табл. III. Рис. 1.

Табл. III. Рис. 2.

Табл. III. Рис. 3.

Табл. VI. Рис. 2.

Табл. VII. Рис 1.

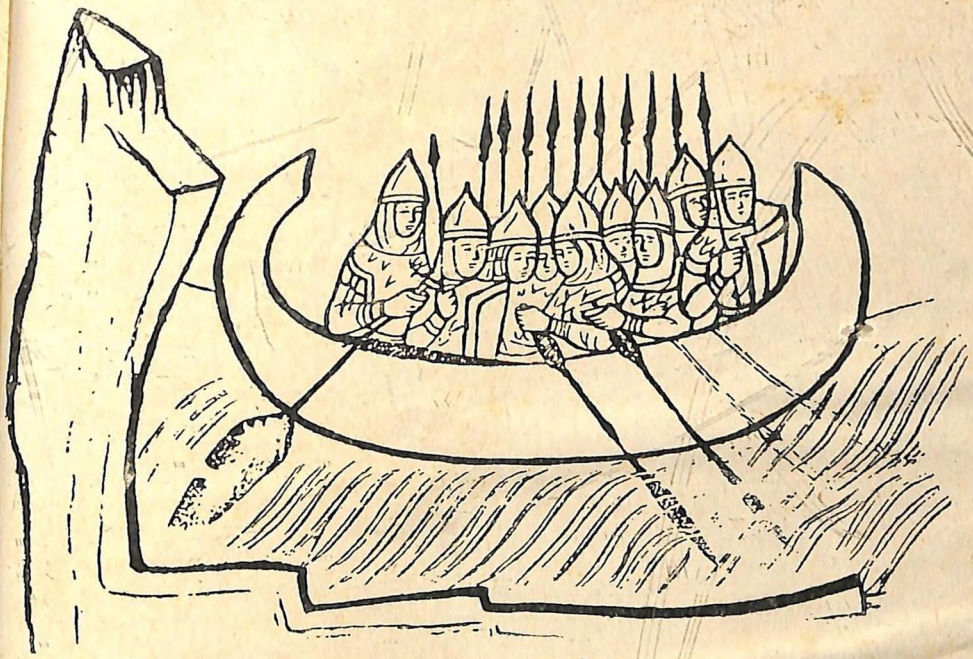


Табл. VII. Рис. 2.

Табл. VII. Рис. 3.

В ИНВЕНТАРНУЮ КНИГУ
Вписано 193 г.

НМРА Кот Оф 8218/78
РК 1259
АС 10593
ГК 192737 17